ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

**Сборник научных статей по материалам
Четвёртой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(24–26 сентября 2015 г.)**

МОСКВА
2016

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

УДК 8(045)
ББК 81
П78

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. В.З. Демьянков,
доктор филол. наук, проф. О.А. Мудрак

Редколлегия:
к.ф.н. Е.М. Девяткина (отв. ред.),
к.ф.н. Д.В. Маховиков, к.ф.н. А.Б. Шлуинский

П78 Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2016. – 316 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 24–26 сентября 2015 года в Институте языкознания РАН. Основные научные направления сборника: теоретическая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, типология, психолингвистика, диалектология.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для ученых-лингвистов, а также преподавателей высших учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-91730-612-4

© Авторы, 2016
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2016

Предисловие

24–26 сентября 2015 года в Институте языкознания РАН состоялась Четвёртая международная конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Конференция-школа стала очередной в ряду научных школ, работающих на базе Института языкознания РАН. С лекциями перед молодыми учёными выступили член-корр. РАН, д-р филол. н., проф. Анна Владимировна Дыбо, д-р филол. н., проф. Валерий Закиевич Демьянков, д-р филол. н., проф. Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. н., проф. Владимир Иванович Беликов, канд. филол. н. Андрей Владимирович Сидельцев.

Помимо лекций известных лингвистов с докладами выступили молодые учёные. Так как конференция-школа традиционно имела междисциплинарный характер, тематика докладов участников охватывала различные аспекты лингвистики: теоретическую лингвистику, сравнительно-историческое языкознание, описательную лингвистику, диалектологию, типологию, психолингвистику.

Настоящий сборник составлен из статей, основанных на докладах Четвёртой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Мы выражаем особую признательность участникам конференции-школы за плодотворное сотрудничество и надеемся на продолжение сложившейся традиции проведения подобных встреч в будущем.

Е.М. Девяткина

О.С. Аристархова
МПГУ[1], Москва

Единство идиостиля в дневнике С.Л. Франка[2]

Исследование дневников русских философов можно считать продолжением работ как по изучению языка философских текстов, так и по исследованию идиостиля философов. Дневник русского философа является частью языкового и мыслительного наследия как философских текстов в целом, так и частью наследия отдельного философа. Н.А. Фатеева отмечает, что изучение идиостиля автора помогает «вскрыть ранее неизвестные сферы языковой креативности и расширить представления о самом процессе художественной коммуникации» [Фатеева 2003: 16].

«Сопоставление художественных текстов с другими речевыми реализациями (текстами писем, дневников) – одна из интересных тем» в силу того, что «эпистолярный текст отражает не только черты языковой личности писателя, но и черты его идиостиля» [Ремчукова 2011: 64]. Сопоставление философского текста и дневников философов обладает той же потенцией.

В лингвистической литературе поднимались вопросы об особенностях языка русских философов, например работы А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского анализировались в рамках исследования проблемы «имяславия» [Гоготишвили 2006, Постовалова 1995].

В сугубо философских работах всегда исследуется мыслительное наследие философов, сравниваются философские системы и их развитие у отдельных авторов, влияние работ одного философа на другого. Проблема личности, его языка не является приоритетной задачей в подобных исследованиях. Отсутствие отдельных работ, посвященных исследованию единства идиостиля профессионального и дневникового текста философа, связано, как нам кажется, с тем, что дневники опубликованы сравнительно недавно.

---

[1] Здесь и далее названия учреждений приведены в сокращении, расшифровку см. на с. 313.

[2] Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 «Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе 19-21 вв.»).

Исследуемые дневники С.Л. Франка, написанные им в самом начале XX века (1902 г.) и в 40-х гг. XX в. (1942-1944 г.), представляют собой уникальные документы. Между временем создания этих текстов лежит 40 лет. За этот период произошли главные перемены в его жизни (женитьба, эмиграция), а также были созданы основные философские работы: «Предмет знания» (1915), «Крушение кумиров» (1924), «Смысл жизни» (1926), «Духовные основы общества» (1930), «Непостижимое (1939).

В этот период сформировалось не только собственное философское направление С.Л. Франка, но и собственный язык философа, его идиостиль. В статье показываются языковые особенности, характерные для текстов С.Л. Франка, а также сравниваются исследуемые дневники, их сходства и различия.

В организации текстов С.Л. Франка как собственно философского, так и дневникового обращает на себя внимание композиционная рамка. В собственно философском тексте она состоит из таких элементов как заглавие, дата, место написания, предисловие, введение, оглавление и др. Некоторыми их этих элементов обладают как любой дневниковый текст, так и дневники философа С.Л. Франка. Мы считаем, что в отношении его текстов следует выделить еще один элемент композиционной рамки – эпиграф.

Эпиграф – это самостоятельный элемент текста, «указывающий получателю путь интерпретации текста» [Лукин 2005: 117].

Отметим, что в собственно философских работах С.Л. Франк регулярно дает эпиграф. Например:

(1) *«Attingitur inattingibile inattingibiliter*[3] *Николай Кузанский / Посвящается моей жене»* («Непостижимое») [Франк 2007: 5];

(2) «*Дети! Храните себя от идолов. 1 Посл. Иоанна, 5, 21»* («Крушение кумиров») [Франк 2010а: 191];

(3) «*The air is cut away before // And closed from behind. // Fly, brother, fly! more high, more high! // Or we shall be belated. Coleridge*[4] («De profundis») [Франк 2010б: 169];

---

[3] «Недостижимое достигается через посредство его недостижения» (*лат*).

[4] Раздался воздух впереди, // Сомкнулся сзади он. // Летим, мой брат, скорей летим! // Мы запоздали так. (Кольридж С.Т. Поэма о Старом Моряке. Пер. Н.С. Гумилева) [Цит. по кн. С.Л. Франк Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 635].

(4) «*Незабвенной памяти моего друга, великого русского мыслителя и борца ПЕТРА СТРУВЕ* (1870–1944)» («Свет во тьме») [Франк 1949: 3].

В работе «С нами Бог» указано 4 эпиграфа, 2 из которых цитаты из Библии, а также отрывок из стихотворения Вл. Соловьева «Эмману-Эль» и посвящение семье [Франк 1964: 5].

Эпиграфы присутствуют и в дневниках С.Л. Франка.

Следует отметить, что хотя в собственно философских работах русских философов XX-XXI вв., также встречаются эпиграфы, однако, их нет в их дневниках. Например, в работах С.Н. Булгакова «Свет Невечерний», А.Ф. Лосева «Философия имени» и др. Другими словами, эпиграф – это своеобразная культурная черта философских текстов, но она не переносится на дневник. Эпиграф же в текстах С.Л. Франка следует рассматривать не только как дань традиции, но и как авторскую особенность его текстов.

Эпиграф в дневниках С.Л. Франка функционирует не только как отрывок, помещенный в начале текста с целью указать его смысл, основную идею текста, но и выполняет роль предисловия к этому тексту.

Следует обратиться к структурно-функциональным особенностям предисловия в русском философском тексте. Предисловие в научном тексте содержит краткое изложение, основную мысль, идею целого текста. Н.М. Азарова отмечает, что «подобная структура, будучи аддитивной, противоречит не только принципам цельности и неаддитивности как типологическим чертам философского текста, но и принципам функционирования философских понятий, семантика которых определяется всей длительностью философского текста и не может быть сведена к «краткому» предваряющему определению в предисловии или введении» [Азарова 2010: 196]. Автор указывает, что в текстах русских философов имеет место переосмысленное предисловие «на основе организующей роли обращенного я-текста», а главная функция в философском тексте такого предисловия – «обращение» [Там же], так как основное содержание таких предисловий включает в себя указание на время, место, личные обстоятельства появления текста. Однако, «переосмысленное предисловие или вступление противоречит

принципу относительной структурной свободы русского философского текста» [Там же: 197].

Наличие подобного «**переосмысленного предисловия**» не противоречило бы структурным принципам любого дневникового текста, так как определенные личные обстоятельства, подтолкнувшие человека к началу ведения дневника, описать возможно было бы в предисловии к тексту. Отметим, что дневник философа К.С. Пигрова имеет предисловие. К.С. Пигров пишет небольшой текст перед первой дневниковой записью, который озаглавливает как «Предисловие». В дневнике философа Б. Гройса причины, подтолкнувшие его к началу ведения дневника, описаны в первой дневниковой записи.

Интересно назначение эпиграфа в раннем дневнике С.Л. Франка. Мы полагаем, что этот отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Элегия» можно рассматривать как девиз философа в тот период жизни. Он обращается к себе, к своему «я» с помощью этого эпиграфа.

(5) «***Мой путь*** *уныл; сулит мне труд и горе // Грядущего волнуемое море. // Но* ***не хочу****, о други,* ***умирать: // Я жить хочу****, чтоб мыслить и страдать!»* [Франк 2006: 31]

Таким образом, в дневнике С.Л. Франка в качестве основной функции эпиграфа, как и у философского предисловия, выдвигается функция **обращения**. Именно на основании схожей функции мы рассматриваем эпиграф в его дневнике как предисловие.

Эпиграф позднего дневника С.Л. Франка, озаглавленного как «Мысли в страшные дни», начатый философом в ноябре 1942 г. коррелирует с основным содержанием текста. Мы полагаем, что основной причиной, толкнувшей философа вновь начать вести дневник, стала война. Возможно, автор позиционировал этот текст как особую форму протеста против происходящего. Главная интенция – продолжать мыслить, думать, верить, несмотря ни на какие ужасные события. Это и эпиграф, и предисловие к дневниковому тексту.

(6) *«**В ужасающей бойне, в хаосе бесчеловечности**, царящем ныне в мире,* ***победит*** *в конечном итоге тот,* ***кто***

первый ***начнет прощать****. Это и значит:* ***победит Бог****. / «И не бойтесь убивающих тело,* ***душу*** *же* ***не могущих убить****»* [Франк 2001: 347].

Схожая интенция: противостоять ужасам войны с помощью мысли – была высказана философом в предисловии к его книги «С нами Бог», написанном автором за год до начала ведения дневника. В работе оно датируется сентябрем-декабрем 1941 года:

(7) *«****В страшное время разгула*** *адских сил на земле, среди невообразимых* ***ужасов мировой войны****, живя в совершенном уединении, я имел потребность отчетливо осознать и правдиво выразить то, во что* ***я верю****, и что дает мне силу жить – уяснить подлинное благодатное существо веры и* ***Божией правды****»* [Франк 1964: 7].

Следующей общей чертой двух дневников С.Л. Франка следует считать позиционирование этих текстов как рабочей тетради. С.Л. Франк в своем раннем дневнике делает наброски к будущей работе «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему», а в позднем дневнике философ упоминает работу «Философия творчества»: «В связи с наметившимся у меня вчера замыслом написать «Философию творчества» в виде серии небольших критико-конструктивных «метафизических очерков» [Франк 2001: 360].

Однако нам не удалось в ходе нашего исследования обнаружить среди опубликованных текстов философа такую работу.

Работа над опубликованным в 1904 г. философским текстом «Фридрих Ницше и этика любви к дальнему» была начата в его дневнике. В дневнике разработаны авторские трактовки двух основных понятий будущей работы: «*любовь к ближнему*» и «*любовь к дальнему*». Правда, как отмечает философ, эти понятия ввел Ф. Ницше:

(8) *«Два моральных чувства, заповеданных Христом, – любовь к Богу и любовь к ближнему, или, как их выражает Ницше,* ***любовь к дальнему и любовь к ближнему****,* ***любовь к***

вещам и призракам и любовь к людям *– таковы два основных моральных двигателя человечества»* [Франк 2006: 46].

Отметим, что указанные понятия автор объясняет в этой работе так же, как и в дневнике. Следовательно, это подтверждает вывод о том, что дневник для философа не только личный текст, но и черновик профессиональной философской работы.

Однако в собственно философском тексте автор не выражает свое отношение к указанным понятиям, тогда как в дневнике авторская рефлексия имеет место. Это обусловлено влиянием дневникового текста, в котором структура *я-текста* базируется на метаязыковой рефлексии по отношению к написанному философскому высказыванию и наличием дейктических местоимений:

(9) *«Но* ***субъективно для меня*** *любовь к призракам выше любви к людям. Последняя действует у меня только как* задерживающий *принцип, первая же – есть активный* ***нравственный импульс моей жизни****»* [Франк 2006: 46].

Мы полагаем, что это особенность именно дневников русских философов, в которых, с одной стороны, имеет место рефлексия в отношении своего «я» как признак дневникового текста, с другой – стремление создать философский текст.

Анализ позднего дневника С.Л. Франка показал, что в тексте при описании философских размышлений отсутствуют дейктические местоимения как показатели метаязыковой рефлексии в отношении написанного. На этом основании мы можем утверждать, что он больше тяготеет к собственно философскому тексту. Кроме того, в этом тексте отсутствуют описания частной жизни, а также размышления в отношения своего «я», характера, привычек, образа жизни, что в дневнике 1902 г. является одной из основных тем.

В таблице приведены численные показатели использования философской лексики в дневниках философа и собственно философском тексте.

Таблица 1. Частотность философской лексики в дневниках и в собственно философском тексте на 10 000 словоформ[5]

Лексема	Франк (1902 г.)	Франк (40-е гг.)	Собственно философский текст
связка «суть»	3,6 (4)	**12 (14)**	**3,2 (39)**
бытие	13,6 (21)	**91 (101)**	**126,5 (1 505)**
онтологический	0	**5,4 (6)**	**5,6 (67)**
трансцендентальный	0	**0,6 (1)**	**3,1 (38)**
метафизический	0	**0**	**3,6 (51)**

Из данных, указанных в таблице, видно, что поздний дневник философа имеет схожие числовые показатели в использовании философской лексики с собственно философским текстом. В раннем дневнике используется философская лексика, но ее числовые показатели значительно меньше. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, этот текст меньше тяготеет к собственно философскому тексту, во-вторых, это текст молодого философа, следовательно, мы может говорить только о формирующихся языковых особенностях.

Для собственно философского текста использование связки «*суть*», как и связки есть «*есть*», является типологической чертой этих текстов. Разница в использовании связки «суть» в позднем дневнике С.Л. Франка в сравнении с ранним дневником и собственно философским текстом, по нашему мнению, связана с авторским выбором в ее употреблении в данном тексте.

(10) «*Путь вглубь и путь вширь* ***суть*** *два разных (но все же внутренне родственных) пути к Всеединству*» [Франк 2001: 389].

(11) «*...время и вневременность* ***суть*** *неразделимо связанные между собой измерения всеобъемлющего конкретно-сверхвременного бытия*» [Франк 2007: 128].

Дневники философа можно рассматривать как особую группу философских текстов, совмещающих в себе характеристики дневникового и собственно философского текстов.

---

[5] Объем текста С.Л. Франка 1902 г. 15 390 словоформ, дневника 40-х гг. – 11 094, собственно философского текса – 118 960. В скобках указана частотность лексемы в тексте.

Литература

1. Азарова Н.М. Язык философии. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. – М., 2010.
2. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. – М., 2006.
3. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М., 2005.
4. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М., 1995.
5. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М., 2011.
6. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. – М., 2003.
7. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. – Париж, 1949.
8. Франк С.Л. С нами Бог. Три размышления. – Париж, 1964.
9. Франк С.Л. Мысли в страшные дни (начато 19.XI.1942) // Непрочитанное… Статьи, письма, воспоминания. – М., 2001.
10. Франк С.Л. Дневник // Саратовский текст. – Саратов, 2006.
11. Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. – М., 2007.
12. Франк С.Л. Крушение кумиров // Избранные труды. – М., 2010.
13. Франк С.Л. De profundis // Избранные труды. – М., 2010.

Резюме

Статья посвящена выявлению общих языковых особенностей в собственно философском и дневником текстах С.Л. Франка. Исследуются структурные, лексические и грамматические особенности этих текстов.

Ключевые слова: *дневниковый текст, философский текст, идиостиль.*

Summary

The article is devoted to the identification of common features in the philosophical textes and the diaries of S. Frank. We study the structural, lexical and grammatical features of texts.

Keywords: *diary text, philosophical text, individual style.*

К.А. Багдасарян
НИУ ВШЭ, Москва

Глаголы извлечения объекта в типологической перспективе

1. Введение

Настоящая работа посвящена лексико-типологическому анализу одного из типов каузированного перемещения – глаголам извлечения объекта (ср. в русском *доставать, вынимать, извлекать* и под.) Материалом для исследования послужили данные 6 языков: русского, английского, немецкого, французского, армянского и китайского (путунхуа).

При этом объектом описания в данной статье будут исходные значения глаголов изучаемого семантического поля – их переносные употребления станут предметом отдельного исследования.

Итак, в центре нашего внимания – сопоставление лексических значений. Это относительно новая и активно развивающаяся в последнее время область типологических исследований [Плунгян, Рахилина 2007, Koptjevskaja-Tamm 2008, Рахилина, Резникова 2013]. Объектами лексико-типологического анализа уже становились достаточно разные семантические зоны, ср. глаголы перемещения в воде [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], разрушения [Majid, Bowerman (eds.) 2007], предикаты боли [Брицын и др. (ред.) 2009]. Особо следует отметить работы, посвященные глаголам каузированного перемещения и тем самым ближе всего подходящие к тематике настоящего проекта, а именно ‘давать’ [Newman (ed.) 1998] и ‘класть’ и ‘брать’ [Kopecka, Narasimhan (eds.) 2012]. Вместе с тем, семантический класс, который был выбран в качестве предмета исследования в настоящей работе, – глаголы извлечения объекта – еще не обращал на себя внимания специалистов по лексической типологии. Таким образом, цель настоящей работы – выявить различия между языками в способах лексикализации ситуации извлечения объекта и тем самым создать базу для ее изучения в широкой типологической перспективе.

Методология, выбранная для нашего исследования, основана на опыте работы Московской лексико-типологической группы и

известна как «фреймовый подход» к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013]. В соответствии с этой методикой, основанием для межъязыкового сравнения являются прототипические ситуации (фреймы), характерные для исследуемого поля. Для их выявления проводится анализ корпусных данных и классификация ситуаций, в которых могут употребляться слова интересующего нас поля. Удобнее при этом начинать с родного языка исследователя (соответственно, в нашем случае анализ проводился на основе данных НКРЯ).

Параллельно с этим осуществляется предварительная обработка данных других языков. На первом этапе она основана на материале переводных и толковых словарей: из них можно почерпнуть информацию о лексемах, которые относятся к рассматриваемому полю, их основных семантических особенностях и наиболее характерной сочетаемости.

На следующем этапе мы обращаемся к корпусам, доступным для данного языка, и инструментарию для исследования сочетаемости, предоставляемому на базе ресурса SketchEngine [https://www.sketchengine.co.uk/]. С помощью корпусов мы можем получить интересующие нас примеры употребления лексем в современном языке и определить типы ситуаций, соответствующие каждой лексеме. Эти ситуации затем использовались при составлении анкеты.

На третьем этапе мы работали с носителями с помощью созданной ранее анкеты. Опрашивая информантов, мы проверяли, какие из ситуаций, вынесенных в анкету, покрываются в данном языке одной лексемой, а какие – лексически противопоставляются. На этом основании мы определяли, какие параметры являются существенными для лексикализации исследуемого поля в том или ином языке.

Далее основные ситуации, которые могут лексически обособляться в каком-либо из рассмотренных языков, мы отображали на семантической карте.

Карта позволяет визуализировать типологические различия между лексическими системами. Метод семантических карт был заимствован в лексическую типологию из типологии грамматической [van der Auwera, Plungian 1998, Haspelmath 2003, Татевосов 2004]. Его принцип состоит в расположении значений, которые часто выражаются одними и теми же средствами, близко

друг к другу, и напротив, редко объединяемых – в отдалении друг от друга.

Семантическая карта показывает, какие фреймы являются центральными, а какие – периферийными для данного поля, а также, какие поля тесно связаны с исследуемым (т.е. являются для него пограничными). Сопоставление карт для разных языков позволяет выявить, какие объединения фреймов являются частотными в языках, а какие – встречаются типологически редко.

2. Фреймы семантического поля извлечения объекта

В качестве прототипической для нашего поля ситуации мы рассматривали доставание объекта из контейнера. Однако в ходе исследования материала выяснилось, что во многих языках лексемы, которые используются для описания подобных ситуаций (например, ‘достать ручку из сумки’, ‘достать платок из кармана’), также выступают в контекстах, характеризующих отделение некоторого объекта, прикрепленного к другому объекту (например, ‘вырвать зуб’, ‘вытащить занозу’). Это происходит, по-видимому, потому, что подобные объекты могут осмысляться как содержимое контейнера: действительно, и зуб, и растения своей небольшой частью находятся внутри другого объекта. Поскольку лексическое объединение этих ситуаций с прототипическими случаями извлечения объекта имеет место довольно часто, то мы включили в наше семантическое поле также и ситуации типа ‘выдергивания’.

Для исследуемых действий характерны три основных участника: X перемещает наружу Y из Z. Факультативно в ситуации может присутствовать и специальный инструмент Instr. Лексическая вариативность поля достигается за счет варьирования различных параметров, связанных прежде всего с Y и Z (как, например, количество Y – множественный или единичный объект, вес и размер Y, конкретные выделенные типы <люди, плоды и т.д.>, положение Z относительно X <далеко или близко> и др.). В отношении Y существенной оказывается также функциональность. С одной стороны, объектом может быть предмет, который будет нужен для дальнейшего использования (ср. ‘*извлечь флешку*’), с другой – объект может доставаться, потому что он мешает и от него надо избавиться (ср. ‘*вынуть косточку из вишни*’). Специальный инструмент Instr для

извлечения Y может отсутствовать – так, нитки из платья вытаскивают исключительно руками, а не с помощью какого-либо особого инструмента.

Ниже приводится список фреймов, которые были выделены в результате исследования шести языков и впоследствии наносились на семантическую карту. Для каждого фрейма в выборке есть хотя бы один язык, который лексически противопоставляет его соседним.

ОБЪЕКТ БЛИЗКО [СУМКА]. Этот фрейм является центральным для исследуемой зоны. Речь идет об извлечении объекта из контейнера, расположенного близко от субъекта (мы условно называем этот фрейм «сумкой», поскольку прототипической ситуацией, покрываемой этим фреймом, является извлечение объекта из сумки, расположенной на коленях у субъекта). Важно при этом, что объект находится в свободном, широком контейнере (ср. *сумка, чемодан*).

ОБЪЕКТ ДАЛЕКО [ПОЛКА]. В данном случае объекты находятся на расстоянии или вне непосредственного доступа субъекта (высоко, глубоко). Прототипическим примером является доставание книги с высокой полки (отсюда название фрейма). Аналогичную ситуацию представляет извлечение объектов из холодильника (если субъект предварительно должен подойти к холодильнику).

ПЛОТНЫЙ КОНТАКТ С КОНТЕЙНЕРОМ [КАРМАН]. Главная характеристика этого фрейма – тесное пространство, из которого извлекается объект (этим он отличается от фрейма «сумка», где мы обращали внимание на относительно широкий контейнер). В эту группу входят такие ситуации, как извлечение сигареты из пачки, платка из кармана и тому подобное.

РУКИ ИЗ КАРМАНОВ. Этот фрейм отчасти похож на предыдущий, поскольку объект находится в тесном контакте с контейнером. Однако объект в данном случае весьма специфичен: это часть тела субъекта – именно поэтому такое действие нередко лексически противопоставляется другим типам извлечения объекта из тесного контейнера. В частности, оно может маркироваться глаголом более общей семантики, ср. в английском, ***take*** *your hands out of your pockets* букв. ‘брать руки из карманов’.

МНОГО ОБЪЕКТОВ В КОНТЕЙНЕРЕ. Фрейм характеризуется обязательным наличием в контейнере множества

маленьких объектов, среди которого нужно *найти* и *вытащить* конкретный предмет. Например, речь может идти об извлечении билета из сумки, ручки из кармана, зонта из чемодана – в тех случаях, когда наряду с искомым в сумке, кармане или чемодане находится масса других объектов (ср. рус. *выудить*).

ЧАСТЬ ОБЪЕКТА ВИДНА. Особенностью фрейма является особое расположение объекта относительно контейнера: часть объекта выступает за границы контейнера – и именно за эту часть объект извлекается целиком наружу, ср. ситуации ‘вынуть сигарету изо рта’, ‘вынуть кролика из шляпы’ [за уши].

ТЯЖЕЛЫЙ ОБЪЕКТ. Существенной для данного фрейма является идея сложности осуществления действия – она может быть обусловлена как большим весом объекта, так и сопротивлением среды, в которой находится объект, ср. ситуации извлечения якоря из воды, ведра из колодца, сапог из грязи, лодки из моря и т. п.

РЫБА. Периферией исследуемого поля является ситуация ловли рыбы, которая подразумевает ее извлечение из воды. Мы включили этот фрейм в наш анализ, поскольку лексема, покрывающая эту зону, часто переносится на ситуацию доставания объекта из контейнера с множественным содержимым (фрейм «много объектов в контейнере»).

ЦЕННОСТИ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ. Данный фрейм покрывает ситуации, которые подразумевают извлечение ценных объектов в ходе раскопок.

ЛЮДИ. Отдельный фрейм образует ситуация извлечения живых людей из-под обломков (например, после землетрясения). Здесь часто оказывается задействованной идея спасения, которая отличает этот фрейм от предыдущего.

ПЛОДЫ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ. Этот фрейм близок к типу, названному нами «ценности из-под земли», однако в данном случае речь идет о растущих объектах, ср. извлечение картофеля или моркови из земли.

ПЛОДЫ, ЦВЕТЫ. Здесь также фигурируют растущие объекты, однако они уже не извлекаются из земли, а прикреплены к стеблю или ветке над поверхностью (ср. яблоко, сирень).

ЩИПАТЬ ТРАВКУ. Данный фрейм сходен с предыдущим, но субъектом здесь выступают прежде всего животные (ср. щипать травку).

СОРНЯКИ, **ВОЛОСЫ.** В этом случае происходит также извлечение растущего объекта, отличие на сей раз касается его функциональности: доставаемый объект не нужен субъекту и удаляется.

БРОВИ. Лексически выделяться может и ситуация итеративного извлечения лишней растительности (ср. брови, усы, борода).

ЗУБ. Этот фрейм также описывает избавление от лишнего объекта. Существенной здесь может оказываться идея резкого, сильного движения, а также закрепленности объекта в «контейнере».

ИНОРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ (ЗАНОЗА). В данном случае объектами также выступают мешающие, ненужные предметы, например, заноза, пуля, которые извлекаются из тела человека, или косточки, вынимаемые из фруктов.

ВНУТРЕННОСТИ. По сути этот фрейм является разновидностью предыдущего, но его специфика заключается в способе воздействия: данная ситуация предполагает хирургическое вмешательство (ср. удаление *почек, миндалин*).

На основе сформированных фреймов и параметров их объединения в изученных языках сначала был сконструирован каркас общей семантической карты, на который затем наносились конкретные языковые данные. Полученные схематические представления позволяют говорить о некоторых типах систем, характерных для зоны извлечения объекта.

3. Типологические особенности систем

На материале изученных языков можно условно выделить три типа систем, отличающихся семантическим потенциалом входящих в них лексических единиц.

1. Языки, характеризующиеся глаголом самой общей семантики (т.е. покрывающим наибольшее количество фреймов): немецкий и армянский.
2. Языки «среднего» типа – общий глагол здесь менее универсален, чем в языках первого класса: английский и китайский.
3. Языки с более дробной системой – здесь лексически противопоставляется ряд ситуаций, которые не различаются в языках двух первых классов: русский и французский.

Рассмотрим эти типы последовательно.

3.1. Системы с глаголом самой общей семантики

Глаголами, покрывающими наибольшее количество фреймов в поле «извлечение объекта», в нашем материале являются армянский *hanel* и немецкий *ziehen*. Эти лексемы могут описывать ситуации: ‘карман’, ‘заноза’, ‘тяжелый объект’, ‘люди’, ‘ценности из-под земли’, ‘плоды из-под земли’, ‘зуб’, ‘брови’, ‘сорняки’, кроме того, *hanel* выступает еще и во фрейме ‘руки из карманов’ (в немецком здесь используется глагол *nehmen* ‘брать’). Таким образом, общая идея, стоящая за *hanel* и *ziehen*, связана с приложением определенных усилий при извлечении объекта. Рассмотрим примеры некоторых фреймов:

(1) *Isk erb jiun verĵapes durs* ***hanec‘in*** *čah čahičic‘, na erkar žamanak č‘ēr karoġanum arjakel nra aŕĵewi otk‘erin kap ənkac hanguyc‘ə.*
‘А когда лошадь **вытащили**, наконец, из болота, он долго не мог распутать узел.’

(2) *Hier lagen die Schiffe, ans Ufer* ***gezogen*** *oder an Pfosten vertäut.* [DWDS]
‘Здесь, **вытащенные** на берег или причаленные к тумбам, стояли корабли.’
➔ Фрейм ‘тяжелый объект’

(3) *Na p‘uš angam č‘ēin karoġanum otk‘neric‘* ***hanel****.* [EANC]
‘Даже занозу он не мог вытащить из ноги.’

(4) *Der Doktor* ***zieht*** *ihm die Kugel heraus.* [ИНТЕРНЕТ]
‘Доктор **извлечет** из него пулю.’
➔ Фрейм ‘заноза’

За пределами «зоны покрытия» *hanel* и *ziehen* остаются, во-первых, ситуации извлечения из просторного контейнера (близкого <сумка> или далекого <полка>), ср. *verc‘nel* в армянском и *holen* в немецком:

(5) *Mayrə gradarakic‘* ***verc‘rec‘*** *grk‘erə.* [EANC]
‘Мама **достала** с полки книги.’

*(6) Ich stand auf und **holte** die Kleider oben aus der Ablage.* [DWDS]
‘Я встал и **достал** платья с багажной полки над головой.’

Заметим, что *holen* в принципе может выступать в некоторых фреймах, где допустим и *ziehen*, ср. фреймы ‘карман’, ‘тяжелый объект’, ‘ценности’, ‘люди’, ‘плоды из-под земли’, однако в этом случае внимание говорящего сосредоточено на извлекаемом объекте, а не на способе его извлечения, как это имеет место при *ziehen*, ср.:

*(7) Wilke **holt** einen Bleistift aus seiner Tasche.* [DWDS]
‘Вильке **вынимает** из кармана карандаш.’
*(8) Ann lächelte und **zog** aus ihrer Tasche einen Kugelschreiber.* [Duden]
‘Анна засмеялась и **вынула** из кармана ручку’
➔ Фрейм ‘карман’

Во-вторых, отдельно маркируется идея избавления от извлекаемого объекта (фреймы ‘зуб’, ‘заноза’, ‘внутренности’), ср. армянск. *heŕac‘nel*, немецк. *entfernen*)

*(9) Ravic **entfernte** die Fettlager, um zu dem Muskel vorzudringen.* [DWDS]
‘Равик стал **удалять** жировой слой, чтобы подойти к мышцам.’
*(10) Bžškə **heŕac‘rec‘** papiki erikamə.* [EANC]
‘Врач **удалил** дедушке почку.’
➔ Фрейм *‘внутренности’*

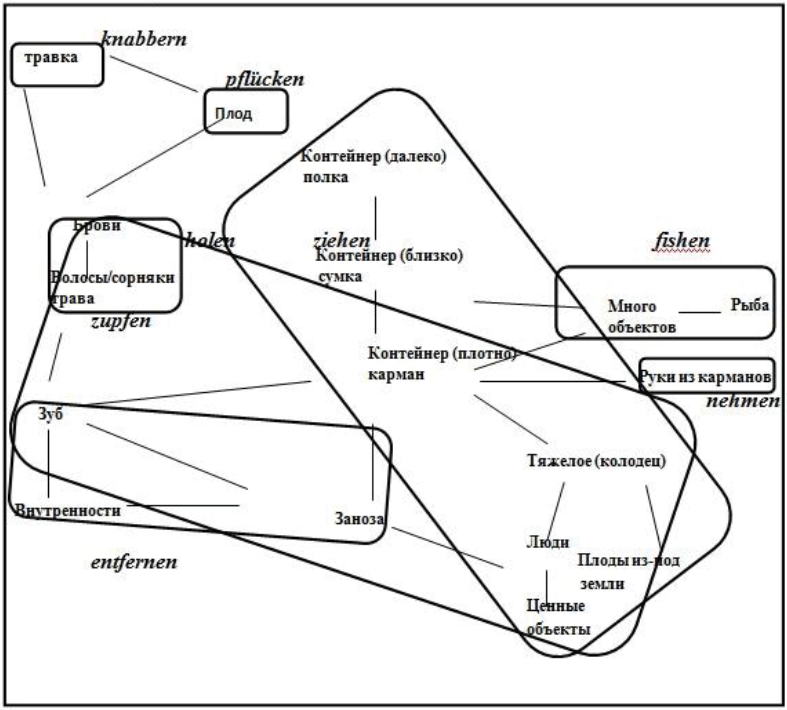
Специальными глаголами в этих языках могут маркироваться также следующие фреймы: ‘плод’, ‘брови’, ‘травка’, ‘много объектов’, ‘рыба’.

В качестве иллюстрации приведем семантическую карту изучаемого поля в немецком языке (см. рисунок 1). Семантическая карта прямых значений отражает основные параметры поля ‘извлекать’.

Как уже было сказано выше – на карте изображены фреймы, которые сгруппированы следующим образом: каждый фрейм – это типичная ситуация, описываемая основным значением данного глагола. Расположение фреймов также имеет больше

значение: одна лексема может покрывать только смежные фреймы. Таким образом, карта обладает предсказательной силой: мы можем увидеть, какие фреймы могут, а какие не могут описываться одним словом.

Рисунок 1. Семантическая карта поля «извлекать» в немецком языке



3.2. «Средние» системы

Глаголом самой общей семантики в китайском языке выступает *bá*, в английском *pull*. Однако их «зона покрытия» у́же, чем для армянского *hanel* или немецкого *ziehen.* Китайский и английский глаголы покрывают следующие фреймы: ‘сорняки’, ‘зуб’, ‘тяжелый объект’, ‘контейнер плотно (карман)’:

(11) Zhèxiē cǎogēn bù hǎo ***bá****.* [JK]

‘Эти сорняки трудно **выдергиваются**.’

(12) Women ***pull*** *weeds in a ploughed field.* [COCA]

‘Женщины **выдергивают** сорняки со вспаханного поля.’

➔ Фрейм *‘сорняки/волосы’*

В отличие от немецкого и армянского, отдельно в английском и китайском языках лексикализуются фреймы, которые описывают извлечение объектов из земли или другой среды (*ценные объекты, люди, плоды*). Так, в английском в этой зоне используется два глагола – *dig out* и *remove*:

(13) The rescuers tried to ***dig out*** *the buried miners*. [Интернет]
‘Спасатели пытались **откопать** шахтёров из-под завала.’
(14) Rescuers ***removed*** *people from their flooded residences and cars. [Интернет]*
‘Спасатели **извлекли** людей из затопленных домов и автомобилей.’

Очевидная разница между глаголами *dig out* и *remove* состоит в том, что в случае *dig out* объект извлекается из земли и, как правило, с помощью специального инструмента, тогда как для *remove* такие ограничения отсутствуют.

a. В китайском языке извлечение объектов из земли или другой среды также описывается двумя специальными глаголами: *fājué* и *jiùchū*. Второй глагол используется, если речь идет о живом существе (ср. извлечь + спасти):

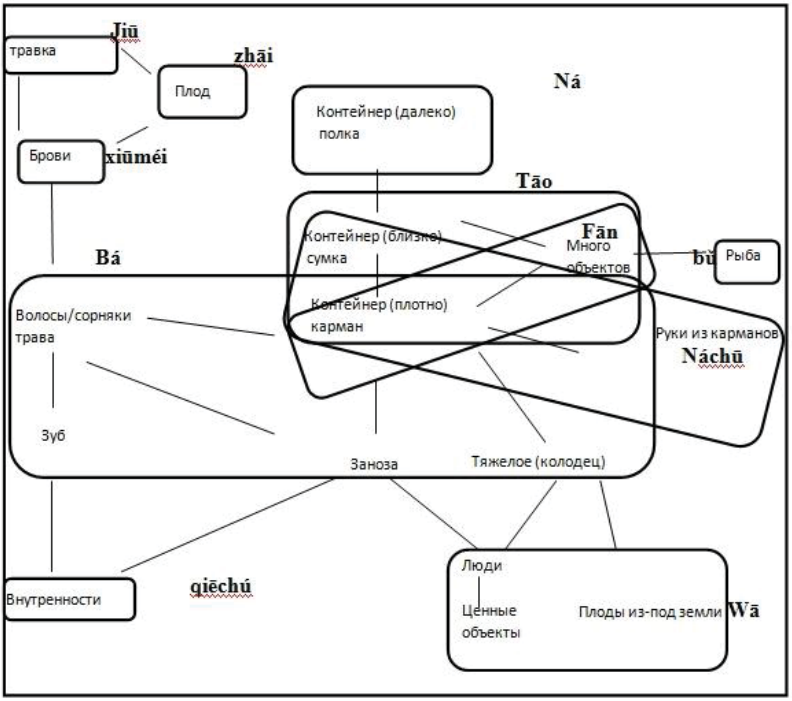
(15) Tāmen yǐ ***fājué*** *dào yīzuò gǔ mù*. [JK]
‘Они **откопали** (**извлекли**) древнюю могилу.’
(16) Xiāofáng duìyuán cóng zháohuǒ de fángwū li ***jiùchū*** *3 wèi fùnǚ.* [JK]
‘Пожарные извлекли [извлекли+спасли] трех женщин из горящего дома.’

Еще одним параметром, определяющим лексические противопоставления в английском и китайском, является расстояние контейнера до субъекта (т.е. по-разному кодируется извлечение объекта из близкой сумки и с далекой полки):

a) *take* vs. *pull* в английском:
(17) He ***took*** *(*pulled) his revolver from the shelf*. [Интернет]
‘Он **достал** (взял) с полки револьвер.’
b) *ná* vs. *bá* в китайском:
(18) Wǒ fùqīn cóng jiàzi shàng ***ná*** *(*bá) le yīfèn bàozhǐ.* [JK]
‘Папа **достал** газету с полки.’

В качестве иллюстрации приведем семантическую карту поля в китайском языке (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Семантическая карта поля «извлекать» в китайском языке



3.3. Языки с более дробной системой

3.3.1. Французская система

Ещё более дробная система в зоне извлечения объекта представлена французском языке.

Основными лексемами для исследуемого поля являются глаголы *tirer*, *retirer*, *sortir*. Главным параметром, отличающим *retirer* от двух других лексем, является то, что контейнер не является стандартным местоположением для объекта. Поэтому, в частности, *retirer* может описывать извлечение занозы или рук из кармана, ср.:

(19) *Un garçon a soigneusement* ***retiré*** *une écharde du doigt.* [SKETCH ENGINE]
‘Мальчик аккуратно **вытащил** занозу из пальца.’
➔ Фрейм ‘инородные объекты (заноза)’

Важным для французской системы оказывается способ воздействия на контейнер: *tirer* указывает на сопротивление при плотном контакте объекта с контейнером, тогда как *sortir* задает ситуации с прототипическим контейнером.

(20) *La grand-mère a* ***tiré*** *les herbes folles dans le jardin. [SKETCH ENGINE]*
‘Бабушка **выдёргивала** сорную траву в саду.’
➔ Фрейм ‘сорняки, волосы’

(21) *“Parce que j’ai acheté le dernier pour toi" dit-il en sortant le livre de son sac”.* [SKETCH ENGINE]
‘Потому что я купил последнюю для тебя», – сказал он, вынимая книгу из сумки.’
➔ Фрейм ‘объект близко’

Однако, если объект находится в плотном контейнере (напр., карман), то ситуация может покрываться обоими глаголами.

(22) *– «Le voilà, monsieur», dit Toliné,* ***tirant*** *un livre de sa poche.* [SKETCH ENGINE]
“Вот она, сэр,” – проговорил Толине, **выхватывая** из кармана книгу.’
➔ Фрейм ‘плотный контакт с контейнером’

(23) *Aussitôt, l'étrange individu* ***sortit*** *de sa poche un étui à cigarettes.*
‘Незнакомец немедленно **вытащил** из кармана портсигар.’
➔ Фрейм ‘плотный контакт с контейнером’

Лексема *enlever* покрывает фреймы, где речь идет о нефункциональном объекте (ср. ‘инородные объекты’, ‘внутренности’):

(24) L devait ***enlever*** *les quatre grosses vis, encastrées dans le bois.*
‘Надо было **вытащить** четыре толстых, всаженных в дерево винта.’
➔ Фрейм ‘инородные объекты (заноза)’

(25) Un docteur a lui ***enlevé*** *les amygdales.*
‘Врач **удалил** ему гланды.’
➔ Фрейм ‘внутренности’

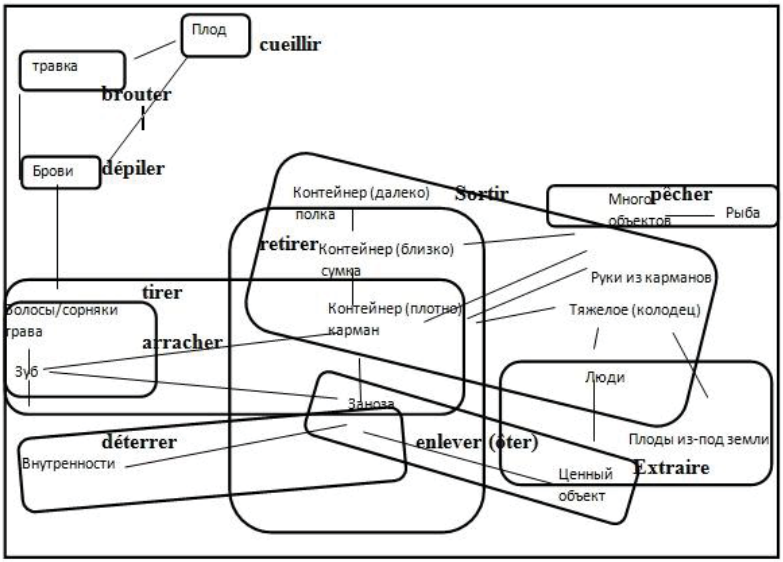
В случае *extraire* могут описываться как функциональные, так и нефункциональные объекты – главным параметром здесь является осторожность при совершении действия:

(26) Mais monsieur nous apprendra-t-il maintenant par quels moyens on ***extrait*** *ces perles?*
‘А господин нас теперь научит, каким образом извлекают эти жемчужины?’
➔ Фрейм ‘ценности’
- Фреймы ‘*зуб*’ и ‘*волосы/сорняки*’ покрываются лексемой *arracher*, которая описывает резкое действие с применением силы, цель которого – удалить нефункциональный объект (растительность с корнем).

(27) Il appela deux voisins, on tira à six, comme pour ***arracher*** *un chêne.*
‘Он позвал двух соседей, и теперь тащили вшестером, как бы собираясь **вырвать** с корнем целый дуб. ’

(28) Si ce n’est que cela, mordioux! dites le-moi donc, j’ai l’outil, ***j’arracherai*** *la dent.*
‘Если дело идет только об этом, скажите мне прямо: у меня есть инструмент, и я **выдерну** этот зуб.’

Рисунок 3. Семантическая карта поля «извлекать» во французском языке



3.3.2. Русская система

В русском имеется две основных лексемы для описания извлечения объектов из контейнера: *доставать* и *вынимать.* Во многих контекстах они кажутся взаимозаменяемыми:

(29) *Павел бросает прощальный тоскливый взгляд на монитор, неохотно выходит из игры и начинает* ***доставать*** *(/вынимать) из рюкзака учебники и тетради.* [НКРЯ]

(30) *Осторожно* ***вынимать*** *(доставать) из картонной коробки завёрнутые в газетную бумагу ёлочные игрушки — любимый ритуал моего детства.* [Интернет]

Однако в некоторых случаях подстановка одного глагола вместо другого кажется сомнительной:

(31) *... спросила Аксиция,* ***доставая (?вынимая)*** *с верхней полки толстую книгу в темном переплете.* [НКРЯ]

(32) *...забормотал Тетерин,* ***вынимая (?доставая)*** *из кармана пиджака ручку*. [НКРЯ]

Примеры (30) и (31) свидетельствуют о том, что между *доставать и вынимать* существует семантическое различие. Как кажется, здесь, как и в некоторых других языках, оказывается существенным расположение контейнера относительно субъекта. Если книга извлекается с верхней полки, то контейнер удален от субъекта – в этом случае предпочтителен глагол *доставать*. Если же контейнер находится в непосредственной зоне доступа руки субъекта, то выбирается, скорее, *вынимать*.

Кроме того, релевантным для русского оказывается и соотношение между объектом и контейнером (вплотную к стенкам или другим объектам VS. свободно), ср.:

(33) *Штатный военный палач с широким кожаным передником* ***вытащил*** *из кожаных ножен длинный блестящий меч.* [НКРЯ]

(34) *Это было немудрено, так как стоял май, ветераны* ***доставали*** *из шкафов военные свои мундиры.* [НКРЯ]

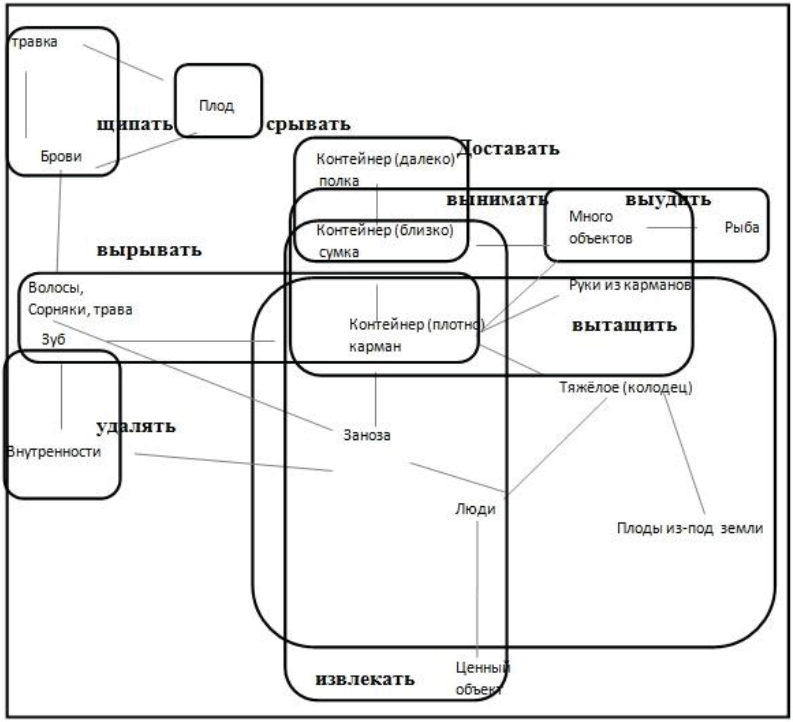
Более подробно устройство исследуемого семантического поля в русском языке представлено на семантической карте (см. Рис. 4).

4. Выводы

В настоящем исследовании было проанализировано поле *'извлекать'* в 6 языках: русском, английском, немецком, французском, армянском и китайском.

В процессе исследования был составлен список из 17 фреймов, которые структурируют рассматриваемое семантическое поле в исследованных языках. Были определены группы фреймов, которые часто объединяются в одном предикате. На основании данных о лексическом кодировании фреймов была построена лексико-типологическая карта, которая отражает общие принципы устройства семантического поля.

Рисунок 4. Семантическая карта поля «извлекать» в русском языке



Во всех рассмотренных языках ясно выделяются от одной до трех лексем, покрывающих основные ситуации, связанные с извлечением объекта, а также более периферийные глаголы, выделяющие некоторые специальные смыслы. Языки различаются в отношении того, какие из «центральных» противопоставлений (расположение контейнера относительно субъекта – далеко или близко, объекта относительно контейнера – вплотную или свободно) оказываются задействованы в лексической организации поля.

Полученные результаты могут быть использованы для исследования глаголов извлечения объекта в более широкой типологической перспективе, а также для анализа их переносных значений.

Литература

1. Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. – Киев, 2009. С. 8–27.

2. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.

3. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. О лексико-семантической типологии // Т.В. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.), Глаголы движения в воде: лексическая типология. Москва: Индрик, 2007. С. 9–26.

4. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. No 2, 2013. С. 3–31.

5. Kopecka A., Narasimhan B. (eds). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam, 2012.

6. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology. // Vanhove M. (ed.). From Polysemy to Semantic Change. Amsterdam: Benjamins, 2008.

7. Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics 18 – 2(2007), 133–152.

Словари

1. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.: под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. – М., 1979.

2. Большой русско-китайский словарь («Da E Han Cidian», EHCD), разработан лексикографическим центром Хэйлунцзянского университета.

3. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1977.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 2006.

5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin-Branderbugische Akademie der Wissenschaften (Электронный словарь немецкого языка, Берлинско-Бранденбургская академия наук): www.dwds.de

6. Lexilogos www.lexilogos.com

Корпуса

1. Dictionnaire vivant de la langue française: http://dvlf.uchicago.edu/

2. Eastern Armenian National Corpus (EANC) http://www.eanc.net/
3. Textkorpora des Instituts für deutsche Sprache, Mannheim COSMAS https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/
4. The corpus of Contemporary American English: http://corpus.byu.edu/coca/
5. Двуязычный англо-китайский корпус JK
6. Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/
7. Текстовые корпуса: http://corpora.iling-ran.ru

Резюме

Настоящая работа посвящена анализу одного из типов каузированного перемещения – глаголам извлечения объекта (ср. в русском *доставать, вынимать, извлекать* и под.) в шести языках: русском, английском, немецком, французском, армянском и китайском. Основой для сравнения стали прототипические ситуации, которые описываются глаголами исследуемого поля. Распределение лексем между этими ситуациями позволило, во-первых, построить предварительную типологию систем в данной области, а во-вторых, выявить параметры, которые могут быть релевантны для наблюдаемых лексических противопоставлений. К таким параметрам относятся, например, единичность или множественность объекта, его вес и размер, расстояние контейнера от субъекта, способ извлечения и др.

Ключевые слова: *лексическая типология, фреймовый подход, лексическая семантика.*

Summary

The paper is devoted to the analysis of one type of caused motion verbs – verbs of extraction (cf. in English ‘take out’, ‘pull out’ etc) in six languages: Russian, English, Armenian, German, French, and Chinese. Prototypical situations described by the verbs of the field in focus serve as the basis of comparison. The distribution of lexemes between these situations allowed , firstly, to build the preliminary typology in this area and, secondly, to identify the parameters that may be relevant for the observed lexical oppositions. These parameters include, for example, the object singularity or plurality, its weight and size, distance from the subject to the container, method of extraction etc.

Keywords: *lexical typology, lexical semantics, frame semantics.*

А.А. Бобрёнкова
НИУ ВШЭ, Москва
А.Н. Закирова
МГУ, Москва

К типологии лексико-семантического признака ‘loose’

1. Введение

Исследование посвящено лексемам, выражающим признак, антонимичный признаку ‘тугой’. Далее в качестве метаязыкового ярлыка для этого признака мы, за неимением подобной лексемы в русском языке, будем использовать английскую лексему *loose*.

Среди работ, посвящённых описанию семантического поля ‘тугой’-‘loose’, следует упомянуть [Гасанова 2014] о ‘loose’ и [Баскакова 2015] о ‘тугом’. В обеих работах организация этого поля описана в терминах фреймов – минимальных ситуаций, для которых релевантен данный признак (подробнее о фреймовом подходе и его теоретических основаниях [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], [Рахилина, Резникова 2013]).

Фреймы поля ‘тугой’-‘loose’, согласно [Баскакова 2015: 135], подразумевают «комплексную ситуацию, имеющую разные проявления»: одни фреймы ориентированы на сильное натяжение объекта (*тугая верёвка*, *тугой узел*), другие – на свойство с трудом поддаваться воздействию (*тугая кнопка*). Эти два типа ситуаций связаны друг с другом импликативными отношениями: сильное натяжение подразумевает устойчивость к механическим воздействиям.

По крайней мере для признака ‘тугой’ значимым оказывается также тип восприятия: зрительный или тактильный. Так, во французском языке для описания туго натянутых объектов используется слово *tendu*, если говорящий делает вывод о состоянии объекта на основе зрительной информации (*corde tendue* ‘туго натянутая верёвка’), и *serré*, если говорящий ощущает давление объекта (*élastique serré* ‘тугая резинка’).

На периферии данного семантического поля находится фрейм разрозненных объектов, который в некоторых языках покрывается той же лексемой, что и фреймы слабого натяжения (англ. *loose change* ‘рассыпанная мелочь’, ср. *loose knot* ‘слабо завязанный узел’) [Гасанова 2014].

В [Баскакова 2015] также отмечается, что признак ‘тугой’ в силу многоаспектности ситуации является смежным с признаками ‘тесный’, ‘узкий’, ‘прочный’ и т. д. Лингвистически это проявляется в том, что в некоторых языках в семантике одной и той же лексемы может объединяться значение ‘тугой’ и одно из смежных значений.

Материалом для нашего исследования послужили данные английского, мокшанского (центральный диалект), лугового марийского (преимущественно волжский говор), татарского (зеленодольский говор) и венгерского языков. Исследование английского языка частично было проведено в [Гасанова 2014], тогда как материал остальных языков ранее в рамках этого проекта не привлекался.

Фреймовый подход к лексической типологии, принятый и нами, и авторами вышеупомянутых работ, в качестве первого шага лексико-типологического исследования предполагает детальное описание устройства поля на материале одного языка. Для этой цели нами был выбран английский язык, так как он, в отличие от русского, имеет доминантную лексему, выражающую большинство значений данной семантической зоны – *loose*. В русском языке все эти значения оказываются распределены между лексемами разных полей. Например, контексты слабого натяжения покрываются причастиями, модифицированными наречием *слабо* (*слабо натянут*, *слабо сплетён*) или отрицанием лексемы *тугой* (*нетугой узел*), контексты слабой устойчивости к механическим воздействиям – отрицанием лексемы *тугой*. Разрозненные объекты описываются причастиями типа *рассыпанный,* а одежда – прилагательными *свободный* и *мешковатый.* Поэтому первый этап работы, помимо рассмотрения данных [Гасанова 2014] и [Баскакова 2015], включал детальное исследование контекстов употребления англ. *loose* на материале корпуса COCA и словарей [Collins Cobuild 2006] и [OED 1998]. В результате мы составили анкету, которая включает следующие контексты:

1) слабо затянутый УЗЕЛ
2) слабо натянутая СТРУНА
3) неплотно уложенный СТОГ СЕНА
4) разболтанная ДВЕРНАЯ ПЕТЛЯ
5) некрепко приклеенная СТРАНИЦА
6) плохо забитый ГВОЗДЬ

7) шатающийся ЗУБ
8) свободная ОДЕЖДА
9) ПОЧЕРК без нажима
10) распущенные ВОЛОСЫ
11) рассыпанная МУКА
12) непривязанная СОБАКА

Контексты (1)-(7) объединены семантикой слабого натяжения или слабой зафиксированности. Они различаются топологическими характеристиками (так, струна является длинным вытянутым объектом, в отличие от плоской страницы, прикрепленной куда-либо по линии или по плоскости; гвоздь и зуб закреплены в твёрдой среде) и типом взаимодействия человека с объектом. Так, гвоздь и зуб были оценены как два потенциально различных контекста в силу их разного онтологического статуса и разного типа взаимодействия человека с ними: гвоздь является артефактом и сознательно закрепляется человеком в плотной среде, тогда как зуб является природным объектом и располагается в плотной среде сам по себе, без каузации человеком (см. также [Рахилина 2000] о различиях языковой категоризации артефактов и природных объектов). Также мы выделяем контексты, описывающие одежду (8), результат выполнения действия с недостаточной силой (9), непривязанное животное (12) и разрозненные кванты единой сущности (10)–(11), различие между которыми состоит в том, что волосы в контексте (10) являются частью другого объекта, в отличие от муки в (11).

2. Лексемы, выражающие признак ‘loose’

Дальнейшей целью исследования было установить, какими лексемами покрываются фреймы поля ‘тугой’-‘loose’ в остальных четырёх языках нашей выборки (мокшанском, марийском, татарском и венгерском) и какие фреймы в них покрываются одной лексемой, из чего можно сделать вывод об организации исследуемого поля. Источником данных послужила работа с информантами по фреймовой анкете. При обнаружении в каком-либо языке нового контекста употребления соответствующей лексемы мы вносили его в анкету. Мокшанский материал был собран в с. Лесное Цибаево Республики Мордовия, марийский и татарский – в г. Волжске Республики Марий Эл. Данные по венгерскому языку получены методом анкетирования

от носителей литературного венгерского языка, проживающих в Венгрии. Привлекался также материал словарей – [Щанкина 1993] и [Серебренников 1993] как источников по мокшанскому и эрзянскому языкам, [Галкин (ред.) 1990-2005] по марийскому, [Османов 1966] по татарскому, [Гальди и др. 1987] по венгерскому.

2.1 Мокшанский

В мокшанском языке (финно-угорские < уральские) доминантной лексемой данного поля является *lafčə* ‘слабый, некрепкий, непрочный’ [Щанкина 1993]. Она покрывает большинство контекстов английского *loose*, а именно: УЗЕЛ, СТРУНА (1), СТОГ СЕНА (2), ДВЕРНАЯ ПЕТЛЯ, СТРАНИЦА (3), ГВОЗДЬ, ЗУБ (4), ПОЧЕРК (5), ОДЕЖДА (6).

(1) balalajka-n’ lafč-t struna-t
балалайка-GEN loose-PL струна-PL
‘слабо натянутые струны балалайки’

(2) lafč-stə[1] marsə-f šužɛr’
loose-ADV складывать-PTCP.RES солома
‘плохо уложенная солома’

(3) lafč-stə klejə-ndə-f knigə-n’ list-s’.
loose-ADV клеить-IPFV-PTCP.RES книга-GEN лист-DEF
‘слабо приклеенный лист книги’

(4) s’ora-n’ɛ-t’ lafčə pej-c’
парень-DIM-DEF.SG.GEN loose зуб-3SG.POSS.3SG
‘у мальчика шатается зуб’

(5) lafč-stə s’or-mə-də
loose-ADV писать-INF-ABL
‘писать без нажима’

Важно заметить, что в мокшанском языке лексема *lafčə* передаёт негативную оценку. Особенно хорошо это заметно на примере фрейма ОДЕЖДА. Так, употребление лексемы *lafčə*

[1]Показатель элатива *-stə* в мокшанском языке образует наречия от прилагательных, равно как и показатель *-ən* в марийском и *-n* в венгерском. В татарском языке наречия по форме не отличаются от прилагательных. Для всех этих показателей мы будем использовать глоссу ADV. На данном этапе работы мы не проводили различий между атрибутивным и наречным употреблением соответствующих лексем.

возможно, если признак в (6) и его носитель оцениваются негативно, и гораздо менее приемлемо, если говорящий считает этот признак желательным:

(6) lafčə panar’-s’
loose платье-DEF
‘платье, которое велико’
?‘просторное удобное платье’

Кроме того, пример (6) имеет ещё одну интерпретацию: ‘ветхое, поношенное платье’. Значение ‘ветхий’ приведено и в [Серебренников 1993: 323] для эрзянского когната *lafčə — лавшо*: *лавшо лато* ‘ветхая крыша’. Таким образом, в семантическое поле ‘тугой’-‘loose’ входит также фрейм ВЕТХОГО ОБЪЕКТА; антонимичный фрейму прочного объекта, смежного для семантической зоны ‘тугого’.

Мокшанское *lafčə*, в отличие от английского *loose*, не встречается в контекстах разрозненных объектов (ВОЛОСЫ, МУКА) и в контексте, обозначающем непривязанное животное (СОБАКА).

2.2 Марийский

В марийском языке, также относящемся к финно-угорской группе, некоторые из контекстов английского *loose* покрываются лексемой *luškədo*. В первую очередь это контексты УЗЕЛ (7), СТРУНА (8), СТОГ СЕНА (9) и ПЕТЛЯ (10):

(7) təj-ən šovəč-et luškəd-ən kəld-əme
ты-GEN платок-POSS2.SG loose-ADV завязать-PTCP.PASS
šütl-en kert-eš
развязываться-CV мочь-3SG
‘У тебя платок слабо завязан, может развязаться’.

(8) balalajk-ən struna-že luškədo
балалайка-GEN струна-POSS.3SG loose
‘Струны балалайки слабо натянуты’.

(9) oləm skird-əm luškəd-ən tošk-əmo satlan
солома скирд-ACC loose-ADV топтать-PTCP.PASS поэтому
tudo mardež den šalan-en pət-en
он ветер с развалиться-CV кончиться-PRF
‘Соломенный скирд плохо утоптали, поэтому его раскидало ветром’.

(10) omsa-šte luškədo petla-vlak ul-ət
дверь-ESS loose петля-PL быть-3PL
‘На двери слабые петли’.

Менее приемлемо употребление *luškədo* в контекстах СТРАНИЦА (11) и ГВОЗДЬ (12), а в контексте ЗУБ оно невозможно: в этом фрейме используются глаголы колебания типа *lüŋgaš* ‘качаться’.

(11) ?ik stranic-əže kniga-šte luškəd-ən
один страница-POSS.3SG книга-ESS loose-ADV
klejətl-əme məj lüd-am tud-əm jomdar-aš
клеить-PTCP.PASS я бояться-1SG он-ACC потерять-INF
‘Одна страница в книге слабо приклеена, я боюсь её потерять’.

(12) ?pəda luškəd-ən kər-əme pürdəž-eš
гвоздь loose-ADV вбить-PTCP.PASS стена-ILL
satlan kartina kamvoz-ən kert-eš
поэтому картина упасть-CV мочь-3SG
‘Гвоздь слабо вбит в стену, поэтому картина может упасть’.

Свободная одежда обычно описывается прилагательными типа *kugu* ‘большой’, lopka ‘широкий’; прилагательное *luškədo* в подобных контекстах возможно лишь маргинально.

Фреймы, обозначающие результат действия, выполненного с небольшой силой (ПОЧЕРК), разрозненные объекты (ВОЛОСЫ, МУКА), ВЕТХИЕ объекты и не привязанных животных (СОБАКА), не покрываются лексемой *luškədo*.

2.3 Татарский

В татарском языке (тюркские<алтайские) базовой лексемой, выражающей признак ‘loose’ , является прилагательное *buš*, имеющее также значение ‘пустой’, ‘незанятый’: *buš urɤn* ‘свободное место’, *buš jatu* ‘пустовать’ (досл. ‘пустым лежать’) [Османов 1966]. Эти два значения – ‘пустой’ и ‘loose’– развились из значения ‘свободный’, ‘вольный’, которое фиксируется для *buš* в ранних тюркских памятниках [А.В. Дыбо, л.с.]

Набор контекстов, в которых употребляется татарская лексема *buš*, практически совпадает с набором контекстов употребления марийского *luškədo*. Возможно, это обусловлено длительным ареальным контактом, в котором находятся эти языки.

Лексема *buš* покрывает фреймы УЗЕЛ (13), СТРУНА (14), СТОГ СЕНА (15):

(13) jawlɤg-ɤ buš bäjlä-n-gän,
платок-3 loose.ADV завязать-DEPAT-PRF
töš-ergä mömkin
спускатся-INF возможный
‘Платок слабо завязан, может упасть’.

(14) gitara-nɤŋ kɤl-lar-ɤ buš bärket-el-gän
гитара-GEN струна-PL-3 loose.ADV закреплять-PASS-PRF
‘Струны гитары слабо натянуты’.

(15) salam-nar čümelä-gä buš it-ep
солома-PL копна-DAT loose.ADV делать-CV
sal-ɤn-gan-nar, ʒil čɤg-ɤp salam-nar
класть-PASS-PRF-PL ветер выйти-CV солома-PL
bötön kɤr-ga taral-gan-nar
весь поле-DAT рассыпаться-PRF-PL
‘Солому неплотно уложили в стог, поднялся ветер, и солому раскидало по всему полю’.

Примеры (16) и (17), в которых лексема *buš* описывает фреймы СТРАНИЦА и ГВОЗДЬ, менее приемлемы, а фрейм ЗУБ вообще не может покрываться *buš*: в этом контексте употребляется глагол колебания *selkenü* ‘шататься’:

(16) ?kitap-nɤŋ bit-e buš
книга-GEN страница-3 loose.ADV
jabɤš-tɤr-ɤl-gan, jugal-ɤrga mömkin
липнуть-CAUS-PASS-PRF терять-INF возможный
‘В книге слабо приклеен один лист, может потеряться’.

(17) ?kadak stena-ga buš kag-ɤl-gan,
гвоздь стена-DAT loose.ADV бить-PASS-PRF
šu-nɤŋ öčön räsem-neŋ töš-ep
этот-GEN для картина-GEN спускаться-CV

kit-ü-e bar
прийти-NMN-3 есть
‘Гвоздь слабо забит в стену, поэтому картина может упасть’.

Фрейм ОДЕЖДА в татарском языке покрывается лексемой *buš*, причём она, как и *lafčə* в мокшанском, имеет отрицательную оценку и не описывает контексты, в которых признак ‘loose’ рассматривается как желательный:

(18) ul jabɤk-kan anɤŋ külmäg-e buš
он худеть-PRF он.GEN платье-3 loose
‘Она похудела, платье ей свободно’.

(19) *min bu külmäk-ne kij-ep kara-dɤ-m,
я этот платье-ACC надеть-CV смотреть-PST-1SG
ul miŋa buš-rak ikän, al-am
он я.DAT loose-CMPR MIR брать-1SG
‘Я примерила это платье, оно мне свободнее, куплю его’.

Фреймы, обозначающие результат действия, выполненного с небольшой силой (ПОЧЕРК), разрозненные объекты (ВОЛОСЫ, МУКА), ветхие объекты (ПОНОШЕННОЕ ПЛАТЬЕ) и непривязанных животных (СОБАКА), не покрываются лексемой *buš*.

2.4 Венгерский

В венгерском языке в некоторых контекстах английского *loose* используется лексема *laza*: так, она покрывает фреймы УЗЕЛ (20), СТРУНА (21), СТОГ СЕНА (22), СТРАНИЦА (23).

(20) a laza csomó nem tart-ott-a meg
DEF loose узел NEG держать-PST-OBJ.3SG VM
a zsebkendő-t
DEF платок-ACC
‘Слабый узел не может удержать платок’.

(21) a gitárhúr-ok lazák
DEF гитарная.струна-PL loose.PL
‘Струны гитары слабо натянуты’.

(22) a szél szétfúj-t-a a szalmát
DEF ветер разбросать-PST-OBJ.3SG DEF солома.PL
mert a szénakazal túl laza volt
потому.что DEF стог.сена слишком loose быть-PST
‘Ветер разбросал солому, потому что стог был слишком слабо связан’.

(23) egy oldal lazán van be-fűz-ve
INDEF лист loose.ADV быть.3SG VM-связывать-CV
a könyvbe attól tart-ok hogy ki-fog-es-ni.
DEF книга-ILL тот-ABL думать-1SGчто VM-FUT-падать-INF
‘В книге слабо приклеена страница, и я боюсь её потерять’.

Однако прилагательное *laza* не может описывать дверные ПЕТЛИ и подвижные объекты типа ГВОЗДЯ и ЗУБА: в этих контекстах используются глаголы движения *mozogni* ‘двигаться, шататься’ *lötyögni* ‘болтаться, шататься’ и производные от них причастия *mozgó* и *lötyögő*.

Фрейм ОДЕЖДА покрывается как доминантной лексемой *laza*, так и специальным прилагательным *bő*, этимологически первичное значение которого – ‘богатый, обильный’ [Гальди и др. 1987]. Выбор того или иного прилагательного зависит от оценки: *laza* возможно скорее при положительной оценке признака ‘loose’, как в (24), *bő* же употребляется как при положительной, так и при отрицательной оценке (24), (25).

(24) A bő / laza cardigan-ok jól
DEF свободный / loose кардиган-PL хороший.ADV
néz-nek ki szűk farmer-rel
смотреть-PRS.3PL VM тесный джинсы-COM
‘Свободные кардиганы хорошо смотрятся с узкими джинсами’.

(25) miután fogy-ott a ruhá-ja
После.того.как худеть-PST DEF одежда-POSS.3SG
bő / *laza nek-i
свободный loose DAT-POSS.3SG
‘Она похудела, и платье ей велико’.

Фреймы, обозначающие результат действия, выполненного с небольшой силой (ПОЧЕРК), ВЕТХИЕ ОБЪЕКТЫ и непривязанных

животных (СОБАКА), не покрываются лексемой *laza*. .Что же касается фреймов разрозненных объектов, то прилагательное *laza* может описывать распущенные ВОЛОСЫ, но не покрывает фрейм МУКА.

3. Некоторые обобщения

Рассмотрев, какие контексты английского *loose* покрываются одной лексемой, мы выделяем фреймы, верифицируя наши построения на материале других языков выборки и по данным, доступным в [Гасанова 2014], [Баскакова 2015]. Информация о лексическом кодировании этих фреймов в обследованных языках суммирована в Таблице 1.

Таблица 1. Фреймы, покрывающиеся лексемами: англ. *loose*, мокш. *lafčə*, мар. *luškədo*, тат. *buš*, венг. *laza*. Серым выделен кластер наиболее прототипических фреймов.

	Loose	*lafčə*	*luškədo*	*buš*	*laza*
УЗЕЛ	+	+	+	+	+
СТРУНА	+	+	+	+	+
СТОГ СЕНА	+	+	+	+	+
ПЕТЛЯ	+	+	+	?	-
СТРАНИЦА	+	+	+/-	+/-	+
ГВОЗДЬ	+	+	+/-	+/-	-
ОДЕЖДА	+	+	-/+	+	+
ВЕТХИЙ ОБЪЕКТ	-	+	-	-	-
ЗУБ	+	+	-	-	-
ПОЧЕРК	+	+	-	-	-
ВОЛОСЫ	+	-	-	-	+
СОБАКА	+	-	-	-	-
МУКА	+	-	-	-	-

Обсудим теперь, какие семантические противопоставления могут стоять за типологическими различиями в устройстве поля ‘loose’, обсуждавшимися в статье и проиллюстрированными в Таблице 1.

По-видимому, в языках нашей выборки топологический тип объекта не влияет на возможность использования прилагательного с семантикой ‘loose’. Наиболее прототипические контексты, которые описывает соответствующая лексема,— это слабо натянутая СТРУНА, слабо затянутый УЗЕЛ, слабо сложенный

СТОГ. Эти фреймы поля ‘тугой’-‘loose’ близки семантически и могут быть объединены в кластер ‘объект с частями, подвижными относительно друг друга в результате недостаточного воздействия’.

На периферии поля ‘тугой’-‘loose’ находятся фреймы, семантика которых существенно отличается по ряду признаков от приведенного толкования.

Так, слабо приклеенная СТРАНИЦА, слабо забитый ГВОЗДЬ и шатающийся ЗУБ не имеют подвижных частей: они сами являются подвижными в результате недостаточного воздействия. Шатающийся ЗУБ к тому же является природным объектом и не предполагает воздействия на него с целью поместить в плотную среду.

Разболтанная дверная ПЕТЛЯ имеет подвижные относительно друг друга части, но подвижными они являются не из-за недостаточного воздействия, а из-за потери функциональности в результате долгого использования.

Фрейм непривязанной собаки подразумевает, в отличие от других фреймов, описание живого объекта, подвижного относительно окружающей среды.

ПОЧЕРК без нажима, хотя и осуществляется с недостаточным воздействием, не является материальным объектом и, следовательно, не имеет подвижных частей.

Свободная ОДЕЖДА также не имеет подвижных частей, скорее она подвижна относительно одетого в неё человека.

На периферии поля ‘тугой’-‘loose’ существуют также фреймы, описывающие не цельный объект, а совокупность однородных объектов. Это, например, фреймы типа ВОЛОСЫ: в английском и венгерском языке они покрываются той же лексемой, что и прототипические контексты УЗЕЛ, СТРУНА, СТОГ, тогда как для других языков нашей выборки содержательное отличие этого фрейма от прототипических оказывается лексически значимо.

Таким образом, фреймы семантической зоны ‘loose’ различаются по целому ряду параметров: описывает ли фрейм цельный объект или совокупность однородных объектов, имеет ли объект подвижные части или является подвижным сам, является ли объект артефактом или природным объектом. Эти различия обусловливают типологическое варьирование в устройстве данной зоны.

Список сокращений

1 — первое лицо, 2 — второе лицо, 3 — третье лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADV — адвербиализатор, CAUS — каузатив, CMPR — компаратив, COM — комитатив, CVB — деепричастие, DAT — датив, DEF–определённость, DIM — диминутив, EL — элатив, ESS — эссив, FUT — будущее время, GEN – генитив, ILL — иллатив, INDEF — неопределённость, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, NMN — номинализатор, MIR — миративность, NEG — отрицание, OBJ — объектное спряжение, PL – множественное число, PASS — пассив, PTCP.PASS — пассивное причастие прошедшего времени, PRF — перфект, POSS — посессивный показатель, PST — прошедшее время, PTCP.RES — результативное причастие, SG — единственное число, ST — глагольная, основа, VM — глагольная приставка

Литература

1. [Баскакова 2015] — Баскакова Е.А. Лексическая типология как инструмент для создания универсального словаря: признаки «тугой» и «упругий» // Вестник ВГУ, сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015 – № 3. – С. 132–136.

2. [Галкин и др. 1990-2005] — 10-томный марийско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.marla-muter.org (дата обращения: 31.10.2015).

3. [Гальди и др. 1987] — Венгерско-русский словарь: 40 000 слов / Под общей ред. Л. Гальди. Москва; Будапешт, 1987.

4. [Гасанова 2014] — Гасанова С.Д. Признак loose в типологической перспективе // Курсовая работа, НИУ ВШЭ, 2014.

5. [Майсак, Рахилина 2007] — Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

6. [Османов 1966] — Османов М.М. (ред.). Татарско-русский словарь. — М., 1966.

7. [Рахилина 2000] — Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. М., 2000.

8. [Рахилина и др. 2010] – Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М., 2010.

9. [Рахилина, Резникова 2013] — Рахилина Е.В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.

10. [Щанкина 1993] — Щанкина В.И. Мокшанско-русский, русско-мокшанский словарь — Саранск, 1993.

11. [Benkő et al. 1993] — Benkő L. et al. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. – Budapest, 1993.

12. [Collins Cobuild 2006] — Collins COBUILD advanced learner's English dictionary. Collins Cobuild, 2006.

13. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: http://corpus.byu.edu/coca/ (дата обращения: 31.10.2015).

14. [OED 2010] — Angus Stevenson (eds.). Oxford dictionary of English. Oxford, 2010.

Резюме

Настоящая работа посвящена лексико-типологическому исследованию признака ‘loose’ на материале четырёх языков – мокшанского, лугового марийского, татарского и венгерского. В ходе работы были уточнены общие закономерности устройства данной семантической зоны: перечислены параметры, различающие её ситуации-фреймы, и сформулирована семантика кластера фреймов, которые во всех рассмотренных языках покрываются лексемой поля ‘тугой’-‘loose’.

Ключевые слова: *лексическая типология, фреймовый подход, семантическое поле ‘тугой’-‘loose’.*

Summary

The study employs the framework of lexical typology and focuses on the domain of ‘loose’. The data of four languages (Moksha, Mari, Tatar and Hungarian) have been analyzed. The result of the study consists in specifying the structure of this semantic domain: The oppositions between the frames have been described more precisely and the semantics of a cluster of frames defined, in which all these languages use lexemes of the domain ‘tight’-‘loose’.

Keywords: *lexical typology, frame-based approach, semantic domain ‘tight’-‘loose’.*

Е.М. Девяткина
ИЯз РАН, Москва

Названия обуви в мордовских языках: сопоставление лингвистических и этнографических данных

Мордовские языки относятся к финно-волжской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи. К мордовским языкам относятся эрзянский и мокшанский. Принято считать, что языки довольно близки друг к другу, хотя имеют целый ряд существенных различий на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Исследование предметов материальной культуры является важным аспектом изучения истории народа, его быта и окружения. Мордовский национальный костюмный комплекс является одной из важнейших составляющих материальной культуры. Настоящая статья является продолжением большой работы по исследованию номинаций элементов мордовского национального костюмного комплекса (см. [Девяткина 2014a, 2014b, Девяткина 2015]) и посвящена реконструкции названий обуви в мордовских языках. В ней реконструируются названия обуви, полученные данные сопоставляются с этнографическим материалом.

В работе мы используем общепринятую финно-угорскую транскрипцию, в литературных источниках сохранена орфография оригинала.

1. Исконная прамордовская лексика (слова, имеющие ПУ/ФУ/ФВ этимологию)

Для общемордовского уровня надёжно восстанавливается три вида обуви:

эрз. *kar'*, мокш. *kar'* ‘лапоть’; эрз. *k'em'e* ~ *k'em*, мокш. *k'εm'ĕ, k'äm'ä, k'em'ä* ‘сапог’; эрз. *kotat* ‘ботинки женские’, эрз., мокш. *kotat* ‘ботинки, туфли’, названия двух из них восстанавливаются до прауральского уровня, один – до финно-угорского.

эрз. *kar'* ChrE E:Mar Večk Is Jeg, мокш. *kar'* ChrM M:Pš Sel Ur Jurtk ‘лапоть’ [Paasonen: 629, ЭРС: 238, МРС: 104] < ПУ **kore* (**kōre*), фин. *kuori*, эст. *koor* ‘оболочка, кора’, к. *ḳirś* (S) ‘толщина

коры’, хант. *χărə* (Ko.), *χărĭ* (Kaz.) ‘красноватый слой, кожа на внутренней стороне бересты’; *χurəp* (DN) ‘корка’, *χŭrəp* (Kaz.) ‘корка (хлеба, пирога), толстый кусок кожи’, манс. *χorp* (K), *χurup* (N) ‘корка’ [UEW: 184].

(1) эрз. ***Каренэ*** *тюжа ленгень, вишкинеть, налкшкень кондят* [Абрамов 1971: 16]. ‘**Лапти её** из жёлтого лыка, маленькие, как игрушки’.

(2) эрз. ***Семерик карть*** *пильгсэнэ* [Евсевьев 1990: 197]. **Семеричные лапти** на ногах.

В диалектах современных мордовских языков встречаются номинации разновидностей и элементов лаптей, их производные:

эрз. *v’e kočkar’a kar’t’* ‘лапти однопяточные’ [Белицер 1973: 214].

мокш. *fk’ä kočkar’asa kar‘’t’* ‘лапти однопяточные’ [Белицер 1973: 215].

эрз. *kavto kočkar’aso kar’t’*, мокш. *kafta kočkar’asa kar‘’t’* ‘лапти двухпяточные’ [Белицер 1973: 214].

мокш. *pula mar‘ta kar’t* ‘лапти с заплеткой из лыка в виде хвоста’ [Белицер 1973: 215].

мокш. *s’is’em leŋgsa kar‘’t’* ‘лапти двухпяточные, сплетенные из семи лык’ [Белицер 1973: 215]

мокш. *kapas-kar’* M:Vert, мокш. *kar’-kapas* M:Ur, эрз. *kar’-kar’ks* E:Petr ‘оборы (верёвки) у лаптей’ [Paasonen: 629].

эрз. *kar’-pulo ~ kar’in’ pulo* E:Mar, *kar’-pulo* E:VVr Ba Večk Is, мокш. *kar’-pula* M:Čemb букв. ‘хвост лаптя’, ‘оборка лаптя’ [Paasonen: 1835].

эрз. *at’a-kar’* E:VVr, мокш. *at’ä-kar’* M:P Čemb Sel ‘ошмёток’ [Paasonen: 629].

эрз. *lat’a-kar’* E:Mar Ba Bug, *lata-kar‘* E:Kal, мокш. *lat’ä-kar‘* M:P Prol ‘ошмёток’ [Paasonen: 1033].

В исследованиях этнографов наиболее распространенной обувью считаются липовые лапти эрз., мокш. *kar’*, которые носили с белыми холщовыми портянками; «в кожаных сапогах ходили только по праздникам, да и то лишь более зажиточные [Белицер 1964: 576]».

На ногах большинство мордовок носило лапти эрз., мокш. *kar’*, толсто обертывая ноги белыми, а в некоторых, преимущественно мокшанских районах, и черными шерстяными

онучами, обвивая их до колен белыми конопляными оборами, которые заменили ранее употреблявшиеся ремни. Выше онучей мокшанки надевали короткие шерстяные наколенники (*цюлка почкт*), которые обычно бывали видны из-под высоко подобранной рубахи. По праздникам ноги обертывали шерстяными красными обмотками (*серьгат*). Мордовские лапти отличались своеобразным плетением. Они имели тупую головку с украшением из перевитого лыка (*атякш*) и низкие борта, а на месте пятки своеобразную заплетку, так называемый хвост, который заправлялся под онучи [Белицер 1964: 578]. Лапти, распространенные у мордвы, были известны и соседнему русскому населению бывшей Рязанской губ. под названием «мордовских» [Маслова 1956: 718].

эрз. *k'em'e* ~ *k'em* ChrE E:Mar E:Ba E:Atr VVr Gor Kad Kal Večk Hl Is Jeg, мокш. *k'εm'ĕ* ChrM, *k'em'ä* ML, *k'äm'ä* M:P, *k'em'ä* M:Jurtk 'сапог' [Paasonen: 696] < ПУ **kämä* 'обувь', саамск. **kāmęk* (Lehtiranta 357) [UEW: 650].

(3) эрз. *Чикордыця* ***кемть*** *пильгсэст* [Евсевьев 1990: 56]. «Скрипучие **сапоги** у них на ногах».

В качестве стариной обуви были известны поршни. В праздники, особенно молодые женщины и девушки, носили сапоги *кемь* со сборами на голенище (гармоникой) и подковками на каблуках. Чтобы сапоги не спадали, их подвязывали цветными тесемками с кисточками на концах [Белицер 1964: 578]. В некоторых этнографических работах указывается, что сапоги шили мастера из соседних регионов. Так, в костюмном комплексе северо-западной группы мокшанского национального костюма представлены сапоги мастеров из города Кадом и села Широмасова. «Распространённые в Теньгушевском регионе сапоги представляли мордовский тип с прямым голенищем и сборами. Нарядные сапоги отделывались лаковой кожей, цветными оторочками» [Прокина 1990: 98].

В диалектах современных мордовских языков существует множество производных эрз. *k'em'e*, мокш. *k'εm'ĕ* – разновидностей сапог и элементов обуви:

мокш. *burak mar'ta k'ämot* 'сапоги со сборами' [Белицер 1973: 214].

мокш. *s'ormof marʿta k'ämot* ‘сапоги со сборами’ [Белицер 1973: 215].

мокш. *k'εm'ĕ p'et'ks* ‘подвязки сапог, служащие одновременно и для их украшения’ [Белицер 1973: 214].

эрз. *kotat* ‘ботинки женские’ [Четвергов 1994], эрз., мокш. *kotat* ‘ботинки, туфли’ [Белицер 1973: 214] < ФУ *kotV. Сравните: мар. В. *katá* ‘ботинки, ботинок’, к. *kot*, удм. *kut* ‘обувь из одного куска кожи, валенки’, ненец. *хуты* ‘сапог’, на связь этих слов с марийским указывается в [Аникин 2000: 319].

«Термином *кота, котат* мордва называла низкую кожаную обувь самого различного фасона: туфли с отделкой из красной фланели, желтой и красной кожи, которые носили эрзянки б. Городищенского уезда Пензенской губ. У мордвы-терюхан котами называли вязаные из разноцветной шерсти ботинки с резинками, которые носили женщины в более зажиточных семьях в начале XX в. [Белицер 1973: 173]».

мокш. *šnat* ‘ременные оборы’ [Белицер 1973: 215] < эрз. *kšna* ~ *šna* ChrE, *kšna* E:Mar Atr VVr Ba Večk Bag Kozl NSurk, *k'išna·* E: Šokša, мокш. *šna* ChrM M:P Šuč k Ur, *šə̂na·* M:Jurtk ‘ремень’ [Paasonen: 909] + *-t* (Pl.) < ФВ **šišna* ‘ремень из кожи’ [UEW: 786]: фин. *hihna*, диал. *hiihna* ‘ремень, завязка’; эст. *ihn* (gen. *ihna*), *ehn* (gen. *ehna*) ‘ремень, кожаный пояс’, мар. *šəštə* (KB), *šüštö* (UB) ‘ремень; выделанная кожа’.

В мордовских сёлах мокш. *šnat* использовались в качестве ременных обор. Например, в с. Л. Ардашево ременные оборы имели ширину 1,5 см, железное кольцо на одном конце для застёжки, перекрещивались сверху ступни и обёртывали рядами ногу до колена [Спрыгина 1929: 16-17]. Как отмечается в исследованиях, такие ременные оборы могли служить прототипом голенища сапога со сборами, широко распространённого впоследствии у мордвы.

Анализ семантики слова в других финно-угорских языках показывает соответствие значений, которое подтверждается археологическими данными: остатки ремней и металлические пряжки от ременных обор очень часто встречаются в женских мордовских погребениях VIII-XI вв.

эрз. *l'eŋ'g'e* ChrE, *l'eŋg'e* E:Mar Atr VVr Petr Kal Večk Is Jeg, *l'äŋg'e* E:Gor, *l'äŋg'ä* E:Ba, *l'äŋg'ä* E:Kažl, мокш. *l'eŋ'g'ε* ChrM, *l'eŋg'ä ~ l'eŋgä* M:P, *l'eŋg'ä* M:Pš Kr Čemb Sel An Suck, *l'eŋg'ä* M:Ur Jurtk 'лыко' [Paasonen: 1110]. < литовск. *lunkas* [Paasonen: 1111]. В [UEW: 707] предлагается сопоставление с ФУ *nine (*ńine).

эрз. *pulo*, мокш. *pula* 'заплётка лаптя' < ФУ *poĺa хвост, подол [UEW: 393]. В современных мордовских языках эрз. *pulo*, мокш. *pula* имеет основное значение *хвост*, вполне вероятно развитие значения к *заплётка лаптя*.

2. Собственные производные

Значительно количество собственных производных от мордовских основ:

– имеющие значение «обувь»:

эрз. *kar't'-prakstat*, мокш. *kar't'-prakstat* 'обувь' < эрз. *kar*, мокш. *kar'* 'лапоть' + эрз. *praksta*, мокш. *praksta* 'обувь, портянка'

мокш. *kar's'əmb'äl'* 'обувь' < эрз. *kar't's'ems*, мокш. *kar's'əms* 'обуться' + суффикс *-p'äl'*

мокш. диал. *kar'ama* 'обувь'. Производное от эрз. *kar'*, мокш. *kar'* 'лапоть' + *-ma*;

– обозначающих виды обуви:

мокш. *k'ir'ən't'f k'ämot* 'женские праздничные сапоги с голенищами «в гармошку»' [МРС: 258]

эрз. *kšnan' kar'* E;Kad 'кожаная обувь' [Paasonen: 629]

мокш. *s'ir'en' kočk'ər'g'ät* 'сапоги с массивными задниками' [Белицер 1973: 215] и др.;

– обозначающих элементы обуви:

эрз. *at'akš* ChrE, *at'akš* E:Mar Večk Is StMokl SŠant, *at'akš* E:Hl Ba Kad, *at'okš* ChrM, *at'akš ~ at'okš ~ at'okš* M:P, *at'okš* M:Bajm Pš Čemb, *at'akš* M:Sel Suck, *at'akš* M:Ur Jurtk 'декоративная фигура на лапте', 'три фигуры на носке лаптя' [Paasonen: 86-87]

эрз. *at'akš-avakš, at'akšk'et',* мокш. *at'okšat* 'украшение на головке лаптя (букв.: петушки)' [Белицер 1973: 214]

эрз., мокш. *kar'ks* ChrE E:Mar, ChrM M:P 'оборка лаптя; верёвка; лямка на дуге' [Paasonen: 630]

мокш. *šuvamn'ä kar'ʿ'st* ‘оборы тонкие’ [Белицер 1973: 215]

эрз. *jakst'er'e kar'kst* ‘праздничные красные оборы’ [Белицер 1973: 215] и др.;

– обозначающих элементы одежды:

мокш. *pažeta* ‘онуча - портянка, обмотка для ноги под сапог, под лапоть’

эрз., мокш. *p'il'g'algat* ‘портянки нижние для обмотки ступни’ [Белицер 1973: 214]

эрз *p'il'g'ä-korgaks* E:Kažl ‘нижние обмотки’ [Paasonen: 1666]

эрз. *p'il'g'e-p'et'ks* E:Mar Kal Is, *p'il'g'e-p'ät'ks* E:Ba, мокш. *pəl'g'ə-p'et'ks* M:P Pš Sel Suč‘k ‘верхние портянки’ [Paasonen: 1667] и др.

мокш. *s'er'g'ä* M:P Čemb Šad Temn, *s'er'g' ä* M:Kr Mam, *s'er'ga* M:?Suč‘k ‘женские верхние обмотки’ [Paasonen: 2138], мокш. *s'er'gat* ‘верхние красные шерстяные праздничные обмотки для ног’ [Белицер 1973: 215], мокш. *s'er'g'ä* этн. диал. ‘онучи из самотканого белого материала’ [МРС: 621]

мокш. *s'er'gaks, s'er'g'e kotf* ‘полотно для праздничных портянок женщин’ [МРС: 621]

мокш. *poŋks-sęzga* M:Suč‘k ‘шнурок для завязывания портков’ [Paasonen: 168]. Сравните: мокш. *c'ezgat* M:P Pš ‘подвязки на штанах у женщин’, в другом значении M:P Pš Vert Temn Suč‘k ‘женский половой орган’ [Paasonen: 168].

3. Заимствования из русского языка

В названиях обуви присутствует множество русских заимствований:

мокш. *burkat* ‘бурки - тёплые высокие сапоги из войлока или фетра на кожаной подошве’ < рус. *бурки*

эрз. *[c'ulka] t's'ulka*, мокш. *t's'ulka* ‘чулок’ < рус. *чулок*.

Производные, обозначающие разновидности чулок и элементы одежды:

мокш. *c'ulka p'et* ‘шерстяные чулки’ [Белицер 1973: 215]

мокш. *c'ulka ravžat* ‘чулки чёрные’ [Белицер 1973: 215]

мокш. *c'ulka s'ormaft* ‘чулки узорчатые, пёстрые’ [Белицер 1973: 215]

мокш. *čulka-l'amka* M:Jurtk ‘подвязка’ [Paasonen: 191]

эрз. *c'ulka-v'er'gaks* E:Mar ‘узорчатый наколенник, верхняя часть чулка’ [Paasonen: 191]

мокш. *v'är' c'ulka, v'är'g'en' c'ulkat, počka c'ulkat* 'шерстяные чулки-наколенники' [Белицер 1973: 214]

мокш. *c'ulka p'et* 'шерстяные чулки' [Белицер 1973: 215] < эрз. *[c'ulka] t's'ulka* ChrE E:Mar Hl Večk [Jeg], мокш. *t's'ulka* ChrM, *c'ulka* M:P 'чулок' [Paasonen: 191] и эрз. *p'e ~ p'ä* ChrE, *p'e* E:Mar Kal Šokša Večk NBajt Bag MdBugur, *p'ä* E:Gor Ba Nask Kažl, мокш. *p'e* ChrM M:P Levši Čemb Sel Sučk Ur, *p'ej* M 'конец' [Paasonen: 1571] + -*t* (Pl.)

мокш. *c'ulka ravžat* 'чулки чёрные' [Белицер 1973: 215] < эрз. *[c'ulka] t's'ulka* ChrE E:Mar Hl Večk [Jeg], мокш. *t's'ulka* ChrM, *c'ulka* M:P 'чулок' [Paasonen: 191] и эрз. *ravužo ~ raužo ~ ravžo* ChrE, мокш. *rav^{d}žă* ChrM [Paasonen: 1887] + -*t* (Pl.)

мокш. *c'ulka s'ormaft* 'чулки узорчатые, пёстрые' [Белицер 1973: 215] < эрз. *[c'ulka] t's'ulka* ChrE E:Mar Hl Večk [Jeg], мокш. *t's'ulka* ChrM, *c'ulka* M:P 'чулок' [Paasonen: 191] и эрз. *s'ormav* ChrE E:Mar Večk Jeg, *s'ormaŋ* E:Atr, мокш. *s'ormav* M:P 'пёстрый' [Paasonen: 2174] + -*t* (Pl.)

эрз. *c'ulka-v'er'gaks* E:Mar 'узорчатый наколенник, верхняя часть чулка' [Paasonen: 191] < эрз. *[c'ulka] t's'ulka* ChrE E:Mar Hl Večk [Jeg], мокш. *t's'ulka* ChrM, *c'ulka* M:P 'чулок' [Paasonen: 191] + эрз. *v'er'ga* ChrE E:Mar Atr, мокш. *v'εr'g'ε* ChrM *v'är'g'ä* M:P Vert 'поверху' [Paasonen: 2576] + - *ks*

эрз. *c'ir'ic'ka* 'башмак' < рус. *чирик* + -*ka*. В русском *чирик* < тюрк., сравните: тур., крым.-тат., кумык., кирг. *čaryk* 'грубая обувь крестьян', чагат. *čaruk* 'грубый башмак' [Фасмер IV: 365]

эрз. *c'ir'k'in'et'* 'ботинки' < рус. *чирик* + - *n'e* (Dem.) + -*t'* (Pl.)

эрз. *čosonkat* 'валенки' < ? рус. чесать

мокш. *čulka-l'amka* 'подвязка' < эрз. *[c'ulka] t's'ulka*, мокш. *t's'ulka, c'ulka* 'чулок' + мокш. *l'ämka* ['ремень рюкзака']

эрз. *čabatar'* 'сапожник, чеботарь' < рус. чеботарь

мокш. *čakčura* 'женская обувь', 'обувь', 'обувь на низком каблуке', ср. рус. *чакчуры* 'высокие башмаки у крестьянок', вост.-русск

эрз. *kološa* 'галоша', мокш. *kaloša* 'калоша', диал. 'праздничные портянки из чёрных шерстяных ниток' < рус. *калоша*

эрз. *pan'čuχa ~ pan'čuka* 'высокая войлочная туфля' < рус. *панчоха.* В русском через польск. *pończocha*, чеш. *punčocha* из ср.-в.-н. *buntschuoch* 'лапоть' [Фасмер III: 200].

эрз. *stupn'a* 'лапоть с бортами', 'домашняя плетеная обувь (наподобие лаптей)', мокш. *stupn'at* 'вид обуви из лыка' < рус. *ступня*

эрз., мокш. *sukonkat* 'суконные онучи' < рус. *суконки*

мокш. *t'oplaj* 'валенок' < рус. *тёплый*

мокш. *val'ən'c'ä* (: *val'n'c'ä*) 'валенок' < рус. *валенок*

Валенки «проникли в мордовскую деревню в середине XIX века. Валенки валяли из овечьей шерсти осенней стрижки; чаще всего они были серые и черные, реже белые. У мордвы, жившей на территории Оренбургской обл., в Татарии и Башкирии, встречались нарядные розовые и красные валенки с узором, так называемые писаные. Валенки валяли как местные, так и пришлые валяльщики, последние были по преимуществу русские. Многие из них приходили в мордовские деревни из соседних областей: Горьковской (б. Васильсурский и Арзамасский уезды) и Ульяновской. В свою очередь и валяльщики-мордвины часто уходили довольно далеко от родных мест [Белицер 1973: 173]».

«Сходство в технологии производства валенок у мордвы и русских, употребление при этом одних и тех же орудий и их русские названия: струна, лучок, решетка, боек или катеринка (катьрка) – все это свидетельствует о том, что техника их производства была заимствована от русских [Куклин 1968: 242]».

Также выделяются производные от руссизмов: мокш. *čulka-l'amka* M:Jurtk 'подвязка' [Paasonen: 191]; эрз. *c'ulka-v'er'gaks* E:Mar 'узорчатый наколенник, верхняя часть чулка' [Paasonen: 191]; эрз. *c'ir'ic'ka* E:Mar 'башмак' [Paasonen: 179]; мокш. *v'är' c'ulka, v'är'g'en' c'ulkat, počka c'ulkat* 'шерстяные чулки-наколенники' [Белицер 1973: 214]; эрз., мокш. *sukonkat* 'суконные онучи' [Белицер 1973: 215] и др.

Интересным представляется практически полное отсутствие тюркских заимствований в номинациях элементов мордовского обувного комплекса на фоне значительного количества заимствований названий элементов одежды [Девяткина 2014a] и головных уборов [Девяткина 2014b].

4. Неизвестные этимологии

Сравнительно незначительно количество слов без этимологий:

эрз. *praksta* ChrE E:Mar Kad, мокш. *praksta* ~ *praksta* ChrM M:P Pš, *praksta* M:Prol, *praksta* M:MdJurtk ‘обувь, портянка’ [Paasonen: 1783].

(4) эрз. ***Пракстанзо*** *човинеть, панаронть кондят* [Абрамов 1971: 16]. ‘**Портянки у него** тонкие, как и рубашка, белые’.

Множество производных-наименований элементов одежды, например:

мокш. *aldən’ prakstat* ‘нижние портянки, которыми обертывали ступни ног’ [Белицер 1973: 214]

мокш. *alc’ä prakstat* ‘нижние портянки, которыми обертывали ступни ног’ [Белицер 1973: 214]

мокш. *laŋga prakstat* ‘портянки верхние для обмотки икр ног’ [Белицер 1973: 214]

мокш. *kod’ämä prakstat* ‘порятнки тканые’ [Белицер 1973: 214]

эрз., мокш. *pona prakstat* ‘онучи шерстяные’ [Белицер 1973: 214]

Ноги обёртывали портянками *пракстат* из домотканого льняного, но чаще посконного холста. Поверх портянок в холодной время года носили белые или черные онучи - *сумань пракстат*. Они представляли собой куски сукна длиной до 1,5 м и шириной 43-45 см. Их ткали на домашнем ткацком стане на четырех подножках. Нитки приготовляли из поярка или весенней овечьей шерсти. Поверх онучей ноги обвязывали оборами *карьксст*. Оборы были лыковые или сплетенные из кудели и ниток, конопляных или льняных (главным образом праздничные). В некоторых местах вместо обор носили кожаные ремни. Шерстяные онучи *сябастры* и кожаные оборы у мордвы-терюхан встречались еще в 20-х годах XX века [Белицер 1973: 36].

эрз. *notks* E:Atr Ba, мокш. *notks* M:Suč̌k Ur ‘белые полотняные праздничные портянки’ [Paasonen: 1355], эрз. *notks* ‘холщовая портянка’ [ЭРС: 418].

мокш. *tos’ulan’at* диал. ‘чесонки’.

(5) мокш. *Пильгсонза акша* ***тосюланят*** [УПТМН 1981: 62]. ‘На ногах у него белые **чесонки**’.

мокш. *s'er'g'ä* ‘женские верхние обмотки’.
мокш. *c'oka* ‘кочедык’.

5. Выводы

Наличие на прамордовском уровне названий лаптей, сапог и ботинок и наличие в диалектах большого количества собственных производных названий разновидностей обуви, элементов обуви и одежды (портянки, онучи) говорит о достаточно высоком уровне развития мордовского обувного комплекса. Интересными представляются сепаратные заимствования в диалекты названий валенок и появление собственных производных от руссизмов. Это говорит о явном заимствовании данного элемента обувного комплекса у русских. В этнографических работах встречаем описания мордовского национального костюма, где упоминаются лапти, сапоги и ботинки. Валенки описываются как заимствованный элемент у соседних народов, что совпадает с полученными лингвистическими данными.

Большое количество названий разновидностей лаптей говорит о повсеместном использовании данного типа обуви. Этнографические данные показывают наличие у мордвы особого типа плетения лаптей, не схожего с другими народами: «характерной особенностью мордовских лаптей было украшение на головках в виде треугольников из перевёрнутого лыка (*at'akš-avakš) – петушки*, так их называли в соседних русских сёлах. Помимо декоративного, они имели чисто практическое значение – показывали, на какую ногу надо надевать лапоть» [Прокина 1990: 49].

Наличие различных номинаций обмоток, портянок, онучей, наколенников в очередной раз показывает широкую распространенность лаптей как основного вида обуви, который использовался и в холодное время года. «В одной мордовской песне упоминается о ношении мужчинами узорчатых чулок. Это указание важно потому, что сейчас шерстяные чулки-наколенники с узорами у мордвы носят только женщины. Однако мужские чулки с узорами и в наши дни известны некоторым другим финно-угорским народам (коми, эстонцам). Очевидно, в прошлом узорчатые чулки у мордвы носили мужчины» [Белицер 1973: 36].

Сокращения

Языки и диалекты

к. – коми
литовск. – литовский
манс. – мансийский
мар. – марийский
К – диалекты округа Козьмодемьянск
U – диалекты округа Уржум
В – горномарийский
мокш. – мокшанский
An – с. Анаево Зубово-Полянского р-на р-ки Мордовия
Čemb – Белинский р-н Пензенской обл.
Jurtk – с. Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского р-на Ульяновской обл.
Kr – Краснослободский, (частично) Ельниковский и Ковылкинский р-ны р-ки Мордовия
Levši – с. Левжа Рузаевского р-на р-ки Мордовия
Mam – с. Мамолаево Ковылкинского р-на р-ки Мордовия
MdJurtk – с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского р-на Ульяновской обл.
Prol – ? Prolejka – переименованный н.п. в Кошкинском р-не Самарской обл.
Pš – с. Старое Пшенево Ковылкинского р-на р-ки Мордовия
Sel – с. Покровские Селищи Зубово-Полянского р-на р-ки Мордовия
Suč – ? с. Колдаис Шемышейского р-на Пензенской обл.
Šad – с. Шадым Ковылкинского р-на р-ки Мордовия
Temn – Атюрьевский и Темниковский р-ны р-ки Мордовия
Ur – с. Урюм Тетюшского р-на р-ки Татарстан
Vert – с. Вертилим Старошайговского р-на р-ки Мордовия
ненец. – ненецкий
ПУ – прауральский язык-основа
рус. – русский
саамск. – саамский
удм. – удмуртский
ФВ – финно-волжский язык-основа
фин. – финский
ФУ – финно-угорский язык-основа
хант. – хантыйский
DN – верхнедемьянский диалект

Kaz. – казымский диалект
эрз. – эрзянский
Atr – с. Атрать Алатырского р-на р-ки Чувашия
Ba – с. Баевка Николаевского р-на Ульяновской обл.
Bug – Бугульминский р-н р-ки Татарстан и Бугурусланский р-н Оренбургской обл.
Gor – Городищенский и Сосновоборский р-ны Пензенской обл.
Jeg – ? д. Новоегорьевка Абдулинского р-на Оренбургской обл.
Hl – с. Отрадное Чамзинского р-на р-ки Мордовия
Is – с. Исаклы Исаклинского р-на Самарской обл.
Kad – Кадом Теньгушевского р-на р-ки Мордовия
Kal – д. Коляево Теньгушевского р-на р-ки Мордовия
Kažl – с. Кажлодка Торбеевского р-на р-ки Мордовия
Kozl – с. Нижняя Козловка Сергиевского р-на Самарской обл. или с. Козловка Бугульминского р-на р-ки Татарстан
Mar – с. Большое Маресьево и с. Малое Маресьево Чамзинского р-на р-ки Мордовия
NSurk – с. Новое Суркино Альметьевского р-на р-ки Татарстан
Petr –Петровский р-н Саратовской обл.
Šokša – с. Шокша Теньгушеского р-на р-ки Мордовия
Večk – с. Старое Вечканово и д. Новое Вечканово Исаклинского р-на Самарской обл.
VVr – с. Великий Враг Шатковского р-на Нижегородской обл.
эст. – эстонский

Общие

диал. - диалектный
Pl. - множественное число

Литература

1. Абрамов 1971 – Абрамов К.Г. Эрзянь цёра. Саранск, 1971.
2. Аникин 2000 – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 2000.
3. Белицер 1964 – Белицер В.Н. Мордва // Народы Европейской части СССР. Том II. М.: Наука, 1964. С. 548-598.
4. Белицер 1973 – Белицер В.Н. Народная одежда мордвы / Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. Москва, 1973.

5. Девяткина 2014a – Девяткина Е.М. Названия базовых элементов национального костюма в прамордовском языке // Урало-алтайские исследования, № 4 (15), 2014.

6. Девяткина 2014b – Девяткина Е.М. Элементы мордовского национального костюма: сопоставление лингвистических и этнографических данных // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Инстиут языкознания РАН, Изд-во «Канцлер», 2014. – С. 71-89.

7. Девяткина 2015 – Devyatkina E. The names of material objects in the Mordvin languages: the comparison of linguistic data with the results of ethnographic studies // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 2015. – PP. 309-318.

8. Евсевьев 1990 – Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба. – Саранск, 1990.

9. Куклин 1968 – Куклин В.Н. Приёмы обработки и изготовление изделий из шерсти мордвой в XIX - начале XX в. // Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР, Вып. XXXIV. Саранск, 1968.

10. Маслова 1956 – Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956.

11. МРС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б.А., Феоктистова А.П., Полякова О.Е. М., 1998.

12. Прокина 1990 – Прокина Т.П., Сурина М.И. Мордовский народный костюм. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1990.

13. Спрыгина 1929 – Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши. Пенза, 1929.

14. УПТМН 1981 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / под ред. Б.П. Кирдана. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981.

15. Фасмер 1986, том II – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.II. М., 1986.

16. Четвергов 1994 — Четвергов Е.В. Сырнень човалят: Стувтозь ды чуросто вастневиця валт. Саранск, 1994.

17. ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б.А., Бузаковой Р.Н., Мосина М.В. М., 1993.

18. Paasonen – Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki, 1990-1996.

19. UEW – Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1988.

Резюме

В статье приводится анализ названий обуви в мордовских языках. Наличие на прамордовском уровне названий лаптей, сапог и ботинок и наличие в диалектах большого количества собственных производных названий разновидностей обуви, элементов обуви и одежды (портянки, онучи) говорит о достаточно высоком уровне развития мордовского обувного комплекса.

Ключевые слова: *мордовские языки, эрзянский язык, мокшанский язык, этимология, лексика.*

Summary

The paper presents an analysis of the names of shoes in the Mordvin languages. The names of basts, boots and shoes are reliably reconstructed for Proto-Mordvin. There is a large number of non-borrowed derivatives of the names of shoes, their elements and items of clothing (footcloths, leggings) in the Mordvin dialects. It indicates the high level of the development of footwear in the Mordvins.

Keywords: *Mordvin languages, Erz'a, Moksha, etymology, vocabulary.*

Ю.А. Дрейзис
ИСАА МГУ, Москва

Отношения вэньянь-байхуа-тополект в современной китайской поэзии[1]

В большинстве случаев, когда мы говорим о классической поэзии на китайском языке, то имеем в виду тексты, написанные на языке вэньянь 文言. Это был письменный стандарт, доминировавший во всех сферах использования письменного языка, кроме, пожалуй, отдельных форм художественной литературы (сюжетной прозы крупных форм и, частично, драмы) вплоть до первых десятилетий XX в. Поэзия Китая на протяжении многих веков оперировала именно средствами вэньяня, сохранявшего во многом синтаксические и морфологические нормы языка V-IV вв. до н.э., т.е. так называемого классического периода [Norman 1988: 83–84]. Будучи литературным языком, он, безусловно, отличался от современного его возникновению вернакуляра, хотя и базировался в значительной степени на нем. Как большинство литературных языков, вэньянь обнаруживает наличие локальных и диахронических вариаций, однако остается достаточно гомогенным [Крюков, Хуан 1978: 489–496]. В постклассический период авторы продолжили писать тексты, имитирующие ранний письменный стандарт. Разрыв между разговорным и письменным языком увеличивался, и роль вэньяня в Средние века приблизилась к роли латыни в Западной Европе.

Ввиду почти полного отсутствия морфологии грамматические процессы в вэньяне были практически исключительно синтаксическими. Порядок слов и использование частиц и других вспомогательных грамматических элементов (предлогов, вспомогательных глаголов и т.п.) составляли главные способы задания грамматических отношений. В поэзии допускалась несколько большая свобода порядка [王力 1958: 261–298]. Не стоит забывать и о лексических различиях между вэньянем и эволюционировавшим вернакуляром, которые

[1] Работа выполнена в рамках проекта по гранту Президента РФ МК-5951.2015.6.

китайская лингвистическая традиция долгое время склонна была игнорировать, т.к. большинство неологизмов современного китайского построены из морфем вэньяня. Однако, по мнению крупнейшего китайского лингвиста, автора работ по грамматике классического и современного языка Ван Ли, различия между вэньянем и письменным стандартом вернакуляра лежат прежде всего в плане лексики [Карапетьянц, Тань 2001: XIII].

В то же время для поэтического текста крайне важным оказывался и фактор «плотности» текста на вэньяне, где иероглифическая база задавала гораздо больший объем значения в меньшем количестве слов (морфем), больше тяготение к формульности. Богатая литературная традиция насыщала язык значительным количеством легко считываемых знатоками аллюзий, еще сильнее «уплотняя» его пространство.

Еще один момент связан с обязательным использованием в китайской поэзии рифмы, которая в классических форматах была условной – в том смысле, что рифмовка отражала не реальное произношение, но искусственно поддерживаемый стандарт, созданный в VI в. [王力 1958: 43–74]. Даже наиболее «низкие» формы поэзии в XIX-XX вв., например арии-цюй 曲, ориентировались на произносительную норму, неэквивалентную использовавшемуся надтополектному койне (в случае арии это была норма северных тополектов, в частности, пекинского).

Все эти особенности, в значительной степени увязанные с особенностями вэньяня, определяли лицо классической китайской поэзии. Китайская поэзия современного типа начала формироваться при поддержке «иконоборческого», экспериментального настроя на «борьбу» с вэньянем, способствовавшего «великому освобождению поэтики» [胡适 1921: 277]. В 1920-е гг. доминирующее положение классической поэзии наконец было поколеблено появлением «свободного» стиха современного типа. Призывы к адаптации некитайских, в основном западных, эстетических доминант на практике означали переход от вэньяня к вернакуляру и выбор новых формальных (в т.ч. просодических) конструкций.

Один из главных пропонентов литературной и языковой реформы начала XX в. Ху Ши (1891–1962) фактически создает бинарную оппозицию между письменным вэньянем и разговорным байхуа 白话, конструируя линию развития последнего от текстов сунской эпохи (960–1279) [Jiang Hui 2007:

44]. С диахронической точки зрения, наклеивание на вэньянь критического языка «азиатской латыни» во времена «движения четвертого мая» (1919) выглядит значительным преувеличением, но оно было крайне важно для внедрения национального языка и самой идеи «новой поэзии».

В реальности язык современной поэзии инкорпорировал элементы вэньяня, предсовременного вернакуляра, настоящей разговорной нормы, заимствования из японского и европейских языков, неологизмы, диалектную лексику, европеизированный синтаксис и пунктуацию, а порой и иностранные слова, напрямую включаемые в китайский текст [Yeh 2008: 9–26]. Поскольку традиция современной китайской поэзии, если отсчитывать ее существование от «Экспериментов» Ху Ши 1921 г., к настоящему моменту насчитывает уже порядка ста лет, нам показалось любопытным изучить, насколько «изжитым» в ней оказывается компонент вэньяня и насколько принятой – в противовес письменной норме – диалектальная составляющая.

В поэзии материкового Китая большинство примеров использования вэньянизированных конструкций дает, как ни странно, не творчество авторов, обладающих классическим образованием или учившихся на филологическом факультете (таких как Цзан Ди 臧棣 (1964–), Чэнь Дундун 陈东东 (1961–), Ло Ихэ 骆一禾 (1961–1989) и др.), но более молодых или позже открывших в себе литературный талант поэтов (Сяо Кайюя 萧开愚 (1960–), Хань Бо 韩博 (1973–), Цзян Хао 蒋浩 (1971–)), не обладающих подобным опытом [杨小滨 2012: 7]. Поэты-филологи, напротив, в большей степени тяготеют к использованию разговорных конструкций. Приведем несколько примеров работы с вэньянем в современном тексте (все примеры можно считать иллюстрацией и особенностей идиостиля названных авторов, у которых тенденция к вэньянизации проявлена наиболее ярко, но такая работа встречается и у других поэтов, например у Оуян Цзянхэ 欧阳江河 (1956–). В целом нами было проанализировано больше десяти индивидуальных сборников):

我是悱恻，舍秃顶 入山麓的花之隐曲， 惊动尝百果的你。	*я есть скорбящий, что отбросив плешь* *вступает в предгорных цветов*

крытую излучину,
встревоженно пробуя стоплодную тебя.

Сяо Кайюй «Крестовая скала» 十字山
[杨小滨 2012: 8]

这里。废弃的角落，
已是盲文，摸爬滚打后，
涣散成荫。缺失部分陡峭。
镂空的窗，两楼的梯，
中间抱憾的风骚，
依依装饰新来的阙疑。

здесь. заброшенный угол,
уже есть брайлева азбука, после ползанья карабканья верченья битья
рассеяно развеяно в тени. лишившись доли отвесности.
ажурной резьбы окошко, двух башен лестницы,
между ними таящая досаду поэтичность,
нежно разукрашивающая новые пропуски текста.

Цзян Хао «Знакомые места» 旧地
[蒋浩 2013: 142]

少壮轻年月，迟暮惜光辉。
一只野兔，替代无数只，
咀嚼俯仰有别的陈腐，
账目不清，硬梗哽若浑沦一物的无云。

молодосильный легковесными видит года, деннозакатный жалеет о блеске минувшем.
один дикий заяц, замещает бессчетное племя,
в жевании взглядах вниз-вверх иная избитость
в счетах беспорядок, стиснуты жесткие стебли как хаосом объединенная
безоблачность и безглагольность.

Хань Бо «Дикий заяц» 野兔
[杨小滨 2012: 8]

Во-первых, обращает на себя внимание использование однослогов (已 *и* ‘уже’, 入 *жу* ‘вступать’, 若 *жо* ‘как, подобно’) в противовес преимущественной двусложности современной нормы; во-вторых, само по себе употребление лексем вэньяня вместо соответствующих им современных единиц (已 вместо 已经 *ицзин* ‘уже’, 入 вместо 进入 *цзиньжу* ‘вступать’, 若 вместо 像 *сян* ‘как, подобно’)Кроме того, здесь есть и игра с многозначностью вэньянизмов (无云 *у юнь* ‘без облаков’ и ‘без слов’, 花之隐曲 *хуа чжи иньцюй* ‘скрытая изогнутость цветов’ и ‘половые части цветов’), и имитация техники классического стиха, например такой любопытный момент, как традиционное использование тавтофонов, подкрепленное графикой: в заключительной строке стихотворения Хань Бо три знака, открывающие последний фрагмент, имеют одинаковый фонетик, т.е. графический элемент, призванный указывать на чтение иероглифа, что создает эффект сходный с привычным ассонансом. Однако стоит сразу отметить, что примеров вэньянизмов в современной поэзии на порядок меньше, чем употребления слов и конструкций различных тополектов (особенно если мы исключаем из рассмотрения их употребление в ироничном ключе).

Теперь нужно сказать несколько слов о проблеме соотношения стандарта и тополекта. Мы следуем в терминологии за Виктором Мэром, предложившим термин **тополект** [Mair 1991: 1–31] в качестве наиболее точного и нейтрального перевода китайского термина фанъянь 方言, традиционно и по сей день используемого для описания китайских «диалектов». Суть проблемы заключается в том, что основными критериями для идентификации фанъянь в китайской лингвистике служат 1) общность используемого в зонах их распространения стандарта и 2) общность используемой письменности, т.е. описываемая сущность не является диалектом в общепринятом смысле, а китайский язык как таковой должен рассматриваться в качестве семьи языков.

Для современного стиха вопрос соотнесенности официальной нормы и разговорной практики, которая подчас уравнивается с тополектами, остается крайне важным. Если лидеры «движения четвертого мая» пытались создать новую литературу, отрицая поэтическую функцию вэньяня в

противовес вернакуляру, современный поэт часто озабочен поиском «утраченного» вернакуляра в региональных языковых традициях. Стандарт неприемлем из-за насыщенности его элементами канцелярита, маоистского «новояза» (maospeak / маовэньти в терминах критика Ли То [Barmé 2012]) и по причине усиливающегося процесса вливания в него европейских заимствований. Маргинальный статус тополектов, существующих в оппозиции к стандарту путунхуа 普通话, привлекает именно как знак неофициального характера эстетического пространства, которое может быть создано с их помощью.

Больше всего с этим работают поэты так называемого «народного» направления и тяготеющих к нему групп «Они» (*тамэнь* 他们), «Невежи» (*манхань* 莽汉), «творчество телесного низа» (*сябаньшэнь сецзо* 下半身写作), а также их «наследники» – сторонники идеи «коллоквиализированного письма» (*коуюй сецзо* 口语写作). Разработкой данной концепции активно занимается поэт Юй Цзянь于坚 (1954–), опубликовавший серию эссе, где поднимается проблема соотнесенности официальной нормы и разговорной практики.

В программном эссе «Твердый и мягкий языки поэзии» Юй Цзянь вводит бинарную оппозицию «твердого» и «мягкого» языков, уравнивая первый с современной нормой путунхуа и соотнося второй с тополектами. «Твердость» путунхуа связана с тем, что он представляет собой «официальный язык, оторванный от жизни» (*фэйшэнхохуадэ гуаньфан хуаюй* 非生活化的官方话语) [于坚 1999: 462–463]. Пав жертвой идеологических противостояний прошлого, он застыл в своем развитии. Тополекты, напротив, помогают сохранить жизнь в ее первозданном виде, они обогащают язык, возвращая ему утраченные возможности.

Проанализировав серию сборников «Новый канон поэзии» (*Синь ши дянь* 新诗典), выходивших ежегодно начиная с 2012 года под редактурой поэта И Ша 伊沙 (1966–) (конкретные стихотворения отбирались при помощи интернет-голосования на нескольких поэтических сайтах), а также сборник 2002 года «Канон китайской интернет-поэзии» (*Чжунго вано шидянь* 中国网络诗典) и архивы интернет-порталов «Поэтическая жизнь» (*Ши шэнхо* 诗生活 http://www.poemlife.com/) и «Китайская

поэтическая база» (*Чжунго шигэ ку* 中国诗歌库 http://www.shigeku.org/), мы смогли наблюдать довольно интересную картину. Сборники охватывают очень большое количество поэтов из разных мест Китая, обладающих разными идиостилями и разным бэкграундом, но так или иначе тяготеющих к «разговорному» письму. При всей декларируемой большинством авторов приверженности идее приближения языка поэзии к разговорной речи язык поэзии выглядит у них в общем сходным со стандартным путунхуа. При этом задача распространения путунхуа как устной нормы в районах доминирования несеверных тополектов специально оговаривается даже в Конституции КНР (1982). Несмотря на повсеместное употребление путунхуа на радио и телевидении, по данным официального обследования 2004 г., только 53% населения КНР могут объясняться на путунхуа, 18% говорят на нем дома, 42% используют в школе и на работе [Qin Jize 2004].

Вместе с тем, тополект в современной поэзии по большей части оказывается ограничен сферой лексики. Значительное число произведений «Нового канона» демонстрируют использование диалектизмов (их несравнимо больше, чем тех, где используется вэньянь):

天上的白云真白啊	*на небе белые облака столь белы*
真的，很白很白	*взаправду, очень белые очень белые*
非常白	*чрезвычайно белые*
非常非常十分白	*чрезвычайно-чрезвычайно*
极其白	*исключительно белые*
贼白	*крайне белые*
简直白死了	*зверски белые*
啊——	*просто до смерти белые*
	о!

У Цин «Хвала белым облакам» 对白云的赞美 [乌青 2002: 245]

展二娃夫妇多年不打球了
我也多年不打
我们**仨**如今又成了老年球队队员

чжань эрва с женой много лет
не играли в футбол
я тоже много лет не играл
мы трое нынче сделались
членами команды пожилых

Туао «Эпоха футбола, или упражнение в беллетристике»
球时代，或小说课 [凸凹 2013]

一个认真的人
在一张擦沟子的报纸上
看见一则陈旧的新闻。他
啥都想到了：春天，马驹，少女，煤矿
只没想到
如何处理沟子上的红苕屎

一个认真的人
总是遇到一些不认真的事
不认真的事
又总是被认真的人
折磨**得够呛**
或正好相反——谁知道呢

добросовестный
человек
в газете которой
протирали сточный
желоб
увидел старую новость.
он
о чем только ни
подумал: о весне,
жеребятах, девицах,
угольных шахтах
лишь не подумал
как быть с плавающим
в стоке картофельным
дерьмом

добросовестный
человек
всегда встречает на
пути недобросовестные
вещи
недобросовестные вещи
в свою очередь всегда
добросовестными
людьми
тиранятся нещадно
или совсем наоборот –
кто знает

Туао «Добросовестность, или упражнение в беллетристике»
认真，或小说课 [凸凹 2013]

我想说的是 串在时间绳线上的蚂蚱 **甭**管有多少 隔那么几只，就有一只相似	*что я хочу сказать:* *гроздью свисающих со смоляного каната времени кузнечиков* *сколько бы ни было* *за пределами стольких, есть лишь один что похож*

Туао «Всегда готов сражаться, или упражнение в беллетристике» 时刻准备打仗，或小说课 [凸凹 2013]

随着葱价节节攀升 坐在里屋**搓**麻将的店主 再也坐不住了	*по мере того как цена на лук шаг за шагом растет* *сидящий во внутреннем помещении за игрой (букв. потирая) в мацзян хозяин точки больше не может усидеть на месте*

Сюаньюань Шикэ «В ресторанной стряпне лука с каждым днем всё меньше» 餐馆炒菜里大葱日渐少 [轩辕轼轲 2014: 237]

Что касается тех синтаксических особенностей, которые являются отличительной чертой южных тополектов, то они редко находят отражение в поэзии авторов, их носителей. Такие примеры единичны. Тем интереснее выглядит на общем фоне стихотворение Инь Личуань «Мама» (*Мама* 妈妈) [尹丽川 2000], которое демонстрирует ряд заведомо аграмматичных предложений, построенных с нарушением нормального порядка слов. Наблюдаемое в них перемещение носителя рематического акцента правее предикатной вершины (right focus dislocation) вполне допустимо в разговорной норме южных тополектов, в частности, кантонского (юэ 粤) и даже порой в разговорной норме стандартного путунхуа [Cheung 2009: 197–232]. Такая конструкция используется, чтобы оформить запоздалую мысль, когда предложение уже было закончено:

十三岁时我问
活着为什么你。看你上大学
我上了大学，妈妈
你活着为什么又。你的双眼还睁着

我们很久没说过话。一个女人
怎么会是另一个女人
的妈妈。
в тринадцать лет я спрашивала
***живешь для чего ты**. видя что ты поступила в университет*
я поступила в университет, мама
***ты живешь ради чего еще**. твои глаза еще раскрыты*
мы очень давно не говорили. одна женщина
как может быть для другой женщины
мамой.

Нам представляется, что приведенные примеры хорошо иллюстрируют полиморфную природу языкового стандарта современной китайской поэзии (насколько вообще возможен в поэзии стандарт). Этот стандарт, безусловно, инкорпорирует значительную долю диалектизмов, но не чуждается и элементов классического языка – «китайской латыни». Его сложный характер напрямую связан с очень поздним оформлением стандарта современного литературного китайского – путунхуа, сменившего своего предшественника (гоюй 国语) только в 1956 г. Одновременно можно заметить полюс напряжения, который существует между реальной языковой практикой современной китайской поэзии и тем идеализированным образом языковой реальности стиха, ориентированной на точное воспроизведение в нем разговорной речи (в реальности, безусловно, насыщенной девиациями разного рода, в т.ч. имеющими диалектную природу), который проецируется в теоретических и критических работах самих авторов.

Литература

1. Карапетьянц А.М., Тань Аошуан. Учебник классического китайского языка вэньянь. М., 2001.
2. Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М., 1978.
3. Barmé G.R. New China Newspeak // The China Story. 2012. http://www.thechinastory.org/lexicon/new-china-newspeak/.
4. Cheung L. Dislocation focus construction in Chinese // East Asian Linguist. 2009. № 18.

5. Jiang Hui. From Lu Xun to Zhao Shuli. The politics of recognition in Chinese literary modernity: A genealogy of storytelling (Ph.D. Thesis). New York, 2007.

6. Mair V. What Is a Chinese “Dialect/ Topolect”? Reflections on Some Key Sino-English Linguistic terms // Sino-Platonic Papers. 1991. № 29.

7. Norman J. Chinese (Cambridge Language Surveys). Cambridge, 1988.

8. Qin Jize. Greater numbers speak Mandarin // China Daily. 2004. http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-12/26/content_403419.htm.

9. Yeh M. “There Are no Camels in the Koran”: What is Modern about Modern Chinese Poetry? // New Perspectives on Contemporary Chinese Poetry. New York, 2008.

10. 胡适. 尝试集自序 // 胡适文丛. 上海, 1921.

11. 王力. 汉语诗律学. 上海, 1958.

12. 于坚.诗歌之舌的硬与软： 关于当代诗歌的两类语言向度 // 1998年中国新诗年鉴. 广州, 1999.

13. 杨小滨. 两岸当代诗的几个核心问题 // 北京文艺网. 2012. http://bbs.artsbj.com/thread-175715-1-1.html.

14. 尹丽川. 尹丽川诗选 // 中华诗库. 2000. http://www.shigeku.com/shiku/xs/yinlichuan.htm.

15. 乌青. 对白云的赞美 // 中国网络诗典. 南京, 2002.

16. 凸凹. 球时代，或小说课 // 凸凹2013年全部诗作16首. 2013. http://blog.sina.com.cn/rss/1221786850.xml

17. 轩辕轼轲. 餐馆炒菜里大葱日渐少 //新世纪诗典. 北京, 2014.

18. 蔣浩. 唯物: 蔣浩詩選. 台北, 2013.

Резюме

В работе рассматривается, как современные китайские поэты структурируют свои произведения в соответствии с их представлениями о роли нормативного и разговорного в поэзии. Язык китайского стиха конца XX – начала XXI вв. инкорпорирует элементы классического языка вэньянь, настоящей разговорной нормы, заимствования из тополектов и др. элементы. Это иллюстрирует полиморфную природу языкового стандарта современной китайской поэзии, который создаёт напряжение, существующее между реальной языковой практикой стиха и тем идеализированным образом языковой

реальности, ориентированной на точное воспроизведение в нём разговорной речи, который проецируется в теоретических и критических работах самих авторов.

Ключевые слова: *китайская поэзия, китайский язык, тополект, вэньянь, байхуа, фанъянь, поэтический язык, диалект, языковой стандарт.*

Summary

The paper explores how contemporary Chinese poets structure their work in accordance with their views on the role of the standard and the colloquial in poetry. The language of Chinese verse in the late XX – early XXI centuries incorporates elements of classical wenyan, present-day colloquial norm, borrowings from topolects and other elements. This illustrates the polymorphic nature of contemporary Chinese poetry's standard, which creates tension between the real language practice of the verse and the idealized linguistic reality, focused on exact reproduction of the colloquial, that is projected in the theoretical and critical works of the authors themselves.

Keywords: *Chinese poetry, Chinese language, fangyan, topolect, wenyan, baihua, poetic language, dialect, language standard.*

К.К. Кашлева
МГОУ, Москва

Особенности темпорального поля «Песни о Нибелунгах»

Средневерхненемецкий период сыграл важную роль в истории немецкого языка. Он длился с 1050 г. по 1350 г. Обычно его разбивают на следующие подпериоды: ранний средневерхненемецкий (1050–1170 гг.), классический средневерхненемецкий (1170–1250 гг.) и поздний средневерхненемецкий (1250–1350 гг.).

Наиболее значительным вариантом письменно-литературного языка был классический средневерхненемецкий язык, развившийся в конце XII в. — начале XIII в. В его формировании участвовали крупнейшие поэты того времени: Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах, Готфрид Страсбургский, Вальтер фон дер Фогельвейде, неизвестный автор «Песни о Нибелунгах». Для классического средневерхненемецкого языка была характерна относительно высокая степень унифицированности. Его можно считать прототипом надрегионального литературного языка [Филичева 2003: 151].

В словарном составе средневерхненемецкого языка произошли значительные изменения по сравнению с предыдущим периодом, отчасти благодаря заимствованиям из латыни, старофранцузского, нижнефранкского и славянских языков. Сохранившаяся с древневерхненемецкого периода лексика, в том числе темпоральная, испытала семантические сдвиги.

Основными абстрактными темпоральными существительными в древневерхненемецкий период были *frist, (h)wīla, stunta, weralt, zīt.*

По сравнению с двн. *frist* ‘срок, период’, ‘удобный случай, возможность’ значение лексемы *vrist* сузилось. Свн. *vrist* стало означать ‘отсрочка’, ‘ограниченное время’, ‘четкие временные рамки’, что близко к современному употреблению этого слова.

У слова *wîle* (двн. *(h)wīla*) на первый план выходит значение ‘некоторое время’. Лексема в сочетании с предлогами стала употребляться в качестве обстоятельства времени.

Для лексемы *stunde* (двн. *stunta*) в средневерхненемецкий период главным остается значение ‘отрезок времени’, однако она также приобретает новое по сравнению с древневерхненемецким периодом значение ‘удобный случай, возможность’: *hæte ich* ***zît und stunt*** ‘имей я время и возможность’.

Темпоральное значение слова *wërlt* (двн. *weralt*) сузилось. Лексема в средневерхненемецкий период стала означать не только эпоху, но и век или тысячелетие.

Лексема *zît*, как и в древневерхненемецкий период, имела наиболее абстрактные значения: *Zeit, Zeitalter, Lebensalter, Leben, Lebensumstände, Jahres-, Tageszeit, Stunde, Zeitpunkt* ‘время, эпоха, возраст, жизнь, жизненные обстоятельства, время года, время суток, час, момент’.

Данная лексема активно использовалась для формирования сложносоставных слов, как правило, по схеме «Слово 1 + *zît*»: *ëʒʒenzît* ‘время еды’, *metten-zît* ‘заутреня’, *suoch-zît* ‘время поиска’. По данной модели образовывались сложные слова, которые можно заменить словосочетанием с генитивом. В рамках второй схемы «*zît* + Слово 2» (например, *zît-buoch* ‘летопись’) лексема *zît* выступает в роли атрибута.

В словосложении также участвовали другие темпоральные лексемы: *jâr* ‘год’, *naht* ‘ночь’, *tac* ‘день’и т.д.

Историк-медиевист Ж. Ле Гофф отмечал, что в Средние века **время**, в отличие от античности с ее идеей о циклах, становится линейным, направленным. Ж. Ле Гофф указывал, что главным тезисом было наличие у всемирной истории начала и конца, поэтому любая западная хроника в Средние века начиналась с сотворения мира, а под ее истинным окончанием подразумевался Страшный суд. Основы современной хронологии заложил в VI в. Дионисий Малый, разделив время на две части: до и после рождения Христа [Ле Гофф 2005: 200-201, 205].

В Средние века не было унифицированного времени и единообразной хронологии. По замечанию Ж. Ле Гоффа, тогда была естественна «множественность времен», а обозначения отрезков времени зависели от различных хронологических систем. «Средневековье, столь же жадное на даты, как и наша эпоха, датировало события по другим правилам и с другими целями», — писал историк [Ле Гофф 2005: 214].

Средневековое **время** было, во-первых, церковным, поскольку год, прежде всего, разбивался на части, как

литургический. Год (*jâr*) начинался по-разному в разных странах, но самой распространенной точкой отсчета была Пасха (*ôster*) [Ле Гофф 2005: 216].

Так, в средневерхненемецком языке имелась крупная группа церковной темпоральной лексики:

1) наименования праздников, которые использовались, в том числе, как временные ориентиры в годовом цикле (*des nachsten tags nach* ***sant Laurentzen tag*** ‘следующим днем после дня святого Лаврентия’). Они могли быть заимствованными (*pasche* ‘Пасха’, *pentecoste* ‘Троицын день’, *quadragesima* ‘Четыредесятница’, *septuagesima* ‘воскресенье за 70 дней до Пасхи’), представлять собой словосочетания (*sant Michels tag* ‘Михайлов день’) или сложносоставные слова (*karfreitag* ‘Страстная пятница’).

2) наименования периодов церковной или духовной жизни: *advent* ‘адвент’, *drîʒigeste* ‘поминки на 30-й день’, *rouch-naht* ‘святочная ночь’.

3) наименования определенных моментов церковной жизни, чаще всего времени служб: *mësse-zît* ‘месса’, *singe-zît* ‘праздничная служба’, *tërzje-zît* ‘третий час’, *vësper-zît* ‘вечерня’.

Наряду с церковным существовало и второе социальное **время** — аграрное (крестьянское) [Ле Гофф 2005: 217]. С ним связано деление на сезоны.

Основными сезонами являлись зима (*winter*) и лето (*sumer*). Лексемы осень (*herbest*) и весна (*lenze*) употреблялись намного реже.

«Die volkssprachliche Literatur des Mittelalters kennt bekanntlich nicht vier, sondern meist nur zwei oder drei Jahreszeiten: Frühling/Sommer auf der einen und Herbst/Winter auf der anderen Seite oder aber auch Frühling/Sommer, Herbst und Winter» — «Средневековая литература на обиходном (народном) языке различала не четыре, а, по большей части, два или три времени года: весну/лето с одной стороны и осень/зиму или весну/лето, осень и зиму» [Müller 2001: 130].

Примерами аграрной темпоральной лексики могут служить лексемы *sæme-zît* (‘время посева’), *ruor-hacke* (‘время для повторной вспашки полей’), *höuwet* (‘время сенокоса’) и т.д.

Третьим социальным временем, по мнению Ж. Ле Гоффа, было сеньоральное **время** [Ле Гофф 2005: 220]. В работе

«Minnesang und Literaturtheorie» подчеркивается, что для рыцарской, придворной литературы было характерно противопоставление «изобильного» (*Fülle*) времени года (лето и осень) и «бедного» (*Mangel*) (зима, иногда вместе с весной) [Müller 2001: 132]. Однако, в отличие от аграрного, крестьянского **времени**, связанного с природными циклами, противопоставление зимы и лета в рамках сеньорального **времени** основано на ином. Лето ассоциировалось с праздниками (*Fest*), радостью (*Freude*), службой прекрасной даме (*Frauendienst*) и турнирами (*Wettkampf*), то есть с тем, что составляло основу рыцарской культуры [Müller 2001: 132]. Отсюда и появление в средневерхненемецком языке особой темпоральной лексики, связанной с занятиями, присущими высшему сословию, например *hirʒ-veiʒte* (‘период, когда олени становятся жирными’), *veiʒete* (‘период охоты на оленей’).

В лирике данного периода, особенно в лирике миннезингеров, особенное место занимает месяц май, как олицетворение лета. От существительного *meie* было образовано большое количество производных, в том числе глагол *meien (meigen)*, имевший значение ‘быть радостным, как в мае’, а также процесс наступления мая. Существительные, образованные от лексемы *meie* путем словосложения, могли означать временной отрезок (*meientac* ‘майский день’, *meienzît* ‘майское время’), элементы окружающего мира (*meienblat* ‘майский лист’, *meienbluome* ‘майский цветок’) или природные явления (*meienregen* ‘майский дождь’, *meientou* ‘майская роса’). Прилагательное *meien-bære* ‘майский’, ‘подобный маю’ использовалось для положительной характеристики чего-либо при помощи сравнения явления или человека с месяцем маем: *Artûs der* ***meienbaere*** *man* ‘Артур, подобный маю’ (*Parzival*, абзац 281, строка 16), *mit* ***meienberndem*** *guote* ‘с майским благом’ (*Der Jüngere Titurel*, строфа 5463) [MHDBDB].

В стихотворении одного из крупнейших поэтов данного периода Вальтера фон дер Фогельвейде месяц май фигурирует, как символ обновления:

Muget ir schouwen waz dem ***meien***
wunders ist beschert?
<…>
grôz ist sîn gewalt:

ine weiz obe er zouber künne;
swar er vert in sîner wünne,
dân ist niemen alt [MHDBDB].
‘Взгляните только, как май
Одаривает чудесами.
<…>
Как велика его власть!
Не знаю, может ли он колдовать,
Но там, куда он приходит в своем великолепии,
Больше никто не стар’.

Поэт описывает май, как месяц, приносящий чудеса, а именно, возрождение после долгой зимы.

Сходным образом писал о мае другой миннезингер, Нейдхарт фон Ройенталь:

Der ***meie*** *der ist rîche:*
er füeret sicherlîche
den walt an sîner hende.
der ist nu niuwes loubes vol: der winter hât ein ende [Von Reuental 1999: 2].
‘Благородный май
Уверенно берет
Лес под свою руку.
Теперь лес полон молодой листвой: зиме пришел конец’.

В этих строках нашло отражение сразу два типичных для того периода явления. Во-первых, описание мая, как «благородного» (прилагательное *rîche* использовалось по отношению к людям высокого происхождения), а во-вторых, характеристика мая, как противоположности зимы.

Одним из важнейших литературных памятников на средневерхненемецком языке является «Песнь о Нибелунгах». Обширность материала «Песни» позволяет сопоставить разноплановые явления и процессы, происходящие в языке в тот период. Особый интерес представляет собой темпоральное поле этого текста[1].

[1] Все примеры приводятся в нормализованной орфографии по изданию *Das Nibelungenlied: nach der St. Galler Handschrift. Hg. H. Reichert, 2005.*

Темпоральное поле текста, по нашему мнению, складывается из нескольких сегментов: лексического (темпоральные лексемы), синтаксического (употребление соответствующих грамматических форм), сюжетного (внутренняя хронология текста) и концептуального (отображение концепта ВРЕМЯ в тексте). Концептуальный сегмент представляет собой синтез лексического, синтаксического и сюжетного сегментов, это совокупность всех способов выражения концепта ВРЕМЯ в тексте.

Лексический сегмент темпорального поля поэмы представлен большим числом темпоральных слов, которые называют как определенные, так и неопределенные отрезки времени. В «Песни» упоминаются названия времен года, месяцев и частей суток (*der selben* ***stunt*** ‘тот же час’, ***naht*** *und* ***tac*** ‘ночь и день’, *an dem sibenden* ***morgen*** ‘на седьмое утро’, *inre zwelf* ***wochen*** ‘за двенадцать недель’, *der* ***summer*** *zîte* ‘летнее время’, *des* ***meien tagen*** ‘майским днем’), праздников (*an einem* ***pfinxt*** *morgen* ‘утром Троицына дня’), встречаются дейктические слова (*immer* ‘всегда’, *balde* ‘вскоре’, *vürbaz* ‘позже, дальше по времени’, *zehant* ‘вскоре’, *nie* ‘никогда’), а также лексема *zît* ‘время’.

Согласно базе данных концептов средневерхненемецкого языка, (*Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank, MHDBDB*), основными абстрактными темпоральными существительными в поэме являются лексемы *zît, wîle, stunde*:

Таблица 1.

Слово	**Число употреблений**
zît	58
wîle	36
stunde	54

Одной из самых часто употребляющихся темпоральных существительных в поэме является лексема *hôchzît* ‘праздник, празднество’: *Er wolde* ***hôchgezîte*** *mit lieben vriunden hân* (строфа 25). — ‘Он хотел устроить празднество с любимыми друзьями’.

В синтаксическом сегменте основными грамматическими формами повествования являются претерит в авторской речи (1) и презенс в прямой речи (2).

(1) *Ez* ***was*** *ein küneginne…* (строфа 324) — ‘Была одна королева…’

(2) *Nû* ***sag*** *mir, degen Sîvrit…* (строфа 337) — ‘Теперь скажи мне, герой Зигфрид…’

Широко используется модальный глагол *wellen* в сочетании с инфинитивом для репрезентации намерения говорящего что-либо сделать. Зачастую конструкция при этом несет футуральный оттенок:

(3) *Sô* ***wil*** *ich dir ze wîbe mîne swester* ***geben*** (строфа 332). — ‘Тогда я отдам тебе свою сестру в жены’.

Внутренняя хронология в тексте поэмы дается очень четко. По мере развития сюжета мы узнаем, сколько времени проходит между теми или иными событиями.

Точный возраст главных героев на начало произведения нам неизвестен, однако сказано, что Кримхильда была юной девушкой (*magedîn*), а Зигфрид еще даже не был посвящен в рыцари, хотя слава о его подвигах уже гремела:

(4) ***In sînen besten zîten bî sînen jungen tagen***
man mohte michel wunder von Sîvride sagen (строфа 20).
‘В его лучшие лета, в молодые годы
О Зигфриде рассказывали много чудесного’.

После приезда в Вормс Зигфрид прожил там год (*volleclîch ein jâr*), после чего принял участие в сражении с саксами и датчанами, а спустя шесть недель после возвращения из сражения было устроено празднество:

(5) *Dô sprach der hêrre Gêrnôt: „man sol si rîten lân*
über sehs wochen *sî in daz kunt getân*
daz si komen widere ***ze einer hôchgezît*** (строфа 255).
‘Тогда сказал владыка Гернот: «Следует отпустить их
На шесть недель, но дать им знать,
Что они вернутся вновь сюда на празднество»’.

На этом празднике, в Троицын день (*an einem* ***pfinxt****morgen*) Зигфрид впервые встречается с Кримхильдой.

Следующим крупным событием является поездка за Брюнхильдой. После обеих свадеб Зигфрид с Кримхильдой уехали обратно в Ксантен, где прожили десять лет:

(6) *Unz an* ***daz zehende jâr*** *// daz diu vil schoene vrouwe einen sun gewan* (строфа 712). — ‘На десятый год прекрасная дама родила сына’.

Очередной поворотной точкой сюжета становится приглашение Зигфрида с Кримхильдой в Вормс. Они провели там одиннадцать дней (*unz an den einleften tac*), после чего случилась ссора между королевами, что привело к гибели Зигфрида. Его оплакивали три дня (*der drier tage lanc*). Спустя три с половиной года после смерти Зигфрида (*nach ir mannes tôde wol* ***vierdehalbez jâr***) клад нибелунгов был перевезен в Вормс. Всего же Кримхильда прожила вдовой тринадцать лет (*driuzehen jâr*). Итого первая часть поэмы занимает около двадцати пяти лет.

Во второй части к Кримхильде сватается владыка гуннов Этцель, и она отвечает согласием. Она выходит за него замуж в Троицын день (*an einen pfinxtac*). На седьмой год брака (*unz an daz sibende jâr*) у Кримхильды появляется сын. Всего же она живет с Этцелем тринадцать лет (*unz an daz drizehende jâr*), после чего Этцель приглашает в гости родню Кримхильды. Праздник превращается в сражение, после которого в живых остаются немногие. Вторая часть поэмы охватывает промежуток примерно в четырнадцать лет.

Лексический, синтаксический и сюжетный сегменты органически образуют концептуальный сегмент темпорального поля поэмы.

Одной из главных особенностей концептуального сегмента, на наш взгляд, является употребление формы претерита для описания будущих событий:

(7) *si* ***ersturben*** *sît jæmerlîche von zweier edelen vrouwen nît* (строфа 4). — ‘Они трагически погибли из-за вражды двух знатных дам’.

Отсылки к будущим событиям встречаются на протяжении всего текста.

Важно отметить, что какие-либо события в поэме происходят летом, что является отражением сеньорального, рыцарского времени. Зима упоминается в тексте только один раз, когда гонцы передают приглашение Гунтера Зигфриду:

(8) *Swenne daz* ***der winter*** *ein ende habe genomen*
vor disen sunewenden so wolden si iuch sehen (строфа 748).
'Когда зиме придет конец,
В день солнцестояния они хотят вас видеть'.

День летнего солнцестояния (*sunne-wende*) упоминается в поэме неоднократно. В этот день происходит посвящение Зигфрида в рыцари (строфа 29), а также празднество у Гунтера (строфа 732) и празднество у Этцеля (строфа 1813).

Ночь предстает в поэме в негативных тонах. Именно ночью происходят бесчестные поступки: Гунтер обманом завладевает Брюнхильдой (10-я авентюра), убийцы подбрасывают в покои труп Зигфрида (17-я авентюра), Кримхильда велит поджечь зал, где находятся бургунды (36-я авентюра).

Временные промежутки, упомянутые в тексте, позволяют получить представление об идее пространства в поэме. От Ксантена до Вормса Зигфрид едет семь дней:

(9) ***An dem sibenden morgen*** *ze Wormez ûf den sant // riten di vil küenen* (строфа 69).

В путешествии к Брюнхильде за первый день пути герои преодолели двадцать миль по Рейну:

(10) *Si fuoren zweinzec mîle, ê daz ez wurde naht* (строфа 379). — 'Они проплыли двадцать миль, пока не наступила ночь',

а на двенадцатый день (*an dem zwelften morgen*) достигли Изенштейна. От Изенштейна до страны нибелунгов Зигфрид плыл сутки:

(11) ***bi des tages zîten unt in der einen naht*** *// kom er ze einem lande* (строфа 482).

От края нибелунгов же до Вормса — три недели пути:

(12) *Si kômen* ***in drin wochen*** *geriten in daz lant*
ze Nibelunges bûrge daz wâren si gesant
ze Norwaege in der marke <…> (строфа 736).
‘Через три недели они приехали
В замок нибелунгов, куда их послали,
В норвежскую марку <…>’.

Рюдигеру потребовалось двенадцать дней, чтобы добраться из Бехларена в Вормс:

(13) ***inner tagen zwelfen*** *si kômen an den Rîn* (строфа 1172).

Таким образом, пространство в поэме измеряется не в единицах расстояния, а временем, затраченным на дорогу.

Темпоральные лексемы также использовались для характеристики богатства персонажей и пышности торжеств. Празднество, на котором Зигфрид встретился с Кримхильдой, длилось двенадцать дней (*inre tagen zwelven*). Подготовка к поездке за Брюнхильдой заняла семь недель:

(14) ***Inre siben wochen*** *bereiten si diu kleit* (строфа 364). — ‘За семь недель они одежду сшили’.

Свадебные торжества в Вормсе после этого проходили четырнадцать дней (*an den vierzehenden tac*). Вторая свадьба Кримхильды в Вене длится семнадцать дней (*sibenzehen tage*). Рюдигеру на сборы потребовалось 24 дня (*vier und zweinzec tagen*), а Кримхильда осматривала свои сундуки с богатствами четыре с половиной дня (*wol fünftehalben tac*).

В заключение следует отметить, что в «Песни о Нибелунгах» нашли отражение представления о **времени** в рыцарской культуре: основные события происходят летом, а богатство героев характеризуется, в том числе, тем, сколько времени они могут потратить на празднества. В поэме сохраняется и пережиток более древнего отношения ко **времени** — это показывается через негативное отношение к темному времени суток, ночи. Через термины времени в поэме подается пространство. По нашему мнению, состав темпорального поля поэмы может дать хорошее представление о концепте ВРЕМЯ в классическом средневерхненемецком языке.

Литература

1. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
2. Филичева Н.И. История немецкого языка. М., 2003.
3. Das Nibelungenlied: nach der St. Galler Handschrift. Hg. H. Reichert. Berlin, 2005.
4. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. URL: http://woerterbuchnetz.de/Lexer/ (дата обращения 30.09.15).
5. Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank (MHDBDB). URL: http://mhdbdb.sbg.ac.at/index.html (дата обращения 30.09.15).
6. Müller J.-D. Minnesang und Literaturtheorie. Berlin, 2001.
7. Von Reuental N. Die Lieder Neidharts. Berlin, 1999.

Резюме

В статье рассматриваются лексические способы выражения концепта ВРЕМЯ в классическом средневерхненемецком языке. На материале «Песни о Нибелунгах» показываются представления о времени в рыцарской культуре. Постулируется, что темпоральное поле поэмы содержит элементы, формирующие концепт ВРЕМЯ в данный период.

Ключевые слова: *средневерхненемецкий язык, темпоральная лексика, концепт, время.*

Summary

The article considers lexical means of a representation of the concept *time* in the classical Middle High German. Based on *The Nibelungenlied* it describes the image of the time in the court culture. It is postulated that the temporal field of the poem contains the elements that influence shaping of the concept *time* in this period.

Keywords: *Middle High German, temporal words, concept, time.*

Е.М. Князева
ИЯз РАН, Москва

Степень витальности языка куллуи в д. Наггар (район Куллу, штат Химачал-Прадеш, Индия)[1]

Данная работа продолжает серию статей, посвященных языку куллуи, в сборниках ежегодной научной конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» [Князева 2013], [Крылова, Князева 2014].

Язык куллуи (*Kulluī)* имеет несколько вариантов названия: каули, кулуи, кулвали, пахари, пахари-куллу, пхари-кулу, кулу-пахари, кулви, кулу-боли (*Kaulī, Kuḷuī, Kulwālī, Pahāṛī, Pahāṛī Kullu, Phārī Kulu, Kulu Pahāṛī, Kulvi, Kulu Boli)*. В наших исследованиях используется вариант куллуи (*Kullui*) – производное от современного названия округа Куллу (Kullu district), где этот язык преимущественно распространен[2].

Куллуи принадлежит к западной группе языков пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи и распространен в штате Химачал-Прадеш на севере Индии (главным образом, в округе Куллу). На языке куллуи говорят около 170 700 человек (по данным переписи Индии за 2001 г.).

В литературе [Цоллер 2011: 197; Grierson 1916: 593] кроме собственно куллуи упоминаются два диалекта куллуи – внутренний сираджи и внешний сираджи. Оба, согласно имеющимся, но пока не проверенным данным, распространены на юге округа Куллу.

Куллуи не имеет ни статуса официального языка, ни литературной нормы, ни стандартизованной письменности. Носители языка, зная хинди, при необходимости могут написать текст на куллуи, используя для этого письменность деванагари,

---

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-34-11040 «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи», 2016–2018 гг. (рук. Е.М. Князева).

[2] В базе данных Ethnologue для обозначения языка используется название *Kullu*. В переписи населения Индии за 2001 год язык обозначен как *Kulvi* (см. http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/Statement1.aspx). Этот же вариант является и самоназванием языка наряду с Deshi bhasha ‘местный язык’.

но собственной письменной нормы у языка куллуи нет. Он является преимущественно языком устной коммуникации.

К настоящему моменту системного описания языка куллуи также нет, хотя определенные шаги в этом направлении сделаны в работах [Bailey 1908], [Grierson 1916], [Thakur 1975], [Ranganatha 1981], [Saaraswat 2014] и др.

С целью документирования языка куллуи в 2014 году состоялась лингвистическая экспедиция в д.Наггар (район Куллу, штат Химачал-Прадеш, Индия)[3]. Экспедиция ставила перед собой несколько задач. Одна из них – уточнение имеющихся социолингвистических данных по языку куллуи. В ходе экспедиции был проведен социолингвистический опрос носителей языка куллуи в д. Наггар, позволивший получить новые данные и сделать предварительные выводы по некоторым социолингвистическим аспектам. В частности, удалось оценить уровень витальности языка в д. Наггар.

Согласно имеющимся сведениям современной базы данных по языкам мира «Этнолог» [http://www.ethnologue.com], язык куллуи относится к живым языкам, не имеющим стандартизованной формы и активно использующимся носителями всех поколений. Согласно Распределительной межгенерационной шкале разрушения Фишмана, EGIDS (Expanded Intergenerational Disruption Scale), куллуи относится к уровню 6a (из 10), что означает, что ситуация с языком довольно устойчивая, и он не подвержен тенденциям вымирания или исчезновения.

Однако мы находим иные сведения о статусе витальности куллуи в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», издаваемом ЮНЕСКО. Согласно этому источнику, куллуи имеет статус “definitely endangered” (определенно находящийся под угрозой исчезновения) (http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php). К таким языкам

---

[3] Экспедиция была поддержана Фондом фундаментальных лингвистических исследований (ФФЛИ): проект 2014/2015 г. А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)». В состав экспедиции вошли: Юлия Мазурова (руководитель), Ирина Самарина, Елена Князева, Анастасия Крылова, Евгения Ренковская, Ксения Мельникова. Подробнее о целях, задачах и результатах экспедиции см. на нашем сайте: http://pahari-languages.ru

обычно относят языки, на которых уже не говорят представители младшего поколения носителей.

Как видим, имеющиеся сведения о витальности языка куллуи довольно противоречивы. Возможно, это связано с тем, что материал проведенных исследований был собран в разных регионах распространения языка. Конкретная локализация осуществляемых исследований в этих базах данных не отмечается, данные предъявляются по языку куллуи в целом.

Говорить о степени витальности куллуи во всем районе Куллу пока преждевременно в силу ограниченности имеющихся данных, однако некоторые предварительные выводы по ситуации в д. Нагггар района Куллу сделать можно.

Основываясь на данных социолингвистических анкет и методе «включенного наблюдения» (participant observation) – наблюдения за реальной жизнью информантов в естественной для них среде, удалось выявить следующее.

Во-первых, в Наггаре куллуи используется в повседневном общении представителями *всех* поколений. И хотя активность использования, а также степень владения языком куллуи у представителей младшего поколения несколько ниже, чем у носителей более старшего поколения, считать его «находящимся под угрозой исчезновения» нельзя. Некоторая тенденция снижения функционального статуса куллуи как языка повседневного общения наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что родители, хотя в детстве и говорят со своими детьми на куллуи, по достижении ими школьного возраста ориентируют их на изучение хинди и английского (а не куллуи), считая, что это откроет им достойную дорогу в будущее. Вероятно, по этой же причине общение детей друг с другом на куллуи в школах учителями также не поощряется (даже на переменах).

Во-вторых, среди представителей старшего поколения наблюдается некоторая тенденция к сокращению функциональных сфер использования языка. В отдельных областях бытового общения (например, на рынке, в социальных учреждениях, в интернет коммуникации и т.п.) носители предпочитают использовать хинди, а не куллуи. Это, конечно, не значит, что носители не хотят говорить на родном языке. Они просто хотят быть понятыми в том социальном контексте, в котором оказываются. А поскольку государственная языковая

политика связана с укреплением роли хинди в качестве государственного языка, и для носителей разных локальных диалектов он становится связующим языком-посредником, в социальных сферах общения носители куллуи предпочитают сразу переходить на хинди. Но как результат – функциональность употребления родного языка в социальной сфере несколько снижается.

Считается, что степень витальности языка связана, во-первых, с общим объемом употребления данного языка в регионе или сфере общения, а во-вторых, с мерой использования языка в литературе. Что касается куллуи, удельный вес его употребления в сфере общения довольно значителен, но вот литературная обработка вовсе отсутствует.

Среди экстралингвистических факторов, влияющих на витальность языка, обычно выделяют: а) количество говорящих на данном языке (родном или втором) и использование языка младшим поколением; б) уровень функциональной развитости языка; в) наличие письменной традиции; г) наличие стандартного варианта языка; д) внешние социальные факторы: наличие государственных программ поддержки языка и статус языка [Словарь 2006]. По количеству носителей, степени использования языка младшим поколением и уровню функциональной развитости язык куллуи можно отнести к достаточно устойчивому уровню витальности. Однако три других фактора говорят о том, что витальность куллуи все же имеет некоторые риски из-за отсутствия письменной традиции, стандартного варианта языка и каких-либо специальных государственных программ, направленных на развитие языка и поднятие его статуса.

Суммируя все факты и проанализированные факторы витальности языка куллуи можно сказать, что социолингвистическая ситуация в д. Наггар, где проживают носители языка куллуи, вполне обнадеживающая. Язык имеет достаточно высокий уровень витальности. На данном этапе он не подвержен серьезной угрозе исчезновения, хотя наблюдаются определенные тенденции сокращения сферы его употребления как языка повседневного общения, а также уменьшение активности его использования представителями младшего поколения. В этом смысле данные базы «Ethnologue» более точно отражают реальную ситуацию.

В завершение приведем некоторые дополнительные социолингвистические сведения о куллуи в д. Наггар, которые удалось выявить в результате анкетирования. Среди опрошенных информантов оказалось немало тех, кто знает (как минимум понимает и может изъясниться на бытовом уровне) несколько языков, относящихся к соседним ареалам. Так, помимо хинди и куллуи, многие куллуйцы владеют также пенджаби, мандеали, кангри, что свидетельствует о довольно активных языковых контактах между представителями соседних ареалов.

На вопрос «Какой язык, по Вашему мнению, важен для жизни?» носители чаще отвечали: «хинди, английский (не все), куллуи». Когда их просили расставить порядок значимости языков, чаще всего хинди оказывался на первом месте. В некоторых случаях на первое место был поставлен английский. Куллуи, как правило, отводилось только третье место. Это говорит о том, что носители делают акцент на владение более активно использующимся в социальной сфере языком. В данном случае – английским или хинди, государственными языками Индии.

На вопрос «Женится ли (выйдет ли замуж) Ваш ребенок на человеке (за человека), который говорит *только* на куллуи?» многие информанты предпочли не отвечать, большинство ответили «да», были и те, кто ответили «нет». Это означает, что некоторые носители куллуи не одобряют владение лишь своим родным языком, считая важным умение говорить также и на других языках (хинди и английском).

Более системное освещение витальности языка куллуи и в целом социолингвистической ситуации как в д. Наггаре, так и во всем ареале распространения языка куллуи еще только предстоит. Приведенные выше сведения, равно как и выводы, можно назвать предварительными. Для полноты описания необходимо собрать сведения у большего количества информантов о более детальной функциональной дистрибуции языка (учитывая возрастной и гендерный параметр), о языковой компетенции отдельных социальных групп (также с учетом возрастного и гендерного параметра), о языковых контактах, а также изучить проводимую языковую политику в отношении малых языков как на государственном, так и на локальном уровнях.

Литература

1. Князева Е.М. Язык куллуи: общие сведения и лакуны в лингвистическом описании // Проблемы языка:Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 149–160.

2. Крылова А.С., Князева Е.М. Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 125–138.

3. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. редактор В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М.: 2006.

4. Цоллер К.П. Языки пахари // Языки мира: Новые индоарийские языки РАН. Институт языкознания. Ред. Колл. Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. М.: Academia, 2011.

5. Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. Royal Asiatic Society. London, 1908.

6. Grierson G.A. Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Culcutta, 1916.

7. Thakur M. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)

8. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Sensus of India. 1971. Language monograph №7. Delhi, 1981.

9. Saaraswat D. Encyclopedia of Kuluout (Kullu). New Delhi, 2014.

Электронные ресурсы

1. www.peopleslinguisticsurvey.org

2. http://pahari-languages.ru

Резюме

В статье анализируется степень витальности языка куллуи в д. Наггар (район Куллу, штат Химача-Прадеш, Индия). Делается вывод о том, что язык имеет достаточно высокий уровень витальности. На данном этапе он не подвержен серьезной угрозе исчезновения, хотя наблюдаются определенные тенденции сокращения сферы его употребления как языка повседневного общения, а также уменьшения активности его использования представителями младшего поколения.

Ключевые слова: *язык куллуи, витальность, языки пахари, социолингвистическая ситуация.*

Summary

In this article the vitality of a Kullui language in Haggar Village (Kullu region, Himachal Pradesh, India) is analyzed. The author comes to the conclusion that the language has rather a high degree of vitality. At this stage of development the language is not subject to any serious threat of extinction, although there is a certain trend of reducing the scope of its use as a language of everyday communication as well as a tendency towards a decrease in its active use by a younger generation.

Keywords: *Kullui language, language vitality, Pahari languages, sociolinguistic situation.*

А.С. Кобзева
НИУ ВШЭ, Москва

Разработка языкового теста на понимание и порождение предложений: данные нормы и данные пациентов с афазией

1. Введение

1.1. Что такое афазия?

Афазия – это системное приобретенное расстройство сформировавшейся речи, возникающее при органических повреждениях коры больших полушарий головного мозга. Чаще всего афазии вызваны инсультом, но также они могут возникать из-за травм головы, хирургического вмешательства, роста опухоли или инфекции. Результатом такого повреждения является полная или частичная потеря функции уже сформировавшейся речи. При этом афазия может затрагивать любые аспекты речевой деятельности: устную речь, аудирование, чтение и письмо. В большинстве случаев происходит нарушение (хотя и неравномерное) во всех четырех языковых модальностях [Chapey & Hallowell, 2001].

1.2. Классификации афазий

Афатические симптомы, так же как и клинические картины афазии, весьма разнообразны и неоднородны, в связи с чем принято выделять несколько типов афазий, которые составляют классификационную систему. В современной афазиологии существует несколько таких систем. В России наиболее известна классификация А.Р. Лурии, выдающегося советского ученого, который по праву считается основателем отечественной нейропсихологии.

А.Р. Лурия выделял следующие шесть типов афазий: моторная афазия эфферентного и афферентного типов, динамическая афазия, сенсорная афазия, акустико-мнестическая и семантическая афазия [Лурия, 1962]. Данные формы принято разделять на два надкласса: беглые и небеглые афазии. К небеглым афазиям относятся динамическая афазия и моторная афазия двух типов, а сенсорную, акустико-мнестическую и семантическую афазии относят к беглым формам. Основное различие между этими двумя классами состоит в том, к

нарушению преимущественно какой речи – экспрессивной (небеглые) или импрессивной (беглые) – они приводят.

В зарубежной литературе классификации афазий в первую очередь включают описание лингвистических характеристик нарушенной речи. Среди таких классификаций афазий наиболее распространена так называемая Бостоновская классификация, известная также как классификация Вернике-Лихтгейма. В рамках данной классификации афазии также разделяются на беглые и небеглые. К первым относятся корковая сенсорная афазия (афазия Вернике), проводниковая афазия, транскортикальная сенсорная афазия, аномичная афазия (англ. anomic aphasia). К небеглым же афазиям относят корковую моторную афазию (афазию Брока), транскортикальную моторную афазию и глобальную афазию [Ardila, 2010]. Данные формы афазии частично пересекаются с типами, выделяемыми в отечественной классификации: афазия Вернике соответствует сенсорной афазии, а афазия Брока – эфферентной моторной афазии, однако полное сопоставление этих двух классификаций невозможно вследствие различия классификационных принципов.

2. Диагностика афазий

На сегодняшний день наиболее распространенным способом диагностики речевых нарушений при афазии являются стандартизированные тесты. По сравнению с другими видами оценки речи при афазии они имеют ряд преимуществ. Во-первых, они позволяют количественно оценить степень нарушения речи пациента, а также сопоставить данные разных испытуемых между собой (в том числе и с нормой). Во-вторых, при таком методе диагностики становится возможным отследить изменения речи испытуемого, происходящие со временем, и, соответственно, оценить эффективность используемых методик. Кроме того, результат таких тестов может быть воспроизведен и другими исследователями. Наконец, стандартизированные тесты исключают влияние личности экзаменатора на результат теста.

На данный момент разработано достаточное количество тестов и батарей тестов, в том числе оценивающих синтаксические нарушения при афазии. К ним относятся Boston Diagnostic Aphasia Examination [BDAE, Goodglass, Kaplan, 2001], Western Aphasia Battery [WAB, Kertesz, 1982], Psycholinguistic Assessments of Language Processing in Aphasia [PALPA, Kay et al.,

1992] и многие другие. Также для оценки специфических нарушений синтаксической обработки разработаны специальные тесты, такие как Northwestern Assessment of Verbs and Sentences [NAVS, Cho-Reyes & Thompson, 2012], Verb and Sentence Test [VAST, Bastiaanse, Maas, & Rispens, 2000]. Данные тесты широко используются в зарубежной клинической практике.

В российской клинической практике используется методика Количественной Оценки Речи [КОР, Цветкова и др., 1981]. Данная методика содержит в себе задания на понимание предложений и построение фраз с опорой на картинку, которые, несомненно, задействуют синтаксический компонент. Однако эта методика состоит из недостаточного количества проб для каждого типа предложения и не учитывает все наиболее релевантные для русского языка конструкции. Помимо этого, формат задания на построение предложений с опорой на картинку не позволяет в стандартизированных условиях протестировать необходимые конструкции потому, что такое задание не имеет единственно правильного ответа; одну и ту же картинку можно описать несколькими способами в зависимости от того, какие конструкции будут использоваться в описании. Кроме того, оценивание заданий такого типа в некоторой степени субъективно и несмотря на наличие исходных критериев оценки, ответ одного и того же испытуемого может быть оценен разными экзаменаторами по-разному. Наконец, КОР была разработана более 30 лет назад, что является причиной для пересмотра использования некоторых слов и конструкций в связи с изменением языка с течением времени. Таким образом, целью текущего исследования является создание стандартизированного субтеста на понимание и порождение предложений на русском языке, который бы учитывал все вышеперечисленные аспекты.

3. Методы и материалы

3.1. Оценка понимания сложных логико-грамматических конструкций

Для оценки понимания сложных логико-грамматических конструкций было выбрано распространенное стандартное задание на соотнесение предложений с рисунком. Испытуемому необходимо выбрать один из двух рисунков, который соответствует услышанному предложению.

В тесте оцениваются все наиболее употребительные для русского языка обратимые и необратимые конструкции,

учитывающие порядок слов в предложении, а также аргументную структуру предиката (подробная информация о типах используемых конструкций и количестве предложений представлена в Таблице 1).

Для необратимых конструкций пары подобраны таким образом, что предложения отличаются друг от друга только глаголом, при этом аргументная структура и сами аргументы остаются прежними (например, *Девочка бежит* и *Девочка поет*). Глаголы в парах сбалансированы по частотности, чтобы исключить возможность выбора того или иного предложения из-за фигурирующего в нем часто встречающегося глагола. Пары предложений для обратимых конструкций получены в результате того, что аргументы глагола «меняются» семантическими ролями (например, *Мужчина целует девушку* и *Девушка целует мужчину*).

Таблица 1. Типы конструкций, используемых в синтаксическом субтесте

Тип конструкции	Тип глагола	Кол-во предл.	Пример
Активная конструкция с порядком слов SVO (подлежащее-глагол-дополнение)	Непереходный	4	Девочка бежит
	Переходный, необратимая конструкция	4	Мужчина гладит рубашку
	Переходный, обратимая конструкция	8	Сестра бьет брата
Активная конструкция с порядком слов OVS (дополнение-глагол-подлежащее)	Переходный, необратимая конструкция	4	Палку ловит пес
	Переходный, обратимая конструкция	8	Девушку обнимает мужчина
Конструкция с относительным подлежащим	Непереходный	4	Девушка, которая поет
	Переходный, необратимая конструкция	4	Дедушка, который покупает колбасу
	Переходный, обратимая конструкция	8	Клоун, который тянет танцора
Конструкция с относительным дополнением	Переходный, необратимая конструкция	4	Морковка, которую режет мальчик
	Переходный, обратимая конструкция	8	Мальчик, которого целует девочка
Предложные конструкции	Необратимые	4	Женщина вешает картинку над стулом
	Обратимые	8	Женщина вешает над полкой фотографию

Специально для данного субтеста были сделаны визуальные стимулы, которые предъявлялись на листах формата А4. На каждом листе с заданием были расположены 2 картинки, описывающие целевое предложение и дистрактор. Расположение целевого рисунка на экране и сам порядок предложений были квазирандомизированы. Образцы листов с заданием на понимание предложений представлены на Рисунках 1 и 2.

Рисунок 1. Слева – целевое изображение к предложению *Девочка, которая плачет*, справа – дистрактор-изображение (*Девочка, которая бежит*)

Рисунок 2. Справа – целевое изображение к предложению *Мужчина целует девушку*, слева – дистрактор-изображение (*Девушка целует мужчину*)

3.2. Оценка порождения сложных логико-грамматических конструкций

Для оценки порождения логико-грамматических конструкций было выбрано задание на синтаксический прайминг [Thompson et al. 1997]. В задании экзаменатор сначала составляет

предложение-образец по рисунку (например, *Бабуля, которая причесывает внучку*), а затем предлагает испытуемому составить аналогичное предложение по другому рисунку (например, Жених, *который несет невесту*). Пары предложений в задании подобраны таким образом, что ни глагол, ни аргументы в предложениях не совпадают, чтобы исключить возможность простого повтора пациентом слов за экзаменатором. Субтест на порождение предложений охватывал меньшее количество конструкций, чем субтест на понимание (так, он не включал относительные и предложные конструкции), так как на текущем этапе исследования было решено лишь апробировать новый формат задания, а в дальнейшем увеличить выборку, если он окажется достаточно эффективным.

3.3. Описание испытуемых

Было опрошено 10 человек без нарушений высших психических функций и 10 пациентов с афазией. Средний возраст испытуемых группы нормы составил 52,4 (от 40 до 77 лет); среди них было 5 женщин и 5 мужчин. Все они являлись правшами и для всех русский язык – родной. Испытуемыми было подписано согласие на использование данных, полученных в ходе опроса, при условии неразглашения их имени.

Среди 10 опрошенных пациентов с афазией было 4 женщины и 6 мужчин, средний возраст 52,5 (от 23 до 69). У троих из них наблюдался беглый тип афазии, у остальных – небеглый. Один из испытуемых являлся переученным левшой, остальные – правшами. Для всех пациентов, так же как и для испытуемых группы нормы, русский язык являлся родным. Все испытуемые с афазией прошли тест на понимание предложений, и только 6 из опрошенных пациентов также прошли часть субтеста на порождение предложений. Испытуемые группы нормы были протестированы с помощью обоих субтестов.

4. Результаты

С использованием пакета SPSS statistics 17.0. был проведен статистический анализ полученных ответов.

4.1. Субтест на понимание предложений

Сравнение групп нормы и пациентов с афазией с помощью непараметрического теста Манна-Уитни показало, что испытуемые без нарушений высших психических функций значимо лучше справились с заданием ($Z = -3{,}786$; $p < 0{,}01$). Результаты испытуемых согласно разным видам синтаксических

конструкций в субтесте на понимание предложений представлены в Таблице 2 (значимые различия выделены в таблице полужирным шрифтом).

Таблица 2. Сравнение результатов субтеста на понимание предложений группами нормы и пациентов с афазией для разных синтаксических конструкций

Тип синтаксической конструкции	Среднее значение (стандартное отклонение)		Значение Z-статистики (тест Манна-Уитни)	Асимптот. значимость (2-сторонняя)
	Группа нормы	Пациенты с афазией		
SV, непереходный гл.	1 (0)	0,95 (0,10541)	-1,453	0,146
SVO, переходный гл., необратимая	1 (0)	0,975 (0,07906)	-1,000	0,317
SVO, переходный гл., обратимая	**0,9875 (0,03953)**	**0,775 (0,19365)**	**-3,120**	**0,002**
OVS, переходный гл., необратимая	**1 (0)**	**0,9 (0,1291)**	**-2,179**	**0,029**
OVS, переходный гл., обратимая	**0,95 (0,06455)**	**0,7 (0,21409)**	**-2,680**	**0,007**
Отн. подлежащее, непереходный гл.	1 (0)	1 (0)	0	1
Отн. подлежащее, переходный гл., необратимая	1 (0)	0,95 (0,10541)	-1,453	0,146
Отн. подлежащее, переходный гл., обратимая	1 (0)	0,95 (0,10541)	-1,453	0,146
Отн. дополнение, необратимая	1 (0)	0,95 (0,10541)	-1,453	0,146
Отн. дополнение, обратимая	**0,975 (0,0527)**	**0,8 (0,20582)**	**-2,732**	**0,006**
Предложная, необратимая	**1 (0)**	**0,9 (0,1291)**	**-2,179**	**0,029**
Предложная, обратимая	**1 (0)**	**0,6375 (0,31430)**	**-3,414**	**0,001**

Таким образом, испытуемые без нарушений высших психических функций значимо лучше справлялись с заданиями, в которых используются следующие типы синтаксических конструкций:

a) активные обратимые конструкции с порядком слов SVO, глагол переходный (например, *Мужчина целует девушку*);

b) необратимые и обратимые конструкции с порядком слов OVS (*Палку ловит пес* и *Девушку обнимает мужчина* соответственно);

c) обратимые конструкции с относительным дополнением (например, *Дедушка, которого щекочет внук*);

d) необратимые и обратимые предложные конструкции (*Мальчик кладет в сумку колбасу* и *Мальчик кладет в сумку коробку* соответственно).

При сравнении результатов пациентов с беглыми и небеглыми формами афазии значимых различий обнаружено не было.

4.2. Субтест на порождение предложений

С помощью субтеста на порождение предложений было опрошено 6 пациентов с афазией и 10 испытуемых группы нормы. Согласно результатам непараметрического теста Манна-Уитни, так же, как и в случае с пониманием предложений, испытуемые группы нормы в целом значимо лучше справились с заданием (Z = -3,476; p = 0,01). Результаты испытуемых согласно разным видам синтаксических конструкций в субтесте на порождение предложений представлены в Таблице 3 (значимые различия выделены в таблице полужирным шрифтом).

Таблица 3. Сравнение результатов субтеста на порождение предложений группами нормы и пациентов с афазией для разных синтаксических конструкций.

Тип синтаксической конструкции	Среднее значение (стандартное отклонение)		Значение Z-статистики (тест Манна-Уитни)	Асимптот. значимость (2-сторонняя)
	Группа нормы	Пациенты с афазией		
SV, непереходный гл.	1 (0)	0,9583 (0,10206)	-1,291	0,197
SVO, переходный гл., необратимая	**1 (0)**	**0,8750 (0,13693)**	**-2,402**	**0,016**
SVO, переходный гл., обратимая	1 (0)	0,9792 (0,05103)	-1,291	0,197
OVS, переходный гл., необратимая	**0,975 (0,07906)**	**0,3333 (0,20412)**	**-3,602**	**<0,01**
OVS, переходный гл., обратимая	**0,975 (0,0527)**	**0,2917 (0,18819)**	**-3,484**	**<0,01**

Таким образом, при порождении предложений значимые различия между группами нормы и пациентов с афазией возникают при сравнении тех же конструкций, что и в субтесте на порождение предложений, за исключением конструкции с

порядком слов SVO (при порождении необратимых конструкций этого типа различия более значимы).

Наибольшую трудность для пациентов с афазией представляли конструкции с неканоническим для русского языка порядком слов OVS. Здесь стоит отметить, что в 51,4% случаев целевая конструкция заменялась соответствующей ей конструкцией с каноническим порядком слов SVO (таким образом, пациент правильно описывал рисунок, но ответ считался неверным).

4.3. Сравнение результатов субтестов и баллов КОР

С помощью статистического теста ранговой корреляции Спирмена была установлена корреляция на уровне статистической тенденции между баллами КОР, полученными пациентами в ходе выполнения задания на понимание фраз, и баллами за субтест на понимание предложений (коэффициент корреляции $\rho = 0{,}595$, значимость двусторонняя $p = 0{,}07$).

5. Обсуждение

Статистический анализ показал, что пациенты с афазией значительно хуже справляются с предъявленными заданиями, что позволяет сделать вывод о том, что подобранный стимульный материал действительно помогает выявить нарушения в понимании предложений.

Стоит отметить, что особую сложность для пациентов представляют обратимые конструкции, предложные конструкции, а также конструкции с неканоническим порядком слов. В первом случае пациенты могут совершать ошибки за счет отсутствия дополнительной опоры на семантику (так, при изменении семантических ролей полученное предложение по-прежнему воспринимается как нормальное). Таким образом, обратимые конструкции в большей степени задействуют синтаксический компонент анализа предложения, который может быть нарушен у пациентов с разными формами афазии. Кроме того, предикат таких конструкций представляет собой двухаргументный переходный глагол, что также является показателем сложности данной синтаксической конструкции по сравнению с другими (например, с конструкциями с использованием непереходных глаголов). Так, полученные результаты также подтверждают гипотезу о том, что чем сложнее аргументная структура используемого в предложении предиката, тем сложнее данное предложение для понимания.

Состоятельность данной гипотезы подтверждают и результаты других исследований [Thompson et al.,1997; Dragoy & Bastiaanse, 2009].

В случае предложений с неканоническим порядком слов OVS испытуемые с афазией могли допускать ошибки по ряду причин. Во-первых, такие конструкции являются маркированными для русского языка. Во-вторых, при обработке данных предложений требуется дополнительное переосмысление семантических ролей аргументов в предложении в связи с нелинейностью расшифровки информации. Наконец, обработка предложений с непрототипическим порядком слов сопряжена с дополнительной нагрузкой на рабочую память, о чем свидетельствуют некоторые нейровизуализационные исследования, например, [Fiebach et al., 2001; Friederici et al., 1998].

Сложность обработки предложных конструкций состоит в том, что помимо синтаксического и семантического компонентов, они также задействуют пространственный компонент. Обратимые предложные конструкции также могут вызывать трудности в связи с отсутствием опоры на семантику предложения.

Случаи, в которых испытуемые с афазией не могли вспомнить какую-либо лексическую единицу, свидетельствуют о номинативных трудностях пациентов с афазией, что также подтверждает чувствительность разрабатываемого субтеста к специфическим трудностям, возникающим вследствие языковых нарушений.

В ходе тестирования пациентов без нарушений высших психических функций были выявлены пробы, в которых здоровыми испытуемыми были допущены ошибки. Это свидетельствует о том, что подобранный визуальный стимульный материал плохо соответствует целевому предложению и может интерпретироваться по-разному. Такие предложения в дальнейшем будут исключены из субтеста.

В результате проделанной работы был создан субтест на понимание предложений, чувствительный к синтаксическому дефициту при афазии, а также апробирован новый формат задания на порождение, эффективность которого была доказана в ходе опроса испытуемых без нарушений высших психических функций. В дальнейшем планируется доработка и нормирование

данных субтестов на расширенных группах испытуемых. Полученные субтесты позволят диагностировать, какие именно трудности возникают при обработке сложных логико-грамматических конструкций у пациентов с разными формами афазии.

Литература

1. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека. М., 1962.

2. Цветкова, Л.С., Ахутина, Т.В., Пылаева, Н.М. Количественная оценка речи у больных афазией. М., 1981.

3. Ardila, A. Classification of aphasia: Are there benefits for practice? // Aphasiology, 24:3, 2010.

4. Bastiaanse, R., Edwards, S., Maas, E., Rispens, J. Assessing comprehension and production of verbs and sentences: The Verb and Sentence Test (VAST). // Aphasiology, 17:1, 2003.

5. Chapey, R., Hallowell, B. Introduction to Language Intervention Strategies in Adult Aphasia. // Language Intervention Strategies in Aphasia and Related Neurogenic Communication Disorders, 2001.

6. Cho-Reyes, S., & Thompson, C.K. Verb and sentence production and comprehension in aphasia: Northwestern Assessment of Verbs and Sentences (NAVS). // Aphasiology, 26:10, 2012.

7. Dragoy, O., Bastiaanse, R. Verb production and word order in Russian agrammatic speakers. // Aphasiology, 24: 1, 2009.

8. Fiebach, C.J., Schlesewsky, M., and Friederici, A.D. Syntactic working memory and the establishment of filler-gap dependencies: Insights from ERPs and fMRI. // Journal of Psycholinguistic Research 30(3), 2001.

9. Friederici, A.D., Steinhauer, K., Mecklinger, A. and Meyer, M. Working memory constraints on syntactic ambiguity resolution as revealed by electrical brain responses. // Biological Psychology 47(3), 1998.

10. Goodglass, H., Kaplan, E., & Barresi, B. Boston diagnostic aphasia examination (3rd ed.). Philadelphia, PA: Lippincott Williams & Wilkins, 2001.

11. Kay, J., Lesser, R., & Coltheart, M. Psycholinguistic Assessments of Language Processing in Aphasia (PALPA). Hove, UK: Lawrence Erlbaum Associates Ltd, 1992.

12. Kertesz, A. The Western Aphasia Battery (WAB). New York: Grune & Stratton, 1982.

13. Thompson, C.K., Lange, K.L., Schneider, S.L., & Shapiro, L.P. Agrammatic and non-brain damaged subjects' verb and verb argument structure production. // Aphasiology, 11, 1997.

Резюме

Данная работа посвящена созданию теста на понимание и порождение предложений, входящего в состав Русского Афазиологического Теста – разрабатываемой батареи стандартизированных тестов, призванной оценить речевые расстройства при афазии. В результате проделанной работы был создан субтест на понимание предложений, с помощью которого были опрошены пациенты с афазией и здоровые испытуемые, а также апробирован новый формат задания на порождение, эффективность которого была доказана в ходе опроса испытуемых без нарушений высших психических функций.

Ключевые слова: *афазия, понимание речи, порождение речи.*

Summary

There is a lack of standardized language assessment tools across many of the world's languages and Russian is not an exception. This poses serious challenges to clinical practice and research in aphasia. There is a need to develop proper language tests for Russian speaking patients with neurogenic language disorders, taking into account psychometric considerations and important psycholinguistics variables. In response to these needs a new standardized assessment tool is being developed – the Russian Aphasia Test. As part of this test, a novel subtest targeting comprehension and production of various grammatical constructions was created. The implications of this research include an assessment tool targeting comprehension of different sentences which is sensitive to syntactic deficits in aphasia. A new format of sentence production task has been approved during an experiment with non-brain damaged subjects.

Keywords: *aphasia, language comprehension, language production.*

А.Д. Кожемякина
МГУ, Москва

Конструкции с «*то что*» в устной спонтанной речи

1. Введение

Устная спонтанная речь во многих аспектах отличается от литературной нормы. Это касается в том числе и синтаксической организации сложных предложений. Настоящее исследование посвящено полипредикативным конструкциям, использующимся в устной речи носителей русского языка, в которых средством связи между клаузами служит последовательность *то что*. В сравнении с письменной литературной нормой рассматриваемые конструкции имеют ряд просодических, синтаксических и семантических особенностей, которые не позволяют анализировать *то что* как сочетание местоимения-коррелята *то* и союза *что*.

Под устной речью мы понимаем, во-первых, разговорную речь, то есть речь носителей литературного языка в условиях непринужденного неподготовленного непосредственного общения [Земская 2013: 11], а во-вторых, спонтанную устную публичную речь. Стоит отметить, что, несмотря на то что публичная речь имеет ряд особенностей, отличающих ее от разговорной и сближающих с письменными текстами, она испытывает влияние языка бытового общения.

Основным источником материала для исследования послужили корпуса устной речи. Во-первых, мы проанализировали тексты проекта «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи», содержащего четыре корпуса с просодической разметкой: «Рассказы о сновидениях», «Рассказы сибиряков о жизни», «Веселые истории из жизни» и «Истории о подарках и катании на лыжах». Из этих корпусов только в первом нашлись интересующие нас конструкции, причем на 127 клауз с союзом *что* в корпусе встретилось лишь 8 релевантных примеров. Во-вторых, мы обращались к устному подкорпусу Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ)[1]. В качестве источника материала использовались также различные

[1] Отметим, что большинство текстов из НКРЯ относится к сфере устной публичной, а не разговорно-бытовой речи.

Интернет-ресурсы, где исследуемые конструкции встречаются достаточно часто, поскольку многие носители переносят привычные разговорные стратегии на язык сетевого общения.

2. Употребление *то* перед придаточным с союзом *что*: литературная норма

В современном русском литературном языке союз *что* является самым употребительным и самым нейтральным подчинительным союзом в конструкциях с сентенциальными актантами [Шведова 1980: § 2776]. Некоторые глаголы, присоединяющие сентенциальный актант с помощью союза *что*, могут иметь в главной части местоимение *то* с предлогом или без, отсылающее ко всей зависимой клаузе. Падеж коррелята определяется моделью управления самого предиката. Так, в модели управления глагола *радоваться* стимул выражается дательным падежом (1). Если придаточное предложение при этом глаголе оформляется с помощью коррелята и союза *что*, коррелят также стоит в дательном падеже (2).

(1) *Мне хотелось, чтобы все* ***радовались моей удаче****, чтобы все были соучастниками её и ни у кого не было преимущества*. [НКРЯ]

(2) *Он действительно* ***радовался тому, что*** *они решили ехать в окружную и не тащат его показывать окольные пути в Осетию*. [НКРЯ]

В литературе, посвященной вопросу о том, когда употребляется и какую семантическую нагрузку имеет местоимение-коррелят *то* при союзе *что*, можно выделить несколько основных подходов. В [Ильенко 2009] представлен синтаксический подход. Автор выделяет две функции коррелята: *то* может указывать только на синтаксическую функцию придаточной части (в таких случаях коррелят может опускаться без искажения смысла) или может быть составляющим элементом конструкции, участвующим в ее построении (в таких случаях коррелят опустить невозможно) [Ильенко 2009: 291–292].

Одна из последних работ по данной тематике – статья [Кобозева 2013], в которой говорится о семантико-коммуникативной функции местоимения-коррелята. Выдвигается

гипотеза о том, что использование *то* перед актантным придаточным с союзом *что* связано с маркировкой коммуникативного статуса информации, передаваемой в придаточном предложении. Эта информация является либо данной, либо выделенной из множества альтернатив, заданных из предтекста [Кобозева 2013: 149].

Наконец, в работах [Шведова 1980] и [Валгина 2003] представлен смешанный подход к пониманию функции коррелята. В [Валгина 2003] утверждается, что конструкции с соотносительными словами либо конструктивно необходимы, поскольку участвуют в организации строя предложения, либо не обязательны, и тогда используются только в качестве выделительных слов. В [Шведова 1980: §§ 2795–2796] также выделяются две функции указательного местоимения *то*: собственно синтаксическая, акцентирующая позицию придаточного предложения в составе главного и экспрессивно-выделительную, акцентирующую не позицию придаточного, а его содержание. При этом отмечается, что указательные местоимения за некоторыми исключениями не являются обязательными.

В работах, посвященных полипредикативным конструкциям с местоимениями-коррелятами, отмечается, что при некоторых предикатах местоимение *то* является обязательным элементом при построении предложения, а при некоторых оно факультативно [Шведова 1980, Валгина 2003, Ильенко 2009, Кобозева 2013 и др.]. В [Кобозева 2013] предикаты классифицируются по тому, как они сочетаются со словом *то* в конструкциях с сентенциальными актантами. Выделяются три типа предикатов:

1. Предикаты, не допускающие коррелята перед сентенциальным актантом (класс *что / *то, что*). К этому классу относятся предикаты *считать, полагать, думать* (в знач. мнения), *казаться, решить, понимать, сниться* и др.

(3) *Банки, обслуживающие массовых клиентов,* ***считали (*то), что*** *из них 20% приносят 80% доходов.* [НКРЯ]

(4) *Ему* ***снилось (*то), что*** *он спит, и во сне этого вторичного сна стояло на дворе лето, шумная детская компания собиралась на пруд.* [НКРЯ]

2. Предикаты, требующие коррелята *то* перед сентенциальным актантом (класс **что/то, что*). К таким предикатам относятся *начать, начаться, кончить, кончиться, вызывать, относить* и др.

(5) *А все* ***началось с того, что*** *умные люди постарались усовершенствовать уже имевшиеся образцы*. [НКРЯ] ср. *…***началось, что**…

(6) *Это* ***вызвано тем, что*** *в 2000 году в ряде публикаций было экспериментально показано, что скорость света в вакууме может быть превзойдена*. [НКРЯ] ср. *… ***вызвано, что***…

3. Предикаты с факультативным *то* перед сентенциальным актантом (класс *что/то, что*). Этот класс включает в себя предикаты *учитывать, радоваться, убедить, уверен, подозревать, благодарить* и др.

(7) а. *Эта и другие находки* ***убедили, что*** *направление геомагнитного поля было когда-то иным: его северный полюс был южным и наоборот*. [НКРЯ]

б. *Вы меня* ***убедили в том, что*** *я должен немедленно купить себе костюм и пальто, а также пополнить и ваш гардероб*. [НКРЯ]

(8) а. *Система работала исправно, люди даже* ***благодарили, что*** *им наконец раскрыли глаза*. [НКРЯ]

б. *От всей души желаю Вам успеха в Ваших поэтических трудах и сердечно* ***благодарю за то, что*** *познакомили меня с Вашими переводами*. [НКРЯ]

В статье [2013] И. М. Кобозева представляет возможное объяснение соответствующей синтаксической характеристики предикатов. Мы же не ставим задачи выдвигать гипотезу о функциональном базисе наблюдаемых в литературном языке особенностей и будем пользоваться классификацией лишь для удобства сравнения стандартной и разговорной конструкций.

3. Конструкции с *то что* в устной спонтанной речи

3.1. Общие сведения

Как уже упоминалось выше, отличие устной речи от письменной заключается не только в наборе единиц разных

уровней языковой системы, но и во взаимодействии между этими единицами, специфике их функционирования. Это касается в том числе синтаксической организации полипредикативных высказываний (о системе полипредикативных высказываний в разговорной речи см., например, [Лаптева 1976, Земская и др. 1981]).

В спонтанной речи некоторых носителей наблюдается экспансия конструкции *то, что*, где компонент *то* употребляется в форме, соответствующей указательному местоимению *то* в именительном/винительном падеже. Однако такую конструкцию по ряду причин нельзя трактовать как сочетание местоимения-коррелята и союза. Этому явлению посвящена статья [Коротаев 2013]; см. также [Кибрик, Подлесская 2009: 244].

Рассмотрим следующие примеры употребления *то что* в спонтанной речи:

(9) ***Думаешь то / что*** *они этим месяцем / что ли / не пройду т / да?* [НКРЯ]

(10) *Я* ***понял / то / что*** *все / что со мной произошло / это надо рассматривать как опыт для дальнейшей жизни.* [НКРЯ]

Как отмечалось выше, глаголы *думать* и *понять* относятся к классу *что/*то что*, то есть в соответствии с литературной нормой не могут вводить сентенциальный актант с помощью местоимения-коррелята, по крайней мере в предложениях с нейтральной интонацией, ср. (11–12):

(11) *Наверно / должно всё пройти. –* ***Думаешь (*то) / что*** *пройдёт?* [НКРЯ]

(12) *И* ***понял (*то) / что*** *в Новгороде я надолго остаюсь / в принципе / как щас выясняется / остановился я там на всю жизнь.* [НКРЯ]

Таким образом, примеры (9–10) не являются грамматичными с точки зрения кодифицированного литературного языка. Однако в устной спонтанной речи такого рода конструкции регулярно возникают при предикатах всех трех классов.

Разговорная конструкция *то что* имеет ряд отличительных особенностей по отношению к литературной норме. Рассмотрим подробнее эти особенности.

3.2. Просодические свойства конструкции

В этом разделе анализируются данные корпуса «Рассказы о сновидениях», оснащенного просодической разметкой (подробнее о принципах транскрипции см. [Кибрик, Подлесская 2009]), а также тексты НКРЯ, для которых имеются аудиозаписи[2]. Стоит отметить, что используемая в устном подкорпусе НКРЯ разметка необязательно соответствует фонетической реальности: слэши во многих случаях расставлены лишь для «удобства чтения» (см. [Гришина 2005]).

Анализируемые данные свидетельствуют об интонационной слитности *то* и *что*. Рассмотрим следующий пример:

(13) «Рассказы о сновидениях», 099n
50.1 30. я ‑ а не \могу \стоять:
51.2 31. ···(0.6) \чувствую,
52.2 32. то что у меня в /лёгких чего-то··(0.2)\болеть начинает.

В (13) *то что* произносится как единое фонетическое слово – между *то* и *что* нет паузы. Написание *то что* с новой строчки свидетельствует о паузе между матричным предикатом и комплементайзером. В статье [Коротаев 2013], основанной на материале корпуса «Рассказы о сновидениях», также отмечаются данные просодические особенности конструкции. В рассмотренных нами текстах устного подкорпуса НКРЯ есть примеры слитного произнесения *то* и *что*.

Рассмотрим пример использования *то* в качестве коррелята в соответствии с литературной нормой:

(14) «Рассказы сибиряков о жизни», Sib_10-m
46.94 15. Причём там было-о очень хорошо /*то*,
48.70 16. *что* ···(0.63) эээ(0.60) /один подъезд ээ(0.17) выходил на-а /две стороны дома,
53.38 17. ···(0.78) а-а /другой подъезд был только-о \внутренний.

В (14) ситуация обратная тому, что мы наблюдали в (13): *то* интонационно примыкает к главной клаузе и отделено от союза,

[2] Автор благодарен Н.В. Сердобольской за аудиоматериалы, которые она предоставила из своего архива.

что отражено в делении на строки. Такие просодические характеристики можно объяснить тем, что коррелятивное местоимение *то* часто выполняет акцентуирующую, выделительную функцию. В «Русской грамматике-80» утверждается, что коррелят в именительном или винительном падеже употребляется только в качестве экспрессивного средства [Шведова 1980: § 2796]. В примере (14) *то* используется как раз в акцентирующей функции, ср. употребление без коррелята (15).

(15) *Особенно* ***было хорошо, что*** *знания его не лежали в нем мертвым грузом, а все время крутились, кипели, сцеплялись друг с другом…* [НКРЯ]

Напротив, в (13), где, несмотря на допустимость с точки зрения грамматики коррелятивного слова (ср. (14)), употребление *то* в качестве экспрессивного средства является семантически неуместным.

Н. А. Коротаев предполагает, что интонационное различие отражает и различие в синтаксической структуре: слитное произнесение свидетельствует о неразложимости сочетания *то что*, а наличие интонационной границы скорее сопутствует синтаксической разъединенности.

3.3. Синтаксические свойства конструкции

Другой особенностью разговорной конструкции с *то что* является использование ее в контекстах, где в литературной норме *то* семантически неуместно или грамматически недопустимо. Рассмотрим основные контексты употребления такой конструкции в спонтанной речи.

1) Сентенциальный актант

а. При глаголах и предикативах

(16) *Я* ***поняла, то что*** *в жизни я никому не нужна!* [http://otvet.mail.ru/question/171855510]

(17) *Или он просто* ***понял то, то что*** *мостик выдержит только одного...)* [http://pinme.ru/pin/5175e34cbe0470db610000a7/]

(18) *чем* ***плохо то, то что*** *он заработает и ищет параллельные пути дохода?* [http://smart-lab.ru/mobile/topic/244878/comments/]

б. При существительных

(19) *Я понял Вашу* ***мысль / то / что*** *они должны принимать законы / а одномандатные не способствуют этому.* [НКРЯ]

(20) *Не могу решить данную проблему 3 день и то меня уже постигает* ***та мысль, то что*** *её после тонны перерытой инфы в гугле не решить…*

[http://www.cyberforum.ru/windows7/thread1392760.html]

(21) *Тогда мне пришла* ***мысль о том, то что*** *если бы все индийские программы на хинди имели субтитры на хинди, то Индия быстрейшее бы стала страной виртуозных людей.* [http://www.lfschool.ru/articles.php]

2) Обстоятельственное предложение

(22) *Я* ***так испугалась то что*** *больше ни когда не ходила гулять ночью даже днем одна.* [http://kingchiksu.dotet.ru/?b=5&n=1344]

(23) *Я это* ***вспомнила оттого, то что*** *у меня начинает сильно кружиться голова, мне очень плохо*.

[http://www.proza.ru/2014/11/20/51]

3) Относительное предложение. Отметим, что, в отличие от предыдущих контекстов, *что* здесь уже не союз, а относительное местоимение.

(24) *Семья решила подвезти одного автостопщика – никто* ***не ожидал того, то что*** *случилось потом*

[http://joyreactor.cc/post/1617648]

(25) *Эмм, вообщето так нельзя говорить, надо* ***довольствоваться тем то что*** *у тебя есть* [http://ask.fm/OneDirectionslutz/answer/62250227123]

4) Приращение – особый класс ретроспективных элементарных дискурсивных единиц, связанный с добавлением дополнительного компонента к опорной клаузе [Кибрик, Подлесская 2009: 122]

(26) *не, а у меня как бы, на день рождения у меня подруга одна… со своим мальчиком подарили мне стрижку и покраску,* ***то что*** *у них подруга, её, она парикмахер…* [НКРЯ]

(27) *Понятно? Я не туплю.* ***То, что*** *ты меня бесишь, я тебя по-русски попросил помолчать 5 минут, закрыть рот* [НКРЯ].

5) Вводные и другие конструкции

(28) ***То что касается*** *меня, мои убеждения и мое личностное состояние и мое поведение, какими они были до знакомства с учением Григория Гробового и с ним лично, такими они и остались*ь [НКРЯ]

(29) *каса́ется ко́шек/* ***то что характе́рно****/ все́ египто́логи/ как пра́вило/ фана́ты ко́шек* [НКРЯ, Мультимедийный подкорпус]

Итак, зависимая клауза со слитным *то что* может использоваться во всех контекстах, для которых в литературном языке свойственно употребление актантного или сирконстантного придаточного с *что*. Исследуемая конструкция может также использоваться в относительных предложениях; в этом случае сочетание *то что* заменяет собой уже не союз *что*, а относительное местоимение в форме, омонимичной этому союзу.

Конструкция с *то что* может выступать в тех позициях, где в норме коррелят в форме именительного/винительного падежей грамматически недопустим. Более того, *то что* может использоваться одновременно с другим местоимением-коррелятом, ср. (17–18), (20–21).

3.4. Семантико-коммуникативные свойства конструкции

Многие носители используют в своей речи как конструкции с *то что*, так и одиночный союз *что*. Можно предположить, что существуют факторы, связанные с семантикой или коммуникативным статусом предложения, определяющие выбор *что* или *то что*. Этот раздел посвящен рассмотрению факторов, которые теоретически могли бы повлиять на выбор стратегии.

3.4.1. Тип матричного предиката

Один из возможных факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии оформления зависимой клаузы, – семантический класс матричного предиката. Установлено, что семантические и синтаксические свойства сентенциальных актантов в большой степени коррелируют с семантикой матричного предиката [Noonan 2007; Сердобольская 2005].

Однако для русских конструкций с *то что* такой корреляции не обнаружено. Анализ текстов показывает, что *то что* встречается при всех типах сентенциальных актантов. Более того, в тексте от одного носителя при одном и том же предикате встречаются как примеры с *что*, так и примеры с *то что*:

(30) *И* ***получается так, то что*** *– раз втюривается* [НКРЯ].

(31) *И* ***получается так, что*** *он на ней [ездит], ну, конечно, не всегда, да, но иногда…* [НКРЯ]

3.4.2. Данное vs. новое

Согласно [Кобозева 2013], использование *то* перед сентенциальным актантом с союзом *что* в литературной речи связано с маркированием коммуникативного статуса информации, передаваемой в придаточном предложении. *То* используется, если информация является данной или выделенной из множества альтернатив.

Однако для конструкции с *то что* такое противопоставление тоже оказывается нерелевантным. При предикатах, вводящих новую информацию, например, при *считать,* также может употребляться *то что*:

(32) *Почему ты* ***считаешь то / что*** *ты помнишь / а я не помню*. [НКРЯ]

3.4.3. Фактивность vs. событийность

Многие языки выбирают ту или иную стратегию оформления придаточного в зависимости от наличия пресуппозиции истинности зависимой клаузы, см. [Сердобольская 2005, Арутюнова 1988] и др.

Разговорные конструкции с *то что*, однако, фактивность не маркируют. *То что* встречается при предикатах, при которых СА имеют пресуппозицию ложности (33) или находятся в ассерции, то есть не имеют ни пресуппозицию истинности, ни пресуппозицию ложности (34):

(33) *И* ***снится, то что*** *мы с ней в хороших отношениях* [НКРЯ]

(34) ***Не думали то, что*** *убить могут там, все-таки это…* [НКРЯ]

Таким образом, нам пока не удалось выявить закономерность выбора стандартной или разговорной стратегии на семантико-коммуникативном уровне. Возможно, такой закономерности действительно не существует: выбор стратегии может зависеть от степени экспансии конструкции с *то что* в речи конкретного носителя, а также от сферы общения.

4. Гипотеза происхождения конструкции с *то что*

В данном разделе мы предложим возможный ответ на вопрос, с чего началось развитие конструкции с *то что*. Исследуемая конструкция обладает двумя основными характеристиками, отличающими ее от сочетания *то* и *что* в литературном языке. Последовательность *то что,* во-первых, произносится как одно фонетическое слово, во-вторых, употребляется в контекстах, не типичных для сочетания слова-коррелята и союза.

Как уже отмечалось выше, носители с разной регулярностью используют в своей речи конструкцию с *то что*. Данные устного подкорпуса НКРЯ, включающие в том числе монологи одного носителя, позволяют сделать вывод, что у многих носителей, почти не употребляющих разговорную стратегию, *то что* все же «всплывает» в контекстах, в которых в литературной речи не используется ни одиночный *что*, ни сочетание союза и слова-коррелята, а именно, в конструкциях с приращением (26–27). Можно предположить, что предложения-приращения являются первым этапом развития конструкции.

В обоих примерах сочетание *то* и *что* произнесено как одно фонетическое слово. Обратимся к корпусам с просодической разметкой, чтобы определить, существуют ли в литературной речи случаи, когда *то* и *что* произносятся слитно. В кодифицированной речи коррелят *то* в винительном/именительном падеже при нейтральном порядке слов всегда интонационно выделяется. Это ожидаемо, т.к. *то* в винительном падеже может выполнять только акцентирующую функцию [Шведова 1980]. Единственный случай, когда *то, что* произносится слитно, – это случай инверсии модуса и диктума, т.е. когда придаточное находится в начале предложения. В таких случаях, согласно [Арутюнова 1988: 406], инверсия, как правило, отмечается субстантиватором *то, что*:

(35) *Для меня* ***удивительно, что*** *Паша решил пойти на праздник.*

(36) ***То, что*** *Паша решил пойти на праздник, для меня* ***удивительно***.

Наша гипотеза заключается в том, что из предложений типа (36) развились предложения-приращения, из которых в свою очередь образовались искомые разговорные конструкции. Можно предположить, что в разговорной речи в предложениях типа (36) часто имела место топикализация зависимой клаузы:

(37) ***То что*** *Паша решил пойти – да, это так здорово, это для меня радость*.

Далее клаузы с *то что* в разговорной речи получили возможность употребляться более автономно – в качестве предложений-приращений (38). Важно, что такого типа конструкции встречаются даже у людей, почти не использующих стратегию с *то что*.

(38) *Я очень рада, что все так удачно сложилось. Ну* ***то что*** *Паша решил пойти.*

Затем конструкции с приращением стали употребляться в позиции сентенциального актанта при матричных предикатах:

(39) *Я* ***рада, то что*** *Паша решил пойти на праздник*.

При переходе на этот этап *то что* окончательно перестает осмысляться как сочетание коррелята и союза. Свидетельством окончательной лексикализации *то что* является возможность его употребления при матричных предикатах с настоящим коррелятом:

(40) *Я* ***рада тому, то что*** *Паша решил пойти на праздник*.

Встречаются также употребления *то что* в безвершинных относительных предложениях (41). В отличие от предыдущих контекстов здесь происходит замещение не союза, а относительного местоимения. Вероятно, такие конструкции были

получены по аналогии с предложениями типа (40). Такие случаи не так частотны: в НКРЯ нам не встретилось ни одного подобного употребления; примеры (24–25) взяты из Интернета.

(41) *Я* ***рада тому, то что*** *произошло на празднике*.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели конструкции со слитным *то что* и обнаружили ряд свойств, не позволяющих анализировать компонент *то* как местоимение-коррелят в форме именительного / винительного падежа.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что последовательность *то что* образует лексикализованный комплекс. Подтверждением этой точки зрения являются, в частности, данные корпусов с просодической разметкой, свидетельствующие об интонационной слитности *то* и *что*.

О единстве *то что* косвенно свидетельствуют также примеры, полученные из интернет-ресурсов. Очень часто носители интуитивно с помощью знаков препинания показывают просодическую слитность *то* и *что*: нередко запятая ставится после матричного предиката (17), в то время как литературная норма требует постановки запятой после слова-коррелята. Встретился также пример с искомой конструкцией, в котором между *то* и *что* стоял дефис.

Анализ синтаксических позиций, в которых употребляется исследуемая конструкция, позволяет сделать вывод о том, что союзный комплекс используется в качестве союзного средства, вводящего любые виды подчинительных клауз (актантную, обстоятельственную, относительную). *То что* чаще всего выполняет функцию союза *что*, вводящего сентенциальный актант.

Разговорная конструкция постепенно «захватывает» все больше контекстов, в которых исконно использовался одиночный союз *что*. Во-первых, *то что* употребляется в контекстах, где в норме допустимо только *что*. Это касается в том числе предикатов класса *что* / **то что*, а также других случаев, когда с грамматической точки зрения употребление *то* допустимо, но с семантической – является неуместным.

Во-вторых, *то что* допустимо одновременно со словом-коррелятом, что также свидетельствует о близости разговорной

конструкции и союза *что*. В [Земская 2013: 147] отмечается, что для разговорной речи в целом не характерно использование при построении полипредикативных высказываний коррелятов. Если исходить из предположения, что в рассматриваемой конструкции *то* не является коррелятом, утверждение Е.А. Земской не опровергается наблюдающейся в настоящее время экспансией конструкции со слитным *то что*. При допущении, что *то что* имеет дистрибуцию, близкую к дистрибуции одиночного *что*, наши данные подтверждают тезис о том, что стратегии с коррелятом действительно не свойственны разговорной речи. Например, в корпусе с просодической разметкой «Рассказы о сновидениях» на 127 клауз с союзом *что* встретилось восемь примеров со слитным *то что* и ни одного примера с расчлененным *то, что*.

Слитное *то что* употребляется также в контекстах, в которых не допустимы ни одиночный союз *что*, ни сочетание союза с местоимением-коррелятом, а именно, в т.н. конструкциях с приращением. Такие контексты составляют отличительную особенность устной спонтанной речи, которая в целом характеризуется частыми самоперебивами, использованием эллипсиса и парцелляции.

Употребление слитного *то что* в случаях, когда *что* является относительным местоимением, возникают, видимо, по аналогии с конструкцией со слитным *то что*, где *что* – союз. Впрочем, такие примеры пока достаточно редки.

Результаты сравнения разговорной конструкции с *то что* и литературной конструкции с местоимением-коррелятом представлены таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление конструкции с местоимением-коррелятом *то* и союзом *что* и конструкции со слитным *то что*

	Конструкции с *то, что* в письменной литературной речи	Конструкции с *то что* в устной спонтанной речи
Падеж компонента *то*	Определяется матричным предикатом	Компонент *то* не изменяется
Предикаты, вводящие конструкцию	Ограниченный набор предикатов	Допускается при любом предикате

Синтаксическая позиция зависимой клаузы	Только актантная позиция	Актантное, сирконстантное, относительное предложение
Наличие в главной клаузе других местоимений-коррелятов	Недопустимо (*Закончилось тем, (*то) что* она поставила меня перед выбором [НКРЯ])	Допустимо (*Закончилось тем, то что* она поставила мне 10 двоек в журнал [НКРЯ])

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 2003.

3. Гришина Е.А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005. С. 94–110.

4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. Litres, 2013.

5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

6. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.

7. Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.

8. Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // Olga Inkova (éd.). Du mot au texte. Études slavo-romanes. Bern: Peter Lang, 2013, P. 131–150.

9. Коротаев Н.А. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М., 2013. С. 324–331.

10. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

11. Пекелис О.Е. Сентенциальные обстоятельства // Проект корпусного описания русской грамматики / Под ред. В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной. http://rusgram.ru.

12. Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: дис. … д-ра филол. наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2005.

13. Шведова Н.Ю. (ред.). Русская грамматика. М. 1980. Т. 2.

14. Noonan M. Complementation // Shopen T. (ed.). Language Typology and Syntactic Description, v. 2: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, P. 52–150.

Резюме

Исследование посвящено разговорным полипредикативным конструкциям, в которых средством связи между клаузами служит последовательность *то что*. Рассматриваемые конструкции имеют ряд просодических, синтаксических и семантических особенностей, которые не позволяют анализировать *то что* как сочетание соотносительного местоимения *то* и союза *что*. Выдвигается тезис о том, что в спонтанной речи последовательность *то что* представляет собой единый союзный комплекс, вводящий любые виды подчинительных клауз (актантную, обстоятельственную, относительную). В статье приводится также гипотеза о пути развития рассматриваемой конструкции.

Ключевые слова: *русский язык, устная речь, корпусный анализ, полипредикация, местоимение-коррелят, синтаксис.*

Summary

The present study is devoted to spoken polypredicative constructions with complementizer *to chto*. The considered constructions have a number of prosodic, syntactic and semantic features that do not allow analyzing *to chto* as the combination of correlative pronoun *to* and the conjunction *chto*. It is put forward that in spontaneous speech the sequence of *to* and *chto* is a single conjunctional complex introducing any kind of subordinate clauses (argument, adverbial, relative clauses). The hypothesis about the development of the construction is also provided in the article.

Keywords: *spoken Russian, corpus research, polypredicative constructions, correlative pronoun, syntax.*

Л.Р. Комалова
ИНИОН РАН / МГЛУ, Москва

Вербализация агрессии в речевой коммуникации пользователей социальных сетей[1]

Постулат о том, что человеческое сознание формируется посредством конструирования образа реальной действительности и дискуривных практик, и факт того, что в современном мире человек приобретает опыт бытия в основном опосредованно, через тексты / дискурсы, раскрывает потенциальные угрозы актуализации агрессии в интернет-дискурсе социальных сетей.

Прогнозирование агрессивного поведения участника подобного дискурса в реальной жизни по продуцируемым сообщениям представляется весьма затруднительным в силу того, что практически невозможно проверить прогноз на практике. Однако определить эффект заражения настроениями, передаваемыми текстом, и транслирование заложенных в текст сообщения концептов – задача вполне реальная.

Целью настоящего исследования является описание речевого профиля автора сообщения, которое провоцирует социальное напряжение и «заражает» агрессивными установками (в российской социальной сети «ВКонтакте»).

Анализируемый речевой материал, интернет-общение пользователей социальных сетей (полилоги, тематика которых входит в семантическое поле «агрессия»), следует рассматривать в рамках концепции социально-сетевого дискурса (по Р.К. Потаповой). Согласно данной концепции, социально-сетевой дискурс (ССД) является «особым электронным макрополилогом, рассматриваемым как результат сочетания устной и письменной разновидностей конкретного языка» [Потапова 2015: 20–22]. Р.К. Потапова отмечает следующие свойства, отличающие социально-сетевой дискурс [Там же]:

- необратимость;
- ситуативность;
- динамичность;

[1] Исследование проводится при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект №14-18-01059, на базе ФГБОУ ВПО МГЛУ под научным руководством Р.К. Потаповой.

- нарушение иерархии социальных отношений (демократичность / псевдодемократичность);
- комбинаторика монохронности и полихронности ввиду высокой скорости (темпа) распространения информации;
- комбинаторика высказываний представителей культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом;
- увеличение межличностного пространства;
- тематическая неограниченность;
- казуальная обусловленность;
- манипулирование сознанием реципиента;
- эмоционально-модальная насыщенность.

Рассматриваемые полилоги (n=5) были отобраны для анализа методом сплошной выборки из авторской базы данных[2] «Русскоязычный агрессогенный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)»© [Потапова, Комалова 2015а]. Тематикой данных полилогов было обсуждение участниками событий на Украине (март 2014 года).

Участниками полилогов выступили 102 мужчины и 32 женщины; 36 участников идентифицировали себя с русской и 24 – с украинской лингвокультурами. У одиннадцати участников не удалось определить гендерную принадлежность, у 85 – принадлежность к лингвокультуре. В рассматриваемых полилогах участники общались на русском языке, в очень редких случаях переходя на украинский язык. Смена языкового кода обусловливалась стремлением участника резко сменить подтему обсуждения, перевести внимание на свои сообщения и наглядно разделить группу на «своих» и «чужих».

Уже на данном шаге можно отметить, что русскоязычные участники были склонны к более открытой позиции в полилоге, предъявляли свое мнение более уверенно и в более культурной форме. Это может объясняться, в первую очередь, тем, что социальная сеть «ВКонтакте» является российским ресурсом, что дает участникам, идентифицирующим себя с русской лингвокультурой, повод чувствовать себя «принимающей стороной».

---

[2] Подробнее о принципах формирования базы данных семантического поля «агрессия», о разработке аннотированных корпусов по данной тематике см. [Потапова, Комалова 2013, 2014, 2015б; Potapova, Komalova 2013, 2014].

При составлении речевого профиля каждого из участников полилогов учитывались такие показатели его / ее речевой активности, как:

- общее число постов (сообщений) всех участников полилога;
- общее число постов каждого участника в полилоге;
- число сообщений каждого участника полилога, которые послужили стимулами для агрессивной речевой реакции друг(ого/их) участник(а/ов);
- жанр сообщений-стимулов;
- число сообщений, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция других участников полилога на сообщения-стимулы каждого участника полилога;
- число сообщений каждого участника полилога, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция данного участника полилога на сообщения-стимулы других участников;
- жанр сообщений-реакций.

При подсчете реплик-стимулов и реплик-реакций учитывались только реплики с агрессивным речевым компонентом, а также гендер участника полилога. Об общей активности в полилоге конкретного участника свидетельствует соотношение числа всех его постов к общему числу постов всех участников. Речевой профиль участников полилогов конструировался на основе определения показателей общей речевой активности каждого участника (ОРА), его провокативной речевой активности (ПРА), его реакционной речевой активности (РРА), соотношения провокационной и реакционной активностей данного участника (Д), а также показателя речевой агрессии для каждого участника полилога (РАг). В таблице 1 представлены полученные в результате анализа данные по каждому из полилогов в соотношении участников-мужчин и участников-женщин.

Таблица 1. Обобщенные показатели агрессивной речевой активности участников полилогов

Анализируемый полилог №1					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	0,035	0,001	0,035	Р	0,036
Женщины	***0,051***	***0,003***	***0,053***	Р	***0,056***

Анализируемый полилог №2					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	***0,097***	***0,008***	***0,094***	Р	***0,102***
Женщины	0,075	0,002	0,083	Р	0,085
Анализируемый полилог №3					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	0,026	0,001	***0,032***	Р	***0,033***
Женщины	***0,047***	0,001	0,021	Р	0,022
Анализируемый полилог №4					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	***0,056***	0,004	***0,055***	Р	***0,059***
Женщины	0,039	***0,043***	0,043	Р	0,044
Анализируемый полилог №5					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	0,016	0,001	0,000	–	0,000
Женщины	***0,025***	0,001	0,000	–	0,000

Хотя в целом анализируемые полилоги по содержанию можно охарактеризовать как агрессивный тип коммуникации, среднее число агрессивных стимулов и реакций в их структуре не превышает 9%. Из таблицы видно, что выделить тенденции в агрессивном речевом поведении участников полилога, определяемые гендером, не удалось: в зависимости от темы обсуждения и от количества участников полилога агрессивная речевая инициатива проявлялась как в речи мужчин, так и в речи женщин.

Таблица 2. Обобщенные показатели речевой активности участников полилогов по принципу «стимул – реакция»

№ полилога	Пол участника	Тип речевой деятельности (Д[3])		
		провокативная	реакционная	нейтральная
1)	мужчина	4	***7***	5
	женщина	0	***6***	3
2)	мужчина	1	***6***	1
	женщина	1	***2***	0

[3] Условные обозначения: П – в речевой деятельности участника полилога преобладает провокативность, Р – преобладает реактивность; = – участник полилога не реагирует на провокации со стороны других участников и / или не продуцирует агрессивные речевые стимулы.

3)	мужчина	1	***14***	11
	женщина	1	***3***	2
4)	мужчина	0	***11***	4
	женщина	0	***3***	1
5)	мужчина	1	0	***38***
	женщина	1	0	***9***

Доминирующим типом речевой активности в анализируемых полилогах является агрессивная речевая реакция на речевую провокацию другого коммуниканта (см. табл. 2). В свою очередь, сообщение, которое воспринимается как речевая провокация, не всегда является инициальной речевой агрессией и может представлять собой сообщение с нейтральным содержанием. Провокативный потенциал такого сообщения актуализируется за счет общего контекста коммуникации и / или обусловливается позицией коммуникантов как по отношению друг к другу, так и по отношению к предмету коммуникации.

В силу того, что любая реплика в социально-сетевом полилоге имплицитно адресована всем участникам коммуникации, не всегда можно с уверенностью сказать, на кого именно направлен стимул, но можно отследить участников, которые отвечают на речевую провокацию.

Таблица 3. Соответствие речевых стимулов и речевых реакций участников исследуемых полилогов

Стимул со стороны	Частота связи	Ответная речевая агрессия со стороны
мужчины	0,53	женщины
	0,84	мужчины
женщины	***0,47***	женщины
	0,16	мужчины

Согласно полученным данным (табл. 3), в исследуемых полилогах мужчины более подвержены речевым провокациям и более склонны отвечать на провокации речевой агрессией. Ответная речевая агрессия более вероятно будет направлена на провокатора того же пола, что и адресант. Так, мужчины более склонны вербально агрессивно реагировать на речевые провокации мужчин, женщины, соответственно, – на речевые провокации женщин.

Остановимся подробнее на определении жанровой составляющей сообщений, провоцирующих речевую реакцию в виде речевой агрессии, и непосредственно жанрах ответной речевой агрессии (с учетом гендера коммуникантов).

Таблица 4. Жанровая составляющая сообщений, провоцирующих ответную речевую агрессию

Речевой жанр, **провоцирующий** ответную речевую агрессию (чем меньше порядковый номер, тем больше перлокутивная сила сообщения)	Гендер участника	
	мужчина	женщина
1. Угроза	0	0
8. Насмешка	0	0
3. Издевка	***2***	0
7. Навешивание ярлыков	***2***	0
12. Негативный прогноз	***2***	0
11. Отрицание	0	***1***
4. Отсыл	1	1
10. Снижение значимости	***2***	1
14. Нейтральный призыв, вопрос	***2***	1
13. Провокативный вопрос	0	***2***
5. Грубое указание, приказ, вызов	2	2
9. Язвительность, ирония, сарказм	***5***	3
2. Оскорбление, уничижение	***7***	4
6. Обвинение	***8***	4

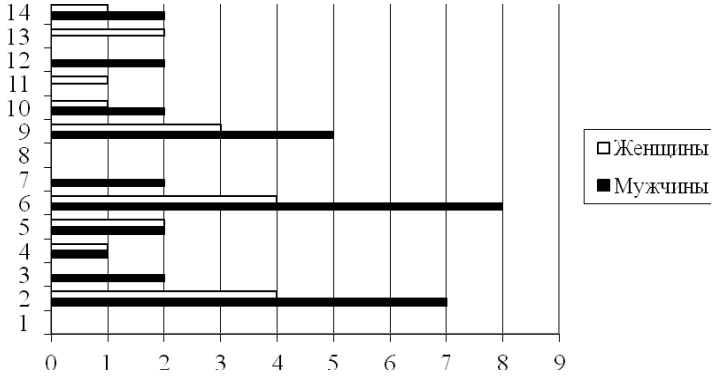


Рисунок 1. Жанровая составляющая сообщений, провоцирующих ответную речевую агрессию

В результате анализа исследуемых полилогов было выявлено, что наиболее частотными речевыми жанрами, провоцирующими ответную речевую агрессию, являются жанры обвинения, оскорбления, язвительности (см. табл. 4, рис. 1). Например[4]:

(1) Мужчина коллективному адресату: *О боже,* ***одни дауны не способные думать*** (оскорбление). <…> ***Быдло*** (оскорбление). *Гандона свергли,* ***еще больше гандонов у власти стало*** (обвинение).

(2) Мужчина женщине: *...****если не ваша*** *тупая россия* ***у нас бы этих проблем бы не было*** (обвинение) *ваша страна проблема для всех стран мира вам же* ***ЛОХам*** (оскорбление) ***делать нефиг так давай нашу страну лезть*** (обвинение).

(3) Мужчина мужчине: *Валерий,* ***ой как же вы узко мыслите*** (язвительность).

(4) Мужчина мужчине: ***малыш*** (язвительность) *давай не говорить кто узко мыслит*.

(5) Женщина женщине: *Елизавета,)))* ***не умеете красиво проигрывать спор?*** (обвинение) *Или вы тайный фанат Виктренко?)))*.

(6) Женщина коллективному адресату: *У* ***хохлов*** (оскорбление) ***совсем нет ни логики, ни мозгов*** (обвинение)*; ни какой связи проследить не могу,* ***тупые*** (оскорбление).

Таблица 5. Жанры ответной речевой агрессии

Речевой жанр **ответной** речевой агрессии (чем меньше порядковый номер, тем больше перлокутивная сила сообщения)	Гендер участника	
	мужчина	женщина
7. Навешивание ярлыков	0	0
10. Снижение значимости	0	0
13. Провокативный вопрос	0	0
14. Нейтральный ответ	0	1
3. Издевка	***1***	0
4. Отсыл	***1***	0
8. Насмешка	***1***	0

[4] Примеры приводятся в оригинальной редакции авторов сообщений исследуемых полилогов.

12. Негативный прогноз	***1***	0
5. Грубое указание, приказ, вызов	2	2
11. Запрет, отрицание	***3***	1
1. Угроза	***4***	1
6. Обвинение	***5***	1
9. Язвительность, ирония, сарказм	***6***	1
2. Оскорбление, уничижение	***8***	1

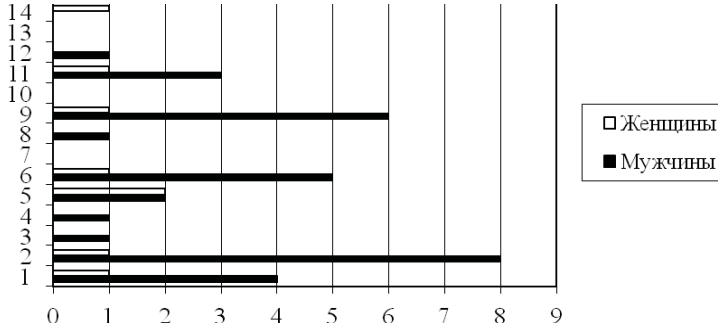


Рисунок 2. Жанры ответной речевой агрессии

В результате анализа жанров ответной речевой агрессии было выявлено, что женщины еще менее активно вербально проявляют себя в ответ на речевые провокации. Наиболее частотным жанром ответной речевой агрессии мужчин являются жанры оскорбления, язвительности, обвинения и угрозы (см. табл. 5, рис. 2). Например:

(7) Мужчина женщине: *Арина,* ***если*** *российские солдаты* ***начнут в нас стрелять****, хоть даже по приказу, вы уж извините,* ***ответ будет достойным*** (угроза ответных действий)*, еще одной Абхазии не будет)*.

(8) Мужчина коллективному адресату: *...Украину Россие* ***продали моральные уроды*** (обвинение).

(9) Женщина женщине: *Арина, это ты решила что КРЫМ ваш????* ***большая а в сказки веришь*** (язвительность). ***вы же типа пришли защищать от кого то*** (язвительность). *а сейчас что получается* ***уже завоевывать*** (обвинение) ***ПОДЛЫЕ ПРЕДАТЕЛИ*** (обвинение-оскорбление).

(10) Мужчина мужчине: *...**ище будешь** хуйню писать по ебалу **получешь*** (угроза) ***гандон москаля!*** (оскорбление)

(11) Женщина женщине: *Алина, ну **ты** вообще **предательница*** (обвинение) *нашей страны!!*

(12) Мужчина женщине: *Арина, **если вы «свое» возвращаете то почему не забираете Аляску, и или против Америки очко играет*** (язвительность). <…> ***я костями ляжу** ну **не когда над моей головой не будет*** (угроза) *возвышаться Русский флаг!*

(13) Мужчина мужчине: *Дима. Посмотри нашу историю у нас всегда так было есть и будет.Что **одного вора убрали другой придет.тк власть всегда была у нас такая*** (обвинение). *Кроме царей который с раннего детства готовили управлять страной. А **вы пошли на поводу у бандитов*** (обвинение) *и гибли за них, так что теперь **получайте лучшую жизнь**….* (язвительность)

(14) Женщина коллективному адресату: *...Ваше правительство делает ми*ет США и ЕС, а вы радуетесь… Вы были в Европе не в курортных городах??? Видели как живет простой люд в деревнях???? Нет??? Да, в ж*пе они видели этот ЕС, да только тепееь ни кто их оттуда не выпустит!!! **поминитe мое слово** через пару лет, **если вы ступите в ЕС**….* (угроза)

(15) Женщина женщине: *...ты вообще кто такая, да **ты никто**, чтоб судить нашу нацию **и зовут тебя никак)*** (оскорбление).

(16) Женщина женщине: *Ну если это КВН, то **ты просто ДУРА*** (оскорбление). *Я даже извиняться не стану. **Разговор окончен*** (отказ от коммуникации). ***Читай свои сказки*** (приказ) *про Тягнибока*.

(17) Мужчина мужчине: *Руслан, ты только скажи, когда вас будут продавать, назовешь свой ценник… Я тебя куплю, будешь мне обувь чистить* (издевка).

(18) Мужчина мужчине: *русских тут всегда уважали и любили, но сейчас **из-за вашего вождя-спасателя, захотевшего получить Крым для своих целей, все меняется в худшую сторону*** (обвинение).

(19) Мужчина женщине: *Путлер ввел свои войска в Крым, ни одна страна мира этого не одобряет, темболее Украина, **не уберет своих – им помогут убраться, начнется война*** (угроза), *это весь мир уже знает, кроме России*.

(20) Мужчина мужчине: *...вам что сложно нормально выбрать президента хорошего из народа а не* ***очередного олигарха у которого все активы и все бабло за бугром*** (обвинение) *и который как* ***марионетка от европы зависит что ему скажет то и делает*** (обвинение) <...> ***вы не видите очевидных фактов*** (обвинение), ***вы утонули во лжи*** (обвинение) *подаваемой вашими сми*.

(21) Мужчина мужчине: *...вам есть с чем илти в бой то? И аойдете ли вы на россию матушку?* ***Смотрите как бы она не показала оскал свой)) мало думаю вам не покажется*** (угроза).

(22) Мужчина коллективному адресату: *Украинские* ***СМИ – гениратор оккупационной лжи!*** (обвинение)

(23) Женщина коллективному адресату: *Не кому не желаю такого для своей страны.Все товарищи возвращаеться , и* ***эта кость (Крым) вам еще поперек горла станет!!!*** (угроза)

На основе данных таблиц 4–5 и рисунков 1–2 можно заключить, что по сравнению с участниками-женщинами участники-мужчины более свободны в использовании речевых жанров агрессивного характера как в качестве речевой провокации, так и для ответной речевой агрессии. Отмеченная тенденция проявляется как в репертуаре используемых жанров, так и в частоте их актуализации в процессе коммуникации. Иными словами, можно отметить, что в исследуемых полилогах у агрессора мужское лицо. Следует также отметить, что для вербального нападения и защиты коммуниканты применяют схожий перечень агрессивных речевых жанров. К тройке наиболее часто используемых речевых жанров относятся такие жанры как оскорбление, обвинение, язвительность. Интерес представляет и тот факт, что жанр оскорбления может быть рассмотрен в качестве предмета судебного разбирательства, т.е. может повлечь юридическую ответственность, в то время как жанры обвинения и язвительности можно отнести к разряду жанров речевой агрессии так называемого бытового типа.

Литература

1. Потапова Р.К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы Второй международ. научн. конф. «Дискурс как социальная

деятельность: приоритеты и перспективы». М.: МГЛУ, 2014. С. 20–22.

2. Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Лингвокогнитивное исследование состояния «агрессия» в межъязыковой и межкультурной коммуникации: письменный текст // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: Теория и практика. Часть II. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2013. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 15 (675). Сер. Языкознание). С. 164–175.

3. Потапова Р.К., Комалова Л.Р. База данных русскоязычных текстов, содержащих единицы семантического поля «агрессия» // Семиотическая гетерогенность межкультурной коммуникации. Часть I. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. 204 с. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 19 (705). Сер. Языкознание). С. 112–121.

4. Потапова Р.К., Комалова Л.Р. База данных «Русскоязычный агрессогенный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)», 2015а.

5. Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. Вып. 1 / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2015б. 146 с.

6. Potapova R.K., Komalova L.R. Lingua-Cognitive Survey of the Semantic Field “Aggression” in Multicultural Communication: Typed Text // M. Železný, I. Habernal, A. Ronzhin. (Eds.): SPECOM 2013, LNAI 8113. Springer International Publishing Switzerland, 2013. P. 227–232.

7. Potapova R.K., Komalova L.R. On Principles of Annotated Databases of the Semantic Field “Aggression” // A. Ronzhin, R. Potapova, V. Delič (Eds.): SPECOM 2014, LNAI 8773. Springer International Publishing Switzerland, 2014. P. 322–328.

Резюме

Описывается речевой профиль автора текста, провоцирующего социальное напряжение и «заражающего» агрессивными установками (в российской социальной сети «ВКонтакте»). Анализируются полилоги («ветки» сообщений), тематика которых входит в семантическое поле «агрессия». Определяется жанровая характеристика дискурса, вызывающего реципиента к агрессивному

ответу, и структурные составляющие организации дискурса, «заражающего» негативными эмоциями.

Ключевые слова: *вербальная реализация агрессии; семантическое поле «агрессия»; жанры речевой агрессии; провокация; социальная сеть; сетевой дискурс*.

Summary

The article describes speech profile of the social network users provoking social tension and “infecting” with aggressive aims (in Russian social network “VKontakte”). Messages associated with the semantic field “aggression” are under investigation. Genders provoking a recipient to aggressive response and structural discourse organization infecting with negative emotions are determined.

Keywords: *verbal realization of aggression; semantic field “aggression”; genders of verbal aggression; provocation; social network; social networking discourse*.

М.Б. Коношенко
РГГУ, МГГУ, Москва
А.Б. Шлуинский
ИЯз РАН, Москва

Субъектные лично-числовые показатели в языке эве [1]

1. Введение

Язык эве относится к левобережной ветви семьи языковой семьи ква (включаемой в гипотетическое объединение нигер-конго); он насчитывает около 3 млн носителей, проживающих в республиках Гана и Того (Западная Африка). Настоящая работа основана на данных, полученных от носителя эве[2].

В лингвистической литературе эве известен как изолирующий язык с незначительными элементами агглютинации и без грамматической избыточности – так он характеризуется как в широко известной классической книге [Sapir 1921: 155], так и в современных описаниях, выполненных специалистами по этому языку, как [Ameka 1991], [Essegbey 2006]. Такое представление о языке эве формирует частные ожидания, касающиеся его грамматики. Так, например, можно ожидать, что субъектные лично-числовые показатели в эве – это личные местоимения, морфосинтаксическая дистрибуция которых совпадает с дистрибуцией полных именных групп. И хотя самые простые и наиболее известные примеры как будто совпадают с этим ожиданием (см. подробнее раздел 2), если исследовать выражение лица и числа субъекта в эве более детально, выясняется, что как в области морфологии, так и в области синтаксической дистрибуции обнаруживаются отклонения от этой картины. С одной стороны, как будет показано в разделе 3, в форме будущего времени имеет место фузия субъектного лично-числового показателя с показателями будущего времени и отрицания. С другой стороны, как будет показано в разделе 4, при сочиненном субъекте происходит дублирование лично-числовых значений полной именной группы. Кроме того, до настоящего момента не получала

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15–34–01237.
[2] Мы сердечно благодарим Самсона Доджи Фенуку, аспиранта Института русского языка им. А.С. Пушкина.

систематического описания дистрибуция пар субъектных показателей 2 и 3 л. ед. ч. Ее обсуждению посвящен раздел 5.

2. Стандартное выражение лица и числа субъекта

Как было многократно описано в [Westermann 1907: 57], [Schadeberg 1985: 16], [Ameka 1991: 57], в эве имеется базовый набор субъектных лично-числовых показателей. Их парадигма представлена в Таблице 1. Эти показатели отличаются от автономных личных местоимений, которые употребляются в ряде более сложных контекстов (в частности, в сочинительных конструкциях, обсуждаемых в разделе 4); их парадигма представлена в Таблице 2.

Таблица 1. Субъектные лично-числовые показатели эве

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	*mè-*	*míé-*
2 л.	*è-, nè-*	*mìè-*
3 л.	*é-, wò-*	*wó-*

Таблица 2. Автономные личные местоимения эве

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	*nyè*	*mí*
2 л.	*wò*	*mì*
3 л.	*éyá*	*wó*

Субъектные лично-числовые показатели эве не сочетаются в полными субъектными именными группами в пределах клаузы. Так, в (1a) и (1b) представлены употребления показателей 1 л. и 3 л. ед. ч. соответственно, а примеры (1c) и (1d) показывают, что с полными именными группами единственного и множественного числа соответственно сочетается простая глагольная форма без лично-числового показателя.

(1) a. ***mè***-*ɖù* *lã̀* *lá*
1SG-жевать мясо DEF
‘Я съел мясо.’

b. ***é***-*ɖù* *lã̀* *lá*
3SG-жевать мясо DEF
‘Он съел мясо.’

c. *ŋútsù* *lá* *ɖù* *lã̀* *lá*
мужчина DEF жевать мясо DEF
‘Мужчина съел мясо.’

d. *ŋútsù-à-wó* *ɖù* *lã̀* *lá*
мужчина-DEF-PL жевать мясо DEF
‘Мужчины съели мясо.’

Внешний облик субъектных лично-числовых показателей в основном не зависит от глагольной формы. Так, наряду с аористом в (2a), точно такой же показатель 1 л. ед. ч. используется с формой хабитуалиса в (2b).

(2) a. ***mè***-*ɖù* *lã̀* *lá*
1SG-жевать мясо DEF
‘Я съел мясо.’
b. ***mè***-*ɖù-nà* *lã̀* *lá*
1SG-жевать-**HAB** мясо DEF
‘Я ем мясо.’

3. Субъектные показатели с маркерами будущего времени и отрицания

Как было описано, в частности, в [Rongier 2004: 101–102], субъектные лично-числовые показатели подвергаются фузии с маркером будущего времени -*á*-. Как можно видеть из сравнения примеров (3a) и (3b), в форме будущего времени используется редуцированная форма показателя 1 л. ед. ч. Фузионные показатели, выражающие лично-числовые значения и значение будущего времени, представлены в Таблице 3.

(3) a. ***mè***-*yì* *sùkû*
1SG-идти школа
‘Я пошел в школу.’
b. ***m-á***-*yì* *sùkû*
1SG-FUT-идти школа
‘Я пойду в школу.’

Таблица 3. Субъектные лично-числовые показатели будущего времени эве

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	*má-*	*míá-*
2 л.	*à-*	*mìà-*
3 л.	*á-*	*wóá-*

Стандартная отрицательная конструкция, в которой субъектом клаузы является полная именная группа, образуется в эве аналитически и задействует одновременно два показателя слева и справа от глагольной группы, как в (4).

(4) *ɖèví* *lá* ***mé****-yì* *sùkû* ***ò***
ребенок DEF **NEG**-идти школа **NEG**
‘Ребенок не пошел в школу.’

Как было показано в разделе 2, анафорический / дейктический субъект выражается в эве глагольным префиксом. В отрицательных конструкциях левый показатель отрицания *mé-* взаимодействует с лично-числовым показателем морфологически нетривиальным образом. В частности, в 1 л. ед. ч. используется особая основа личного местоимения *nyè-* (ср. *mè-* в аналогичном утвердительном контексте), как в (5a). Во 2 л. ед. ч. наблюдается полная фузия личного и отрицательного показателей, как в (5b), в результате которой от личного показателя остается только низкий тон. В Таблице 4 представлены субъектные лично-числовые показатели с отрицанием, а в Таблице 5 – субъектные лично-числовые показатели будущего времени с отрицанием.

(5) a. ***nyè-mé****-yì* *sùkû* *ò*
1SG-NEG-идти школа NEG
‘Я не пошел в школу.’
b. ***mè****-yì* *sùkû* *ò*
2SG.NEG-идти школа NEG
‘Ты не пошел в школу.’

Таблица 4. Отрицательные субъектные лично-числовые показатели эве.

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	*nyèmé-*	*míé-*
2 л.	*mè-*	*mìè-*
3 л.	*mé-*	*wómé-*

Таблица 5. Отрицательные субъектные лично-числовые показатели будущего времени эве.

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	*nyèmǎ-*	*míá-*
2 л.	*mà-*	*mìà-*
3 л.	*ǎ-*	*wómǎ-*

Фузионные процессы, происходящие при сочетании субъектных лично-числовых показателей с маркерами будущего времени и отрицания, имеют нетривиальные последствия.

Во-первых, отрицательные формы 1–2 л. мн. ч., как стандартные, так и будущего времени, не отличаются от утвердительных на синхронном уровне. Так, в (6a) представлено утвердительное предложение с глагольной формой аориста, а в (6b) его отрицательный аналог, отличающийся от него только постпозитивным показателем *ò*.

(6) a. ***míé****-yì* *sùkû*
1PL-идти школа
‘Мы пошли в школу.’

b. ***míé****-yì* *sùkû* *ò*
1PL(.NEG) -идти школа NEG
‘Мы не пошли в школу.’

Во-вторых, у 3 л. ед. ч. в будущем времени или/и с отрицанием отсутствует сегментный показатель, который отличал бы анафорические формы от форм, употребляющихся в сочетании с полными субъектными именными группами.

Как было показано в разделе 2, в утвердительном аористе конструкция с полной именной группой в позиции подлежащего формально противопоставлена конструкции с лично-числовым субъектным префиксом, см. примеры (1bc).

Однако форма отрицательного аориста при наличии полной именной группы-субъекта в (7a) совпадает с аналогичной формой в анафорической функции в (7b). Примеры (8a) и (8b) показывают такое же совпадение у утвердительных форм будущего времени.

(7) a. *ɖèví* *lá* ***mé****-yì* *sùkû* ***ò***
=(4) ребенок DEF **NEG**-идти школа **NEG**
‘Ребенок не пошел в школу.’

b. ***mé**-yì* *sùkû* *ò*
(3SG.)NEG-идти школа NEG
‘Он не пошел в школу.’

(8) a. *ŋútsù* *lá* ***á**-ɖù* *lã̀* *lá*
мужчина DEF **FUT**-жевать мясо DEF
‘Мужчина съест мясо.’

b. ***á**-ɖù* *lã̀* *lá*
(3SG.)FUT-жевать мясо DEF
‘Он съест мясо.’

Здесь, прежде всего, возникает вопрос о том, как именно выражается значение 3 л. ед. ч. в анафорических употреблениях (7b, 8b). Поскольку во всех обсуждаемых здесь глагольных конструкциях в форме 3 л. ед. ч. используется «чистый» глагольный показатель отрицания *mé-* или будущего времени *-á-* либо же сочетание этих показателей (также подвергшихся фузии друг с другом), разумнее всего постулировать нулевое маркирование анафорического значения 3 л. ед. ч.

Однако дальше следует выяснить, выражается ли значение 3 л. ед. ч. при наличии полной именной группы – ведь формально анафорические и неанафорические употребления показателей будущего времени и отрицания не противопоставлены. Такая постановка вопроса вполне оправдана, поскольку в языках мира, в т. ч. в языках Западной Африки, лично-числовые показатели часто меняют свою дистрибуцию по отношению к полным именным группам и грамматикализуются как показатели локального личного-числового согласования [Givón 1976], [Siewierska 2004], [Creissels 2005] inter alia. Сначала они используются только анафорически и не могут сочетаться с кореферентной именной группой в пределах клаузы. Таковы дистрибутивные свойства базовых субъектных показателей в эве – примеры (1b-c). Затем лично-числовые показатели становятся обязательными и употребляются всегда, в том числе при наличии полной именной группы. Подобная дистрибуция субъектных лично-числовых показателей характерна для многих языков ква – аттие, аньин, некоторых идиомов акан, бауле и др. [Коношенко 2015]. Более того, как было показано в [Коношенко 2014], в ареально близких к языкам ква языках семьи манде необходимым условием для грамматикализации лично-числового согласования

является именно фузия лично-числовых показателей и глагольных маркеров вида, времени, модальности, полярности.

Таким образом, в примерах (7–8) возникает вопрос о статусе нулевого показателя 3 л. ед ч. как строго анафорического или обязательного в том числе при наличии именной группы. Аналогичная проблема обсуждается применительно к языку навахо (< атабаскские) в книге [Kibrik 2011: 235], где предлагается интерпретировать свойства нулевых показателей исходя из дистрибуции ненулевых маркеров, например, показателей множественного числа. В эве показатели 3 л. мн. ч. во всех обсуждаемых глагольных конструкциях находятся в дополнительной дистрибуции с полными именными группами, как показано в (9) на примере утвердительных форм отрицательного аориста.

(9) a. *ŋútsù-à-wó* *mé-ɖù* *lã̀* *lá* *ò*
мужчина-DEF-PL NEG-жевать мясо DEF NEG
‘Мужчины не съели мясо’.

b. ***wó**-mé-ɖù* *lã̀* *lá* *ò*
3PL-NEG-жевать мясо DEF NEG
‘Они не съели мясо’.

Поскольку показатели 3 л. мн. ч. в обсуждаемых глагольных формах употребляются только анафорически, мы постулируем нулевой показатель 3 л. ед. ч. также только в анафорических употреблениях, то есть не считаем, что при наличии полной именной группы в единственном числе происходит дублирование ее значений 3 л. ед. ч.

4. Дублирование лично-числовых значений при сочиненном субъекте

Для сочинения именных групп в эве используется союз *kplé*, который ставится между конъюнктами.

(10) *ŋútsù* *lá* *kplé* *nyɔ́nù* *lá* *ɖù* *nú*
мужчина DEF и женщина DEF жевать вещь
‘Мужчина и женщина поели.’

При сочинении анафорических / дейктических единиц используются автономные местоимения (см. Таблицу 2). В этом

случае порядок следования конъюнктов определяется иерархией лиц 1 > 2 > 3: *nyè kplé wò* ‘я и ты’, но **wò kplé nyè* ‘ты и я’, *nyè kplé ŋútsù lá* ‘я и мужчина’, но **ŋútsù lá kplé nyè* ‘мужчина и я’.

Если хотя бы один конъюнкт является анафорическим / дейктическим элементом, в языках мира имеются две семантических стратегии сочинения: композициональная и инклюзивная (ср. английский термин *inclusory conjunction* в [Haspelmath 2007: 33], также см. [Schwartz 1988]; [Lichtenberk 2000]). При композициональной стратегии каждый семантический конъюнкт выражается отдельно в синтаксической структуре, как в русском *ты и Петя*. При инклюзивной стратегии в первой позиции стоит местоимение множественного числа, которое семантически включает в себя второй конъюнкт – ср. *вы с Петей* (участников все равно двое). Однако конъюнкция с местоимением множественного числа может быть семантически и структурно неоднозначна – так русское *вы с Петей* может значить, что участников двое (инклюзивная структура) или больше двух (композициональная структура, группа лиц и Петя).

В эве для ситуации с двумя участниками возможны обе стратегии сочинения, как показано в (11a–b). Так, в (11a) представлена композициональная структура, дающая в совокупности только двух участников, а в (11b.1) с аналогичным значением – некомпозициональная структура, также дающая в совокупности только двух участников. При этом если в первой позиции стоит местоимение множественного числа, то, как видно из (11b), такая структура двусмысленна и может быть интерпретирована композиционально (11b.2), с количеством участников больше двух. В этом смысле сочинение в эве напоминает русские комитативные конструкции вида *вы с Петей*.

(11) a. *éyá* *kplé* *ŋútsù* *lá*
3SG.AUT и мужчина DEF
‘он и мужчина’

b. *wó* *kplé* *ŋútsù* *lá*
3PL.AUT и мужчина DEF
1. ‘он и мужчина’
2. ‘они и мужчина’

Однако если хотя бы один конъюнкт является локутором, инклюзивное сочинение в эве невозможно. Структуры с местоимением множественного числа в первой позиции имеют только неинклюзивную интерпретацию. Так, поскольку в (12) один из конъюнктов является локуторной именной группой, пример (12a) с местоимением 1 л. ед. ч. однозначен и обозначает в совокупности двух участников; (12b) с местоимением 1 л. мн. ч. также однозначен и обозначает в совокупности более двух участников.

(12) a. *nyè* *kplé* *ŋútsù* *lá*
1SG.AUT и мужчина DEF
‘я и мужчина’

b. *mí* *kplé* *ŋútsù* *lá*
1PL.AUT и мужчина DEF
*‘я и мужчина’
OK‘мы и мужчина’

Сочиненные группы в субъектной позиции нестандартным образом взаимодействуют с субъектными глагольными префиксами. Ключевая особенность субъектных сочиненных групп в эве – их способность вызывать дублирование лично-числовых значений субъекта, что невозможно при несочиненных субъектах, обсуждавшихся выше в разделах 2–3. Здесь можно выделить четыре базовых случая.

1. Если в первой позиции стоит местоимение единственного числа, то вне зависимости от лица конъюнктов сочиненная группа *факультативно* дублируется субъектным показателем множественного числа на глаголе (13a–b).

(13) a. *nyè* *kplé* *ŋútsù* *lá* ***(míe-)***ɖù *nú*
1SG.AUT и мужчина DEF **1PL**-жевать вещь
‘Я и мужчина поели.’
b. *éyá* *kplé* *ŋútsù* *lá* ***(wó-)***ɖù *nú*
3SG.AUT и мужчина DEF **3PL**-жевать вещь
‘Он и мужчина поели.’

2. Как было сказано выше, семантическая инклюзивная модель сочинения возможна в эве только для конъюнктов в 3 л.

В таких случаях употребление субъектного префикса на глаголе *невозможно*, ср. неграмматичный пример (14b) с (14a).

(14) a. *wó* *kplé* *ŋútsù* *lá* *ɖù* *nú*
3PL.AUT и мужчина DEF жевать вещь
‘Он и мужчина поели.’
b. **wó* *kplé* *ŋútsù* *lá* ***wó-ɖù*** *nú*
3PL.AUT и мужчина DEF **3PL**-жевать вещь
ожид. ‘Он и мужчина поели.’

То же верно и для сочинения полных именных групп, ср. грамматичный пример (15a) и неграмматичный (15b).

(15) a. *ŋútsù* *lá* *kplé* *nyɔ́nù* *lá* *ɖù* *nú*
=(10) мужчина DEF и женщина DEF жевать вещь
‘Мужчина и женщина поели.’
b. **ŋútsù* *lá* *kplé* *nyɔ́nù* *lá* ***wó-ɖù*** *nú*
мужчина DEF и женщина DEF **3PL**-жевать вещь
ожид. ‘Мужчина и женщина поели.’

3. При композициональной интерпретации структур с местоимением множественного числа для конъюнктов в 3 лице употребление субъектного префикса строго *обязательно*, ср. (16a) с неграмматичным (16b).

(16) a. *wó* *kplé* *ŋútsù* *lá* ***wó-ɖù*** *nú*
3PL.AUT и мужчина DEF 3PL-жевать вещь
‘Они и мужчина поели.’
b. **wó* *kplé* *ŋútsù* *lá* *ɖù* *nú*
3PL.AUT и мужчина DEF жевать вещь
ожид. ‘Они и мужчина поели.’

Таким образом, при идентичной модели сочинения в позиции подлежащего структура *wó kplé ŋútsù lá* интерпретируется инклюзивно (в совокупности два участника), если на глаголе нет субъектного показателя – ср. пример (14), – и композиционально (в совокупности более двух участников), если на глаголе есть субъектный показатель – ср. пример (16).

4. В структурах с местоимением множественного числа для конъюнктов в 1–2 л., которые, как было сказано выше, могут интерпретироваться только композиционально, субъектный показатель на глаголе *факультативен* (17).

(17) *mí* *kplé* *ŋútsù* *lá* ***(míe-)ɖù*** *nú*
1PL.AUT и мужчина DEF **1PL**-жевать вещь
‘Мы и мужчина поели.’

Высказанные выше наблюдения обобщены в Таблице 6.

Таблица 6. Дублирование лично-числовых значений сочиненного субъекта

структура	**интерпретация**	**1–2 лицо**	**3 лицо**
SG + NP	2 участника	факультативно	факультативно
PL + NP	2 участника		невозможно
	> 2 участников	факультативно	обязательно

Таким образом, сочиненные группы в позиции подлежащего могут дублироваться субъектным лично-числовым показателем на глаголе в форме множественного числа, что представляет собой проявление грамматической избыточности.

5. Распределение показателей 2 и 3 лица ед. числа

Как можно видеть из Таблицы 1, во 2 и 3 л. ед. ч. представлено более одного субъектного показателя[3]. В [Westermann 1907: 58] и [Rongier 2004: 105–106] представлены краткие замечания по поводу их дистрибуции, которые сводятся к тому, что показатели 2 л. *è-* и 3 л. *é-* употребляются в начале предложения, а показатели 2 л. *nè-* и 3 л. *wò-* – не в начале. Однако примеры (18a–b) ясно показывают, что, будучи сделанным строго в терминах линейного контекста, это утверждение неверно: так, в (18) первую линейную позицию занимает обстоятельство и лишь за ним следует глагол с субъектным показателем, но грамматичен пример (18a) с показателем *è-* и неграмматичен (18b) с показателем *wò-*.

[3] Аналогичные пары представлены в языке эве и для фузионных показателей 2–3 л. ед. ч., описанных в разделе 3, но не имея возможности их обсуждать в рамках этой статьи, мы не перегружаем ими Таблицы 3–5.

(18) a. *gbè* *ɖèká* ***é-yì*** *àvě* *lá* *mè*
день один **3SG**-идти лес DEF в
‘Однажды он пошел в лес.’
b. **gbè* *ɖèká* ***wò-yì*** *àvě* *lá* *mè*
день один **JNT.3SG**-идти лес DEF в
‘Однажды он пошел в лес.’

Более точным оказывается описание распределения этих показателей не в терминах линейного контекста, а в терминах контекста синтаксического.

Показатели 3 л. *é-* (19a) и 2 л. *è-* (19b) употребляются в независимой клаузе в нейтральном утвердительном контексте, тогда как показатели 3 л. *wò-* и 2 л. *nè-* (далее мы условно называем их «сопряженными») используются в целом ряде других, коммуникативно или синтаксически выделенных, контекстов.

(19) a. ***é-flè*** *lã̀*
3SG-покупать мясо
‘Он купил мясо.’
b. ***è-flè*** *lã̀*
2SG-покупать мясо
‘Ты купил мясо.’

Во-первых, «сопряженные» показатели употребляются в клаузах с вынесенной влево и маркированной показателем фокуса составляющей, как в (20a). Специфической разновидностью такого употребления являются контексты с вынесенным влево фокусом вопроса, как в (20b).

(20)a. *lã̀-é* ***wò-flè***
мясо-FOC JNT.3SG-покупать
‘Он купил мясо.’
b. *nú-kà-é* ***wò-flè*** ?
вещь-Q-FOC JNT.3SG-покупать
‘Что он купил?’

Во-вторых, «сопряженные» показатели употребляются в зависимых клаузах. В (21) «сопряженный» показатель выражает

субъект относительного предложения, а в (22) – обстоятельственного.

(21) *mè-kpɔ́ lã̀ [sì* ***wò****-flè]*
1SG-видеть мясо REL **JNT.3SG**-покупать
‘Я видел мясо, которое он купил.’

(22) [*ésì* ***wò****-gbɔ̀*] *lá mè-nɔ̀*
когда **JNT.3SG**-приходить DEF 1SG-COP.PST
àgblè mè
ферма внутри
‘Когда он пришел, я был на ферме.’

В-третьих, «сопряженные» показатели используются в сочиненных клаузах, следующих за сочинительным союзом *éyě*, в случае кореферентности субъектов главной и зависимой клауз, как в (23a), но при отсутствии кореферентности субъектов используется обычный показатель (23b). Помимо собственно сочиненных клауз, «сопряженные показатели» используются в клаузах, следующих после сочинительного союза в его дискурсивной функции, когда он не создает полипредикативную сочиненную структуру, а присоединяет новый фрагмент дискурса, как в (24).

(23) a. *ŋútsù* *lá*$_i$ *flè* *lã̀* *éyě* ***wò***$_i$*-ɖù-ì*
мужчина DEF покупать мясо и **JNT.3SG**-жевать-3SG.O
‘Мужчина$_i$ купил мясо и Ø$_i$ съел его.’

b. *ŋútsù* *lá*$_i$ *flè* *lã̀* *éyě* ***é***$_j$*-ɖù-ì*
мужчина DEF покупать мясо и **3SG**-жевать-3SG.O
‘Мужчина$_i$ купил мясо, и он$_j$ съел его.’

(24) *éyě* ***wò****-tɔ́* *éyě* *wò-gblɔ̀*
он **JNT.3SG**-останавливаться и JNT.3SG-сказать
né é-ɖókúí bé ...
DIR 3SG-сам COMP
‘Он остановился и сказал самому себе…’[4]

Употребление «сопряженного» показателя в 3 л. ед. ч. обязательно, а во 2 л. ед. ч. в перечисленных контекстах

[4] Пример взят из естественного текста, записанного ранее от другого информанта, Дж. Джонсона.

возможны как «сопряженный» показатель *nè*-, так и стандартный показатель *è*-, ср. (25a–b). Кроме того, употребление «сопряженных» показателей 2 л. ед. ч. шире, чем набор приведенных контекстов, – так, они, в отличие от «сопряженных» показателей 3 л. ед. ч., используются в общевопросительных предложениях, как в (26).

(25) a. *nú-sià-é* ***nè***-*flè*
вещь-этот-FOC **JNT.2SG**-покупать
'Вот это ты купил.' {a=b}
b. OK*nú-sià-é* ***è***-*flè*
вещь-этот-FOC **2SG**-покупать
(26) ***nè***-*dzó-à* ?
JNT.2SG-уходить-Q
'Ты ушел?'

Наличие в лично-числовой парадигме – в определенных ее клетках или полностью – особых «сопряженных» лично-числовых показателей не уникально для языков Западной Африки. Показатели со сходной дистрибуцией представлены в некоторых других языках ква [Шлуинский 2015], а также в ареально близких языках манде (южной ветви) [Макеева 2010]; [Хачатурьян / Khachaturyan 2008, 2011].

6. Заключение

В настоящей статье были рассмотрены особенности системы субъектных лично-числовых показателей в языке эве, не получавшие ранее достаточного описания и, кроме того, отчасти меняющие сложившееся представление об эве как об изолирующем языке с элементами агглютинации.

Во-первых, субъектные показатели в языке эве подвергаются фузии показателями будущего времени и отрицания, за счет чего в общем случае на синхронном уровне приходится постулировать отдельные серии отрицательных показателей, показателей будущего времени и отрицательных показателей будущего времени. Более того, фузия субъектных лично-числовых показателей имеет системные последствия, одно из которых состоит в том, что на синхронном уровне не различаются внешне форма, употребляющаяся с полной именной группой субъекта и

без нее, что нехарактерно для исходной стандартной лично-числовой серии.

Во-вторых, если субъектом клаузы является сочиненная именная группа, то субъектные лично-числовые показатели используются для дублирования лично-числовых значений субъекта. Дублирование факультативно при неинклюзивном сочинении, кроме неинклюзивно интерпретируемых структур с местоимением множественного числа у субъектов 3 л., для которых дублирование обязательно. Однако при инклюзивном сочинении субъектов 3 л. дублирование невозможно.

В-третьих, для 2 и 3 л. ед. ч. различаются стандартные и «сопряженные» показатели: «сопряженные» показатели употребляются (во 2 л. факультативно) в конструкциях с левым выносом фокусной составляющей, в зависимых клаузах и в клаузах, следующих за показателем сочинения.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, AUT – автономное местоимение, COMP – союз-комплементайзер, COP.PST – глагольная связка прошедшего времени, DEF – показатель определенности, DIR – директив, FUT – будущее время, FOC – показатель фокуса, JNT – сопряженный субъектный лично-числовой показатель, HAB – хабитуалис, NEG – показатель отрицания, O – объектное местоимение, PL – мн. число, Q – показатель вопроса, REL – показатель релятивизации, SG – ед. число.

Литература

1. Коношенко М.Б. Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2014.

2. Коношенко М.Б. Лично-числовое согласование в языках ква: предварительные наблюдения // Африканский сборник 2015. СПб., 2015.

3. Макеева Н.В. Сопряженные конструкции в кла-дан // Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп. М., 2010.

4. Хачатурьян М.Л. Глагольное спряжение в гвинейском мано // Труды ИЛИ РАН VII (6), 2008.

5. Шлуинский А.Б. «Зависимые» показатели согласования глагола у одушевленного именного класса в языке акебу // Африканский сборник 2015. СПб., 2015.

6. Ameka F.K. Ewe: its grammatical constrctions and illocutionary devices. Ph.D. diss. Canberra, 1991.

7. Creissels D. A typology of subject and object markers in African languages // E. Fridrich, K. Voeltz (eds.). Studies in African linguistic typology. Amsterdam; Philadelphia, 2005.

8. Essegbey J. Ewe // Concise Encyclopedia of Languages of the World. Amsterdam, 2006.

9. Givón T. Topic, Pronoun and Grammatical Agreement // Ch. Li (ed.). Subject and Topic. New York, 1976.

10. Haspelmath M. Coordination // Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description, vol. II: Complex constructions. 2nd ed. Cambridge, 2007.

11. Kibrik A. Reference in discourse. New York, 2011.

12. Khachaturyan M. Le système prédicatif du mano de Guinée // Mandenkan 47, 2011.

13. Lichtenberk F. Inclusory pronominals // Oceanic Linguistics 39, 2000.

14. Rongier J. Parlons Éwé: Langue du Togo. Paris etc., 2004.

15. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. New York, 1921. [Русский перевод в кн.: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.]

16. Schadeberg Th.C. A small sketch of Ewe. Köln, 1985.

17. Schwartz L. Asymmetric feature distributions in pronominal ‘coordinations’ // M. Barlowand, Ch. A. Ferguson (eds.). Agreement in Natural Language. Palo Alto, 1988.

18. Siewierska A. Person. Cambridge, 2004.

19. Westermann D. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin, 1907.

Резюме

В статье рассматриваются особенности системы субъектных лично-числовых показателей в языке эве, не получавшие ранее достаточного описания и, кроме того, отчасти меняющие сложившееся представление об эве как об изолирующем языке с элементами агглютинации. Во-первых, это фузия субъектных лично-числовых показателей с показателями будущего времени и отрицания. Во-вторых, это дублирование лично-числового значения при сочиненном субъекте. В-третьих, это дистрибуция двух разных

показателей 2 и 3 л. ед. ч., связанная с коммуникативным и синтаксическим контекстом.

Ключевые слова: *эве, лично-числовые показатели, фузия, лично-числовое дублирование, сочинение, «сопряженные» показатели.*

Summary

In this paper we discuss some morphosyntactic properties of subject person-number markers in Ewe. More specifically, we focus on those phenomena which have not been sufficiently described yet and which may alter one's view of Ewe as a typical isolating language with agglutinating features. First of all, it is the fusion of subject person markers and predicative markers of future tense and negation. Second, it is the co-occurrence of subject markers and coordinated NPs in subject position. Finally, we discuss the existing pairs of 2SG and 3SG markers, their distribution being governed by syntactic and information structure.

Key words: *Ewe, person-number markers, fusion, person-number doubling, coordination, 'conjoint' markers.*

М.А. Косогорова
ИСАА МГУ/ ИЯз РАН, Москва

Особенности заимствований из языка хауса в язык пулар-фульфульде[1]

0. Язык пулар-фульфульде, также называемый фула, фуль и пёль, принадлежит к западно-атлантической семье, но частично распространен далеко за пределами её ареала. Этим язык обязан основному традиционному ремеслу его носителей, фульбе, – отгонному скотоводству. Благодаря такому образу жизни носителей, в настоящее время язык фула имеет уникальный, дисперсный, ацентрический ареал, расположенный на территории южнее Сахары от Сенегала до (по последним данным) Эфиопии и Сомали. Однако со временем фульбе осели на всей этой территории, неизбежно контактируя с местным населением в большей степени, чем раньше.

Язык хауса является крупнейшим языком чадской семьи. Он распространён на территории современных Нигерии, Камеруна, Нигера, Чада и Судана. Оседлые земледельцы и ремесленники хауса имели ограниченный контакт с кочевниками фульбе в средние века. Однако в середине XVII века, с началом джихада фульбе-мусульман и образованием империй фульбе, взаимовлияние языков усилилось, а с началом оседания фульбе на территориях, ранее занимаемых хауса, завоеванием городов-государств хауса Усманом дан Фодио и образованием на этих землях империй фульбе культурный контакт стал очень плотным.

На территории современных Нигерии и Камеруна, где основная часть населения примерно в равных пропорциях использует фульфульде и хауса, контактные явления между этими языками выражены особенно ярко. При этом потенциал лексики, заимствованной из хауса, таков, что даже в диалектах пулар-фульфульде, не имеющих прямого контакта с хауса, встречается заметное количество заимствований из этого языка.

1. В ходе исследования контактов языков пулар-фульфульде и хауса были поставлены три задачи: во-первых, определение семантических полей заимствованной лексики; во-вторых,

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

описание механизмов грамматической адаптации, используемых для лексики хауса; наконец, при анализе заимствований из хауса важна статистика транзита заимствований через контактные диалекты в диалекты пулар-фульфульде, не имеющие прямого контакта с языком хауса.

Для реализации этих задач был отобран материал, представляющий собой заимствованные из хауса лексемы разных диалектов: в исследовании использовались данные словаря контактного восточного диалекта джамааре (Камерун) [Noye 1989], словаря неконтактного западного диалекта фута-джаллон (Гвинея) [Zoubko 1996], а также материалы корпуса пулар фута-джаллон. Анализу, таким образом, подверглись 527 заимствованных лексем, из которых большая часть предсказуемо оказалась именными лексемами. Однако около десятой части заимствований представлено глагольными лексемами, а также служебными частями речи, экскламативами и наречиями.

2. Анализ семантических полей, которые образует лексика, заимствованная из хауса, являлся первостепенной задачей исследования. Все лексемы были распределены на группы согласно их первичному значению. Следует отметить, что некоторые лексемы собирались в группы достаточно условно, в то время как другие группы оказывались весьма объёмными и однородными по составу. Семантический анализ проводился на основе данных по диалекту фульфульде-джамааре, поскольку их объём значительно (и ожидаемо) превысил объём данных по диалекту фута-джаллон.

2.1. Наиболее объёмной группой оказалась группа «артефакты», включившая в себя около пятнадцати процентов всех лексем. Семантический состав группы неоднороден, грамматически лексемы попадали в разные именные классы. Такой результат ожидаем: заимствование названий неизвестных артефактов – это первый и основной этап проникновения лексики при контакте ареалов разных языков, поэтому и гипероним, и состав группы весьма условны. В примере (1) приведены некоторые лексемы из группы артефактов.

(1) garayƴaaru NDU[2] ‘вид мандолины с 2 или 3 струнами’;
kuŋkuruŋ NGU ‘инструмент из двух тамбуринов в металлической миске’;
buudiiho KO ‘сено’;
diga NGA ‘мотыга’;
deerto NGA ‘напильник’;
asalwo NGO ‘браслет, который носят на бицепсе’.

2.2. Семантическое поле **«одежда и ткани»** занимает второе место по объёму входящей в него заимствованной лексики – чуть меньше десяти процентов всех заимствований. Оно довольно однородно по составу: в группу входят наименования одежды, названия тканей, типы нитей, краски для ткани и кожи и прочая лексика, связанная с ткачеством, портняжным и кожевенным производством. Исторически представители народа хауса, помимо земледелия, владели ремёслами, в том числе и ткачеством, и кожевенным делом. Осев, фульбе, которые не имели опыта в аналогичных ремёслах, неизбежно заимствовали эту часть лексики. Небольшая часть этой группы представлена в примере (2).

(2) girkeere NDE ‘халат без рукавов’;
saajibiire NDE ‘рубашка с длинными рукавами’;
kirtaani NDI ‘плетёная нить’;
buge ƊE ‘голубая краска для ткани’;
adikko NGEL ‘головной платок’;
kuloogu NGA ‘чёрная краска, используемая в сафьянном производстве’.

2.3. Примерно такой же объём имеет группа **«машины»**, которая включает в себя лексику, обозначающую нетрадиционную технику, введённую в обиход во время колониального раздела Африки, когда хауса несколько опередили фульбе по социальному положению, и хотя большая часть заимствований не является исконной лексикой хауса, в фульфульде они пришли через этот язык. Некоторые примеры этой группы можно увидеть в (3).

---

[2] При каждом существительном указано принятое в фуланистике название именного класса, к которому оно относится.

(3) katarko NGA ‘водобой’;
aroogo NGEL ‘будильник’;
keeke NGA ‘швейная машина’;
baskur NGEL ‘велосипед’.

2.4. Все уже перечисленные группы заимствований включали в себя исключительно существительные. Следующую же, немного менее объёмную группу (около восьми процентов всей лексики) образуют наречия, идеофоны, **речевые маркеры** и эксклaмативы. Эти части речи в языках мира редко представлены заимствованиями; такое положение в диалекте фульфульде-джамааре нестандартно. Возможным объяснением этому явлению является изменение языкового престижа фульфульде по отношению к хауса, которое повлекло за собой вытеснение исконно фульской лексики в этом сегменте. Группа неоднородна с точки зрения частей речи, но весьма однородна по составу, см. пример (4).

(4) deydey ‘точно, именно’;
cik ‘полностью’;
waanee ‘восклицание протеста’;
babaasi ‘всё, конец’;
habaa ‘ой (удивление)’.

2.5. Следующая группа, хоть и значительна по объёму – в неё входит почти восемь процентов от всей лексики – но неоднородна с точки зрения семантики. В неё входят **состояния**, которые в пулар-фульфульде обычно представлены глаголами. О механизмах адаптации глаголов в систему пулар-фульфульде см. следующий раздел.

(5) algas ‘зелёный, голубо-зелёный’;
kooree ‘блестяще-чёрный’;
ruwan-gooro ‘жёлто-оранжевый цвет’;
kaasgo ‘быть очень усталым’;
kolo ‘способ игры на тамбурине’;
hasgo ‘разделать для продажи, фасовать’.

2.6. Группа, включающая в себя имена традиционной **титулатуры** хауса, включает в себя около пяти процентов всех

заимствований, хотя, согласно [Girei 2009: 137], титулатура в обществе хауса играет важную роль, и количество заимствований этой лексики в фульфульде достаточно высоко. Впрочем, отметим, что работа [Girei 2009] описывает ситуацию в диалекте фульфульде-адамауа, который, хотя и близок к фульфульде-джамааре, но всё же имеет некоторые отличия. Группа ожидаемо однородна с грамматической точки зрения, так как при адаптации лексем в систему именных классов, названия людей попадают в общий класс людей. Примеры лексики этой группы приведены в (6).

(6) yeriima O ‘сын вождя’;
magaajiijo O ‘советник правителя’;
caamki O ‘начальник рабов, ухаживающих за лошадьми’;
jikaataajo O ‘доверенное лицо вождя’;
galdiima O ‘сановник при султане’.

2.7. Закрепление фульбе на земле привело к возникновению в их жизни объектов и явлений, которые повлекли за собой заимствование их наименований из языка хауса. Такие лексемы входят в следующие, не очень многочисленные, но семантически однородные группы, включающие в себя от четырёх до пяти процентов всех лексем. Речь идёт таких группах как «сладости», «растения», «беды» (за неимением лучшего гиперонима), «животные», «еда и питьё», «интерьер», «клички и профессии» (примеры (7a)-(7g) соответственно).

(7) **(a) Сладости**
abaakuru NGEL ‘лепёшка из арахиса, жаренная в масле’;
naakiyaari NDI ‘галета из муки сорго с мёдом и маслом’;
aleewa NGA ‘длинная лёгкая булочка’;
dakuwa NGA ‘блюдо из толчёного проса с сахаром и водой’;
fuura NGA ‘шарики из проса, обвалянные в муке’;
(b) Растения
ganyi KI ‘ним’ *Azadirachta indica;*
reke NGAL ‘сахарный тростник’ *Saccharum officinarum, Linn.*;
kudakuure NDE ‘сладкий картофель’ *Ipomea Batatas, Poir.*;
iiwaare NDE ‘злак, растущий в болотистой местности’ *Jardinea Congoensis, Franch.*;
(c) Беды
daakaare NDE ‘человек лёгких нравов, дебошир’;

kuturuujo O ‘прокажённый’;
rigima KA ‘подделка’;
jawarjo O ‘распутник’;
caca O ‘азартная игра’;
(d) Животные
tolotolo NGA ‘индюк’;
kurkutu NGEL ‘муравьиный лев’;
awraare NDE ‘осёл с рыжей шкурой’;
amaalewa NGA ‘верблюд-самец’;
(e) Еда и питьё
kindirmu ƊAM ‘холодное молоко’;
ndagasi ƊAM ‘молозиво’;
gaari NDI ‘мучная похлёбка’;
sittaare NDE ‘перец’;
(f) Интерьер
dagaliire NDE ‘место для сидения из глины’;
laabule NGA ‘занавеска на входе’;
dampaaniwol NGOL ‘изгородь из соломы, окружающая усадьбу’;
soorowol NGOL ‘прямоугольный дом из нескольких комнат’;
(g) Клички и профессии
baangiijo O ‘холостяк’;
wambay ‘прозвище человека, которого зовут Мамуду’;
zagiijo O ‘валет, тот, кто ведёт лошадь правителя при переходах’;
wanjamjo O ‘цирюльник’.

2.8. Этнокультурные причины, повлёкшие за собой образование группы заимствований с общим семантическим значением «одежда и ткани» описаны в п.2.3; аналогичными причинами обусловлено формирование группы заимствований **«тара»**, включающей в себя незначительное, но семантически однородное число заимствований. В группу входят вместилища предметов, чаще всего металлические, однако бывают исключения. Некоторые примеры из этой группы приведены в (8)

(8) addilaare NDE ‘корзина для переноски предметов’;
tanagaaru NDU ‘металлический бидон’;
buhuure NDE ‘мешок’;
daaro NGO ‘большой таз’.

2.9. Наконец, оставшиеся заимствования можно объединить под условным гиперонимом «**административные явления».** Группа насчитывает 23 заимствования, некоторые из которых приведены в примере (9). Причины, вызвавшие заимствование лексем этой группы, можно, вслед за [Girei 2009] охарактеризовать как «социолингвистическая необходимость».

(9) terere NDE ‘коммерция’;
baariki NGA ‘административный офис’;
dooka KA ‘полицейская операция’;
garaama KA ‘подушный налог’.

3. Процесс адаптации заимствований в язык фула состоит из фонетической и грамматической адаптации. Фонетическая адаптация из тонального языка хауса в язык пулар-фульфульде, который различает долготу гласных, но не использует тоны, представляет отдельный интерес, но описан в литературе, в частности [Girei 2009], так что в настоящей работе рассматриваться не будет. Процесс же грамматической адаптации заимствований можно разделить на два практически независимых явления: интродукция заимствований в систему именных классов и интродукция глагольных лексем в трёхзалоговую систему.

3.1. При адаптации глаголов по залогам в активный залог (*deertugo* ‘подпиливать’ (Act)) попало около трёх четвёртых изо всех глагольных заимствований, остальные же попали в медиальный залог (*awnago* ‘взвешивать’ (Md)). Существует наблюдение [Arnott 1956: 142], что многие непроизводно-медиальные глаголы в пулар-фульфульде являются в оригинале заимствованиями, однако они уже адаптированы в глагольную систему, с трудом поддаются вычленению и не фигурируют в данном исследовании.

3.2. Что касается адаптации именной лексики, механизм распределения подробно обсуждался в работах [Коваль 1998] и [Косогорова 2014] для всех источников заимствований. Для заимствований из хауса, однако, следует сделать несколько замечаний к общефульской стратегии адаптации.

Во-первых, семантический принцип распределения новой лексики по именным классам является превалирующим для языка хауса, который, хоть и не является близкородственным к пулар-

фульфульде, но не требует сильных фонетических и структурных изменений. Существует одно исключение: существительные, классифицированные по классу KA попали туда, скорее всего, по **формально-фонетическому**, а не по семантическому принципу (*calka* KA ‘туалет’; *daama* KA ‘выздоровление’).

Особо стоит отметить безупречное действие **семантического** принципа адаптации заимствований в следующие классы.

– Все существительные, обозначающие людей, попали в сингулярно-личный класс O, при этом множественное число они образуют по нестандартной схеме класса ƁE <Sg+’en> (*amuraajo* O - *amuraa’en* ƁE ‘бандит с большой дороги’).

– Существительные, обозначающие жидкости, были классифицированы в именной класс ƊAM (*baaraasa* ƊAM ‘алкоголь’).

– Существительные pluralia tantum попали в именной класс ƊE (*kare* ƊE ‘товары’), при наличии и другого немаркированного плюрального именного класса ƊI.

– Весьма многочисленна группа существительных, попавших в класс NDE. Они оформлены аффиксом класса и классифицированы по семантическому принципу (поля «животные» – *alfadariire* NDE ‘мул’; «часть от целого» – *atarasre* NDE ‘красный орех кола’; «домашняя утварь» – *borgoore* NDE ‘тканое покрывало’; «отглагольное имя» – *massallaare* NDE ‘место для молитвы’).

– Лексика, попавшая в класс NGOL, классифицирована по семантическому признаку «тонко-длинный предмет» (*mabaraswol* NGOL ‘белый тюрбан’). Таких лексем насчитывается не более 20.

– Класс NGEL насчитывает около 30 заимствований с общим значением диминутива. При этом плюральные формы от части заимствований образуются по немаркированному плюральному классу ƊI , указывая на исконность диминутива (*kurkutu* NGEL – *kurkuti* ƊI ‘муравьиный лев’), а от других— по диминутивно-плюральному классу KON, указывая на диминутивный дериват (*yeriyel* NGEL – *yerihon* KON ‘серьга кольцом’).

– Прочие классы (KI, KO, NDI, NDU, NGU, NGO и NGAL), насчитывающие от 5 до 20 заимствований каждый, более

разнородны в семантическом плане, однако лексические данные также указывают на семантический принцип классификации.

Формально-грамматическая стратегия адаптации заимствований (стратегия «свалочного класса») используется в меньшей степени, нежели семантическая, однако согласно ей были адаптированы около трети неличных заимствований. В диалекте фульфульде-джамааре в роли «свалочного» класса – приёмника неадаптирвоанных заимствований выступает класс NGA (*galma* NGA – *galmaaji* DI ‘мотыга с двойным наконечником’).

Что касается образования плюральных форм, то здесь (за исключением класса NGEL), заимствованная лексика полностью адаптирована в классную систему. Полученные данные однозначно указывают на каноничность выбора плюрального класса для каждого из сингулярных.

При грамматической адаптации существительных система анлаутного чередования, безошибочно функционирующая в исконной лексике рассматриваемого восточного диалекта фульфульде, не используется. Это не является исключительной особенностью заимствований из языка хауса; если заимствованное существительное адаптирует свой анлаут в соответствии с системой классного циркумфикса, его можно с уверенностью назвать полностью адаптировавшимся в систему языка.

4. В заключение приведём результаты анализа данных другого диалекта пулар-фульфульде – западного диалекта пулар-фута-джаллон, не имеющего прямого контакта с хауса и получающего заимствования через другие диалекты. Таких заимствований оказалось чуть более шестидесяти. Лексемы, заимствованные в диалект фута-джаллон, составляют подмножество лексем, заимствованных в диалект фульфульде-джамааре. Таким образом, при распространении заимствованной лексики через контактные диалекты в неконтактные отсеивается более восьмидесяти процентов заимствований. Заимствования «из соображений престижа» при отсутствии контакта не имеют более социолингвистической базы, а при заимствовании лексики культурного порядка выбирается другой язык-донор, из числа контактных.

И наконец, отметим, что заимствования, не имеющие синонимов среди исконно фульской лексики, составили чуть

более трети, что демонстрирует скорее социальные, нежели культурные различия между этносами фульбе и хауса на контактной территории.

Литература

1. Коваль А.И. Маршруты интродукции заимствований в классную систему // Африка: общества, культуры, языки. Под ред. Следзевского И.В., Бондаренко Д.М. М., 1998.
2. Косогорова М.А. Имена существительные, заимствованные в язык пулар, и возможность их автоматической обработки // Языки Стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции. СПб., Издательство “Студия НП-Принт”, 2014.
3. Arnott D.W. The middle voice in Fula. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, XVIII, 1. London, 1956.
4. Girei A. U. Hausa loanwords in Adamawa Fulfulde: A question of prestige or sociolinguistic necessity. // When Languages Meet. Language Contact and Change in West Africa. Köln, Rüdiger Köppe Verlag, 2009.
5. Noye D. Dictionnaire foulfouldé-français, dialecte peul du Diamaré du Nord-Cameroun. Paris, Librarie Orientaliste, 1989.
6. Zoubko G. Dictionnaire peul-français. Osaka, National museum of Ethnology, 1996.

Резюме

В статье рассматривается синхронная ситуация с заимствованиями из языка хауса (чадская семья) в язык пулар-фульфульде (фула, западно-атлантическая семья). Основной контакт этих языков происходит на территории современной Нигерии. Заимствования были проанализированы с точки зрения их семантики и грамматической адаптации в систему языка пулар-фульфульде. Кроме того, было проведено сравнение списка заимствований в диалект, контактирующий с хауса практически напрямую, и в диалект, не имеющий прямых контактов с языком хауса.

Ключевые слова: *язык фула, язык хауса, заимствования, именной класс, морфология, семантика, языковые контакты.*

Summary

The article discusses the synchronic contact situation between Pular-Fulfulde (or Fula) language (Atlantic family) and Hausa language (Chadic

family). The main contact area for these two languages is located on the territory of modern Nigeria. The adopted lexemes are analyzed from the semantic and grammatical points of view, including the loaning fields and the loanword adaptation into the Pular-Fulfulde complex morphology. Additional attention is paid to the difference in data from different dialects: one is in direct contact with Hausa and the other is not.

Keywords: *Fula language, Hausa language, Loanwords, Noun class, Morphology, Semantics, Language contacts.*

С.В. Краснощекова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Дейктические местоимения в речи взрослых, обращенной к ребенку[1]

1. Введение

Дейктическими местоимениями здесь называются местоимения, имеющие отношение к дейксису или анафоре — личные, лично-притяжательные, указательные, возвратные и относительные. Поведение местоимений в речи ребенка очевидным образом отличается от поведения местоимений в разговорной речи взрослого. Отличия наблюдаются в частотности лексем (так, дети практически не используют местоимение *тот*, тогда как в речи взрослых оно регулярно), частотности отдельных функций и значений (так, указательные местоимения в анафорической функции маргинальны в речи ребенка), разнообразии парадигмы (в речи детей крайне редки или отсутствуют формы косвенных падежей множественного числа местоимений). Эти отличия обусловлены как уровнем развития языковой системы и когнитивных механизмов конкретного ребенка, так и особенностями функционирования местоимений в речевом инпуте — речи взрослых, обращенной непосредственно к ребенку. Известно, что при общении с ребенком взрослый использует особый речевой регистр (child-directed speech, речь, обращенная к ребенку); мы предполагаем, что поведение местоимений в речи, обращенной к ребенку, также является одной из характеристик этого регистра.

2. Материал

Выявить сходства и различия местоимений в речи детей и речи взрослых позволяет сравнение речевых профилей детей и их взрослых собеседников, составленных на основе корпусных записей детской речи. Для этого использовались расшифровки аудиозаписей в формате CHILDES с морфологической разметкой из Фонда данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена и

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

Института лингвистических исследований РАН. Отбор словоформ производился с помощью команд freq (частота словоформы) и qwal (выдача всех контекстов с заданной последовательностью) в пакете программ CLAN. Были составлены профили четырех детей (Вани, Вити, Лизы и Филиппа) и параллельные профили их взрослых собеседников (матери Вити, матери Лизы, матери Филиппа и бабушки Вани). Были составлены «местоименные профили», где отмечалось общее количество словоупотреблений каждого конкретного местоимения за определенный день раз в месяц. На рисунках 1 и 2 для примера приведены профили Вани и его бабушки (разряды местоимений).

Рисунок 1. Разряды местоимений (Ваня)

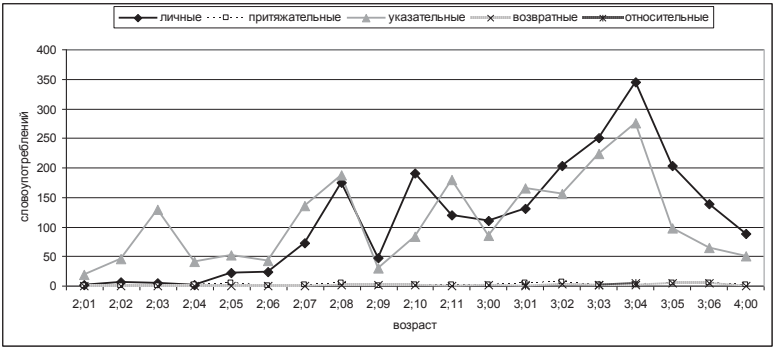
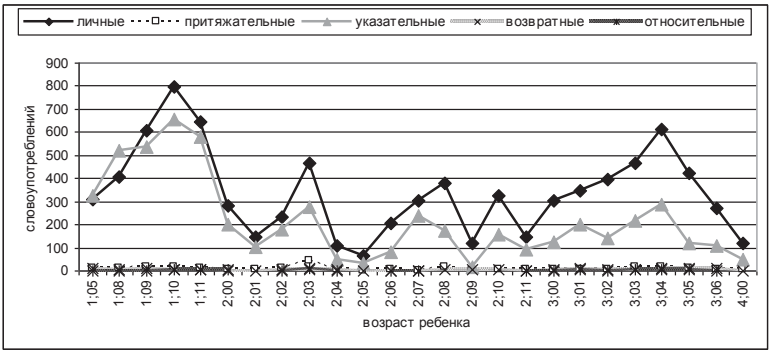


Рисунок 2. Разряды местоимений (бабушка Вани)



3. Стратегии детей и их взрослых собеседников

3.1. Ваня

Система дейктических местоимений Вани развивается следующим образом: первыми появляются указательные местоимения; личные местоимения возникают во время перехода от стадии голофраз к стадии двусловных высказываний, но до 2;7[2] используются спорадически, как замороженные ярлыки [Доброва 2003]. В 2;7 *я*, *ты* и *он* резко становятся крайне частотными, причем *я* используется при указании на говорящего, *ты* — при обращении к собеседнику. Притяжательные, возвратные и относительные местоимения возникают друг за другом. Два последних разряда остаются маргинальными: суммарное число за каждый рассмотренный день не превышает 10 единиц.

Стратегия Вани имеет несколько отличительных черт. Местоимения развиваются сравнительно поздно, после 2 лет, и, вероятно, по этой причине основные лексемы возникают одновременно (*я*, *ты* и *он*; *этот* и *такой*). Ваня начинает с указательных местоимений, личные добавляются через 2–3 месяца. Местоименный взрыв (этап, когда число словоупотреблений местоимений в речи резко возрастает) происходит в 2;8, второй существенный подъем частотности в 3;4 связан с развитием анафорического механизма. Лексический взрыв совпадает по времени с подъемом указательных местоимений в 2;3. Местоименный лексикон Вани разнообразен.

В речи основного взрослого собеседника Вани, его бабушки, можно отметить следующие особенности. По-видимому, универсальной характеристикой речи взрослых в диалоге с ребенком является высокая частотность *ты* по сравнению с невысокой частотностью *я*. Вторая распространенная, но не универсальная стратегия — употребление определенных языковых единиц в зоне ближайшего развития ребенка [Выготский 1956: 447–448], то есть за некоторое время до возникновения этих единиц в речи, на этапе, когда ребенок готов их усвоить. Бабушка Вани использует стратегию «зоны ближайшего развития» применительно к поздним, редким и

[2] Возраст ребенка приводится в формате «количество полных лет; месяцев; (дней)».

периферийным для ребенка местоимениям (*тот, вы, себя, свой*): на раннем этапе она употребляет эти местоимения относительно регулярно, затем сводит их употребление к минимуму и затем снова вводит в речь; через 1–2 месяца местоимения появляются у ребенка. Третьей особенностью речи взрослого является то, что наборы косвенных форм местоимений *он, этот, такой* у взрослого более разнообразны, чем у ребенка: формы предложного падежа, винительного с предлогом, косвенных падежей множественного числа, не зафиксированные в речевом материале Вани, регулярно появляются в речи его бабушки.

3.2. Лиза

В речевой продукции Лизы первыми появляются и долгое время остаются наиболее частотными указательные лексемы и некоторые замороженные формы личных местоимений [Елисеева 2008: 72]. Лиза начинает регулярно использовать большое количество местоимений позже, чем Ваня (в 2,9–2,11), при том что лексический взрыв у нее происходит на несколько месяцев раньше, чем у Вани, а первые замороженные формы возникают в 2;0 или раньше. Личные местоимения возникают в 2;3, рост количества словоупотреблений начинается в 2;9. До определенного возраста лидирующее положение занимает не *я*, как следовало бы ожидать, а *ты* и *мы*. Высокая частотность *ты* связана с тем, что Лиза употребляет эхолалическое *ты*, говоря о себе. Можно было бы предположить, что частотность *мы* зависит от речевого инпута (мать использует *мы*, обращаясь к ребенку), однако это не подтверждается данными речи взрослого (рис. 13, табл. 5): на протяжении всего рассматриваемого периода *мы* в речи матери занимает периферийное положение, а *ты* — лидирующее. Указательные местоимения проходят два подъема — в 2;2 (только указательные) и в 2;10 (местоименный взрыв) — и занимают важнейшее положение в дейктической системе Лизы. Возраст 2;11 можно считать важным для освоения анафоры: в это время возрастает количество *он* и возникают относительные конструкции; возвратные местоимения практически не используются до 3;4.

Стратегию Лизы можно определить как ориентированную на указательные местоимения. Лиза, как референциальный (номинативный) ребенок, предпочитает использовать полнозначные имена, и единственным средством местоименной замены оказывается этот. Вероятно, местоименные свойства

осваиваются с помощью указательных местоимений, тогда как персональный дейксис формируется на базе личных форм глагола.

Мать Лизы использует стратегии взрослого, обнаруженные в речи бабушки Вани: высокая частотность *ты* по сравнению с невысокой частотностью *я* (начиная с возраста ребенка 2;8 — 2;9), разнообразие парадигмы и стратегия зоны ближайшего развития, причем последняя стратегия применяется не только для периферийных местоимений, как в предыдущем случае, но и для высокочастотных, таких как *этот*. Подъемам местоимений в речи взрослого соответствуют запаздывающие на несколько месяцев подъемы в речи ребенка (1;10 — 2;2, 2;9 — 2;11). Подобную стратегию можно назвать глобальной стратегией зоны ближайшего развития. Вероятно, характеристиками инпута объясняется центральное положение *этот* в речи Лизы: если в речи бабушки Вани личные местоимения на каждом этапе более частотны, чем указательные, то в материале матери Лизы существуют моменты, в которых число указательных превышает число личных.

3.3. Витя

В речи Вити указательные и личные местоимения возникают практически одновременно, как у Вани, однако начинают использоваться регулярно только с 2;7. Затем появляются притяжательные, возвратные и относительные местоимения. Хотя порядок возникновения лексем объединяет всех трех детей, речь Вити отличается по количеству словоформ: в период 2;1–2;6 местоимения используются спорадически; первый подъем происходит в 2;7, а местоименный взрыв наблюдается в 2;11 (лексический взрыв — в 2;6). Среди личных местоимений неожиданно высокое место с самого начала занимает *он*; кроме того, редкое у большинства детей *вы* используется Витей регулярно с момента местоименного взрыва. Редкое указательное местоимение *тот* также начинает употребляться относительно рано (с 2;5) и регулярно используется в дейктическом значении (указание на дальний объект). Лексикон Вити разнообразен и включает редкие в речи других детей местоимения, но большинство лексем занимают среднее положение по частотности.

Мать Вити не пользуется глобальной стратегией зоны ближайшего развития: подъемы местоимений в ее речевом

материале совпадают по времени с подъемами в речи ребенка, а не предваряют их; стратегия фиксируется только для *тот* и возвратных. Местоимения *вы* и *тот* зафиксированы в речи матери в меньшем объеме, чем в речи ребенка (*вы*: 4 употребления у матери, 27 у ребенка; *тот*: 42 употребления у матери, 59 у ребенка), то есть ребенок ориентировался здесь на инпут из других источников; или речевая ситуация, в которой мать ввела местоимение, не отражена в нашем материале.

3.4. Филипп

Корпус Филиппа охватывает возраст только до 2,8, поэтому поздний этап освоения местоимений не представлен. Первые местоимения в речи Филиппа отмечаются еще в 1;8. Разряды местоимений развиваются по-разному: значимой точкой для личных и притяжательных, а также для возвратных местоимений является возраст 2,2, для указательных — 2;1 и в большей степени 2;5. С самого начала Филипп уделяет внимание и личным, и указательным местоимениям. Хотя освоение личных местоимений начинается с 1-го лица, в дальнейшем Филипп не отдает предпочтения исключительно личным или указательным местоимениям с семантикой «близости». Определенные участки местоименной системы осваиваются им раньше, чем другими детьми, что может быть связано с его «повторительной» стратегией [Воейкова 2011: 252–261].

Мать Филиппа использует глобальную стратегию зоны ближайшего развития для групп местоимений: так, в начале указательные местоимения превалируют над личными и у матери, и у ребенка; в 1;11 смещение в сторону личных происходит у матери; в 2;1 — у ребенка; внутри разрядов стратегия обнаруживается только для местоимения *он*; другие местоимения развиваются у ребенка независимо от характеристик инпута. На раннем этапе мать чрезвычайно широко использует *этот*, что, вероятно, помогает ребенку быстро освоить дейктический механизм.

4. Местоимения в речи ребенка и взрослого: сходства, различия, зависимость

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что при освоении местоимений дети проходят одинаковые стадии, но различаются по набору местоимений, который используется на раннем этапе, и по возрастным границам.

Обычно местоимения возникают на этапе трехсловных высказываний, до этого используются в основном неизменяемые или замороженные формы. Местоименный взрыв отмечается у всех четырех детей и происходит через несколько месяцев после лексического взрыва. У всех детей на раннем этапе число указательных местоимений превышает число личных; затем их количество сравнивается; затем личные выходят на первое место (у Филиппа третьего шага еще не происходит). Тем не менее, на раннем этапе разные дети ориентируются на разные местоимения. Ваня и Лиза ориентированы на указательные местоимения: в их речи указательные возникают раньше личных и до определенного момента превалируют над ними. Филиппа и Витю можно назвать детьми со сбалансированным развитием личных и указательных местоимений: в речи Вити местоимения обоих разрядов возникают одновременно, в речи Филиппа между появлением указательных и личных местоимений проходит месяц. Дети, ориентированные на указательные местоимения, поздно осваивают местоименные оппозиции: у Лизы оппозиция *я*/*он* развивается через 10 месяцев после появления первых местоимений, у Вани — через 7 месяцев. У детей со сбалансированным развитием местоимений оппозиции возникают через 1–3 месяца после появления первых местоименных словоформ. Вероятно, такие дети, ориентированные на указательные местоимения, испытывают трудности с освоением шифтеров. Общий порядок появления местоимений примерно совпадает у всех детей: личные и указательные — притяжательные — возвратные — относительные.

При этом взрослые могут использовать как стратегию превалирования личных (бабушка Вани, мать Филиппа), так и стратегию попеременного главенствования личных и указательных (мать Лизы, мать Вити). Эта особенность детской речи, таким образом, не зависит от инпута.

Дети различаются по возрасту появления местоимений и, соответственно, возрасту основного местоименного взрыва. По этому параметру Филипп и Лиза — дети, которые начинают порождать местоимения рано; Витя — ребенок, начинающий порождать местоимения поздно; Ваня начинает использовать местоимения позже, чем два первых ребенка, но раньше, чем Витя. Взрослые собеседники детей с ранним появлением

местоимениями используют глобальную стратегию зоны ближайшего развития, взрослые собеседники детей с поздним появлением местоимений используют эту стратегию применительно к низкочастотным местоимениям.

Частотность местоимения в речи взрослого обычно влияет на возраст его освоения (чем местоимение частотнее, тем раньше оно появляется у ребенка), однако не всегда коррелирует с частотностью в речи ребенка.

Позднее появление и низкая частотность местоимения *вы* у ребенка коррелирует с редкостью лексемы в речи взрослого, что, в свою очередь, связано с отсутствием прагматической необходимости в этом местоимении в ситуациях общения с ребенком. Таким же образом можно объяснить позднее освоение местоимений *себя*, *свой*, притяжательных 3-го лица и др. Распределение подтверждается данными Национального корпуса русского языка. Местоимение *тот*, по всей видимости, по-разному ведет себя в речи взрослых, обращенной к ребенку, и в речи взрослых, обращенной к взрослому. По данным устного подкорпуса НКРЯ, соотношение между *этот* и *тот* составляет 2:1 (260 тысяч и 132 тысячи словоупотреблений соответственно), тогда как в речи взрослых собеседников ребенка это соотношение находится на уровне от 10:1 (мать Вити) до 70:1 (мать Филиппа). Можно предположить, что взрослый сознательно не выбирает когнитивно трудные для ребенка единицы и синтаксически сложные конструкции.

Корреляция употребления местоимения *я* ребенком и употребления *ты* взрослым, вероятно, связана с бидирективным эффектом (чем больше *ты* у взрослого, тем больше *я* у ребенка; в то же время, чем больше ребенок использует *я,* тем больше взрослый использует *ты*).

Характеристики высокочастотных местоимений в речи ребенка в меньшей степени зависят от инпута. Это подтверждает наблюдение Г. Р. Добровой о том, что соотношение местоимений и существительных в речи взрослых не влияет на их относительную частотность в речи ребенка [Доброва 2003, 2009], а также тезис, приведенный в [Bates et al. 1988: 58]: употребление взрослым существительных и местоимений не влияет на формирование у ребенка референциальной (ребенок предпочитает существительные) или экспрессивной (ребенок предпочитает местоимения) стратегии.

5. Выводы

Дети, взрослые собеседники которых используют глобальную стратегию зоны ближайшего развития, начинают использовать местоимения раньше своих сверстников. Дети, взрослые собеседники которых используют стратегию зоны ближайшего развития для низкочастотных местоимений, обладают более разнообразным лексиконом, чем их сверстники.

Частотность местоимений в речи взрослого влияет на возраст их освоения ребенком. Корреляция частотности местоимений в речи взрослых и детей наблюдается только для редких местоимений. Использование ребенком грамматических форм не зависит напрямую от речи взрослых.

Речь взрослых, обращенная к ребенку, отличается от разговорной речи взрослых, обращенной к взрослому: взрослый ориентируется на ребенка, подбирая более простые (понятные, четкие, перцептивно выпуклые) единицы.

Литература

1. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.

2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М., 1956.

3. Доброва Г. Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальные и экспрессивные стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.

4. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003.

5. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.

6. Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge, 1988.

Резюме

В статье проводится сравнение речи четырех детей и их взрослых собеседников и делаются выводы о том, какие особенности функционирования местоимений в речи детей зависят от характеристик речи взрослого (возраст возникновения местоимений,

разнообразие местоименного лексикона, частотность редких для ребенка местоимений *вы*, *тот*, *себя*).

Ключевые слова: *русский язык, освоение языка, местоимения, дейксис, речь, обращенная к ребенку.*

Summary

The article is dedicated to comparison between the speech of four Russian-speaking children and their adult interlocutors. The conclusions refer to the features of pronouns in the speech of children that depend on the properties of the adult's speech (age of occurrence of pronouns, diversity of pronominal vocabulary, frequency of pronouns *vy* 'you-PL', *tot* 'that', *seb'a* 'oneself' that are infrequent in the speech of children).

Keywords: *first language acquisition, child-directed speech, pronouns, deixis.*

А.С. Крылова
РГГУ, Москва

Видовременная система куллуи (западная группа пахари)[1]

Куллуи – один из идиомов западной группы пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи языков. Рассматриваемые материалы получены в ходе лингвистической экспедиции в д. Наггар индийского штата Химачал-Прадеш в 2014 году.[2]

Базовая информация о грамматике куллуи имеется в описаниях М.Р. Ранганатхи [Ranganatha, 1981] и М. Р. Тхакура [Thakur, 1975]. В целом видовременная система куллуи в литературе описана фрагментарно и противоречиво, примеры отсутствуют, о семантике можно лишь делать предположения на основе названий, которые дают авторы тем или иным формам.

Финитные формы в новых индоарийских языках обладают рядом сходных типологических черт. Число синтетических форм невелико по сравнению с аналитическими. Аналитические формы можно разделить на первичные и вторичные. *Первичные аналитические формы* состоят из двух компонентов: непредикативной формы смыслового глагола и предикативной формы *первичного* (обычно бытийного) *вспомогательного глагола*. *Вторичные аналитические формы* соединяют непредикативную форму смыслового глагола с предикативной (синтетической или аналитической) формой *вторичного вспомогательного глагола*. В качестве *непредикативной части первичной аналитической глагольной формы* чаще всего встречаются *перфективное* и *имперфективное причастия*, а также аналитическое *дуративное причастие*, но в отдельных языках встречаются и другие варианты. *Первичный вспомогательный глагол (связка)* может выступать в *настоящем*,

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-34-11040 «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи», 2016-2018 гг. (рук. Е.М. Князева).

[2] Полевая работа выполнена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)» (2014-2015 гг.).

прошедшем и *будущем времени*, а также в *условном* и *сослагательном наклонениях*.

Г.А. Зограф [Зограф, 1977: 267-280] предлагал для систематизации финитных глагольных форм в индоарийских языках следующую схему:

формы классифицируются, с одной стороны, по той части, которая представлена *предикативной формой* (связкой или смысловым глаголом), с другой – по предшествующей *непредикативной форме*. Как первая, так и вторая часть формы может быть нулевой, в этом случае форма будет синтетической. *Предикативная часть* формы выражает *время* и *наклонение*, *непредикативная – вид*. Категория *способа действия*, выражаемая с помощью *вторичных аналитических глагольных форм*, представляет собой по формальным признакам третий параметр, хотя семантически является расширением категории *вида*. В таблицу, построенную по этим двум параметрам, вписываются все личные формы, кроме *оптатива / императива* и *вторичных аналитических*. Формы в таблицах даны в *мужском роде единственного числа*.

Использование этих принципов классификации оказывается продуктивным и для описания видовременной системы куллуи. Мы попытались соотнести с таблицей Зографа (слегка модифицировав её внешний вид) глагольные парадигмы, представленные в грамматиках М.Р. Ранганатхи и М.Р. Тхакура, а также составить таблицу на основании собственных полевых данных.

В куллуи среди нефинитных форм, образующих *первичные аналитические формы*, можно перечислить: *имперфективное причастие* (kʰaːn-da от kʰaːna ‘есть, кушать’), *первичное перфективное причастие* (kʰaː-u), *вторичное перфективное причастие* (kʰaː-uː-da), *хабитуальный герундий* (kha), *инфинитив* (kʰaː-na), *аналитическое дуративное причастие* (kʰaːn-da lagaːda).[3]

[3] Первичное (простое) перфективное причастие – исторически форма перфектного причастия, ныне употребляется только в составе предикативных форм наряду с новым *вторичным (составным) перфективным причастием*, употребляющимся также в адъективной функции. Ср. аналогичную ситуацию в непали [Зограф 1977: 216]; герундий

По предикативной части формы в куллуи можно выделить пять групп глагольных форм: нулевая связка, связка в *настоящем времени* (sa/ha, si/hi), в *прошедшем времени* (t^hi:), а также две формы, которые образуются как от вспомогательного, так и от смысловых глаголов: *сослагательное наклонение* (hola, holi, hole) и *условное наклонение* (hũ:da, hũ:di, hũ:de).

Таблица 1. Видовременная система куллуи по [Ranganatha, 1981] (глагол de:kh- ‘смотреть’)

связка	0	**sa**	**thi**	**hola**
синтетические				*future indicative* de:khla
инфинитив	*future indefinite* de:khɳa			
хабитуальный герундий		*present habitual* de:kha sa	*past habitual* de:kha thi	
имперфективное причастие	*present participle* de:khda	*present indicative* de:khda sa		
первичное перфективное причастие	*past indicative* de:khu		*past perfect* de:khu thi	
вторичное перфективное причастие	*static present* de:khuda		*static past* de:khuda thi	

Надо отметить, что *future indicative*, согласно Ранганатхи, сохраняет противопоставление по лицу, фактически почти полностью отстутствующее у глагола в куллуи. Формой первого лица обоих чисел Ранганатха считает de:khnu, которую Тхакур относит к парадигме *императива* (что подтверждается и нашими наблюдениями).

– форма, употребляющаяся только в составе аналитического предиката; laga:da – имперфективное причастие от вспомогательного глагола lag-, используется при образовании аналитического дуративного причастия.

Таблица 2. Видовременная система куллуи по [Thakur, 1975] (глагол uṭh- ‘вставать’)

связка	0	**sa**	**thi**	**hola**	**hūda**
синтетические				*Сослагательное будущее uṭhla*	*Неопределённое условное uṭhda*
инфинитив	*Неопределённое будущее uṭhna*				
хабитуальный герундий		*Неопределённое настоящее uṭha sa*	*Несовершенное прошедшее uṭha thi*	*Сомнительное настоящее uṭha hola*	*Несовершенное условное uṭhā hũdā*
имперфективное причастие	*Причастие настоящего времени uṭʰda*				
первичное перфективное причастие	*Неопределённое прошедшее uṭhu*	*Близкое прошедшее uṭhu sa*	*Совершенное прошедшее uṭhu thi*	*Сомнительное прошедшее uṭhu hola*	*Совершенное условное uṭhū hũdā*
вторичное перфективное причастие	*Неопределённое прошедшее uṭhuda*	*Близкое прошедшее uṭhuda sa*	*Совершенное прошедшее uṭhuda thi*	*Сомнительное прошедшее uṭhuda hola*	*Совершенное условное uṭhuda hũdā*

Тхакур даёт одинаковые названия формам, образованным с помощью *первичного* и *вторичного перфективных причастий*. При этом он замечает, что *неопределённое прошедшее* чаще образуется с *первичным причастием*, а прочие формы – с *вторичным*. Это хорошо согласуется с нашими наблюдениями – составное причастие без связки встречалось нам только в атрибутивной функции, а простое причастие со связкой – многократно, но только у одного информанта. В целом, можно заметить, что две данные выше таблицы не совпадают ни по заполнению, ни по значению, которое можно предположить исходя из номенклатуры форм.

Таблица 3. Система видовременных форм куллуи (на основе полевых данных)[4]

связка	*0*	***sa***	***thi***	***hola***	***[hũda]***
синтетические				*Конъюнктив kɛrla* (5, 6, 7)	*Кондиционалис kɛrda* (8, 9)
инфинитив	*Проспектив kɛrna* (5, 6, 10)	*Проспектив непосредственного действия kɛrna sa* (11, 12)	*Проспектив прошедшего времени kɛrna thi* (8, 9)	*Проспектив сослагательного наклонения kɛrna hola* (12)	*[kɛrna hũda]*
хабитуальный герундий	*[kɛra]*	*Хабитуалис настоящего времени kɛra sa* (7, 13, 14)	*Хабитуалис прошедшего времени kɛra t hi* (15, 16)	*[kɛra hola]*	*[kɛra hũda]*
имперфективное причастие	*Неличная форма [kɛrda]*	*Имперфектив настоящего времени kɛrda sa* (17, 18)	*[kɛrda thi]*	*[kɛrda hola]*	*[kɛrda hũda]*
первичное перфективное причастие	*Результатив kɛru (4, 19, 20, 24)*	*Первичный результатив настоящего времени kɛru sa* (21, 22)	*Первичный результатив прошедшего времени kɛru thi* (23, 24, 25)	*[kɛru hola]*	*[kɛru hũda]*
вторичное перфективное причастие	*Неличная форма [kɛruda]*	*Вторичный результатив настоящего времени kɛruda sa* (26, 27, 28, 29)	*Вторичный результатив прошедшего времени kɛruda thi* (3, 30, 31)	*[kɛruda hola]*	*[kɛruda hũda]*
аналитическое дуративное причастие	*[kɛrda laga:da]*	*Дуратив настоящего времени kɛrda laga:da sa* (32, 33)	*[kɛrda laga:da thi]*	*[kɛrda laga:da hola]*	*[kɛrda laga:da hũda]*

Хабитуальный герундий, по-видимому, не употребляется без связки, а имперфективное причастие без связки употребляется в атрибутивной функции. Составное перфективное причастие без связки употребляется только в атрибутивной функции. Финитные формы с имперфективным причастием встречаются нечасто и,

[4] Комментарий «неличная форма» означает, что данная синтетическая форма самостоятельно употребляется только в непредикативной функции, квадратные скобки – что предикативная форма нам не встретилась в полевых данных, возможно, из-за сложности контекста. В круглых скобках даны номера примеров.

по-видимому, вытесняются, в зависимости от контекста, хабитуальными или дуративными формами. Прочие формы, заключённые в квадратные скобки, могли нам не встретиться как из-за своей неупотребительности, так и из-за сложности контекста.

(1) *asɛ* ***si*** *na* *deːʃi* *maːŋu* *deːʃi*
1PL.DIR быть.PRS.PL DISC местный человек местный
gel-a *mʰa-r-i* *deːʃi* *rivaːz*
речь-PL 1SG.OBL-GEN-F местный обычай
‘Мы ведь местные люди, да, речь наша местная, местные обычаи’.

(2) *inʰa* *mõdzʰɛ tus-a-r-a* *bʰai* *kũn* ***sa*** *?*
этот.OBL.PL среди 2PL.OBL-OBL-GEN-M брат кто быть.PRS.SG
‘Кто из них ваш брат?’

(3) *dzebɛ sɔ* *hotsʰ-a* ***tʰi*** *tei-ɛ* *bas-a-nə* *aːmb*
когда 3SG маленький-M быть.PST 3SG-ERG bus-OBL-LOC манго
kʰaː-u-d-a ***tʰi***
есть-SG.M-COMP.PTCP-SG.M AUX.PST
‘Когда он был маленьким, он (однажды) съел манго в автобусе’.

(4) *dzuŋi* *ʃoru-bɛ* *dzoːr* ***tʰi*** *sɔ* *kaːl*
который.OBL мальчик-DAT жар быть.PST 3SG.DIR вчера
mũ-a
умирать-PFV.PTCP
‘Мальчик, у которого был жар, вчера умер’.

(5) *agər tusɛ* *mumɛ* ***maːr-l-ɛ*** *ta* *mũ* ***ro-ŋ-a***
если 2PL.DIR 1SG.ACC бить-CONJ-PL потом 1SG.OBL плакать-INF
‘Если ты меня ударишь, я заплачу’.

(6) *dzuŋ* ***dzitə-l-a*** *tinʰa* ***ne-ŋ-a*** *ras-a*
кто-DIR побеждать-CONJ-M 3PL.OBL взять-INF-SG.M верёвка-M
‘Кто победит, тот возьмёт верёвку’.

(7) *ui* *kɛr-ija* ***kʰij-a*** ***si*** *ki*
это.DIR делать-GER.PFV кормить-HBT.GER AUX.PRS.PL что
pəta *ki* *tɛ* *deu-r-ɛ* *ruːp-a-n*
известие ли 3PL.DIR бог-GEN-OBL облик-OBL-LOC
eː-l-ɛ
приходить-CONJ-PL
‘Так поступая, [мы] кормим [их], ведь кто знает, не придут ли они в облике божества’.

(8) *agər sɔ kompjutər-a sɛngɛ* ***pɔɽʰ-d-a*** *ta*
если 3SG.DIR компьютер-OBL с изучать-COND-M то
tej-bɛ ɛbbə nokɽi ***mill-n-i*** ***tʰi***
3SG-DAT сейчас работа встретиться-INF-F AUX.PST
‘Если бы он учился на компьютере, то сейчас бы нашёл работу’.

(9) *agər tej-be tej-r-e bappu dzi*
если 3SG.OBL-DAT 3SG.OBL-GEN-PL отец уважаемый
kompjutər-a sɛngɛ ***pəɽʰaː-nd-ɛ*** *ta tej-bɛ*
компьютер-OBL с учить-COND-PL.M то 3SG.OBL-DAT
ɛbbə nokɽi ***mill-n-i*** ***tʰi***
сейчас работа встретиться-INF-F AUX.PST
‘Если бы его отец обучал его на компьютере, то сейчас бы он нашёл работу’.

(10) *mũ* ***dza-ɳ-a***
1SG.OBL уходить.INF
‘Я ухожу’.

(11) *Mu ebe khaɳ-a* ***kha-ɳ-a*** ***sa***
1SG.OBL сейчас еда-SG есть.INF-SG.M AUX.PRS.SG
‘Я сейчас поем’.

(12) ***soʈsʰ-ɳa*** ***sa*** *dzɛ kitsʰ* ***ho-ɳa*** ***ho-la***
думать.INF AUX.PRS.SG что.DIR нечто быть-INF AUX-COND
‘Предстоит подумать обо всём, что бы ни могло предстоять’ (о действиях шамана по местным обычаям).

(13) *niʃaːn* ***beɳ-a*** ***si*** *ui-nə*
знак быть сделанным-GER AUX.PRS.PL этот.OBL-LOC
‘На нём делается отметка’ (о технике резьбы по дереву).

(14) *tusɛ kokʰɛ* ***rɔh-a*** ***si***?
2PL.DIR где жить-HBT.GER AUX.PRS.PL
‘Где вы живёте?’

(15) *dʰjaːɖi tɛ tokʰɛ kom* ***kɛr-a*** ***tʰi***
днём 3PL.DIR там работа делать-HBT.GER AUX.PST
‘Днями они там работали’ (о постройке средневекового замка, действие происходило регулярно).

(16) *raːti okʰɛ* ***bəɳ-a*** ***tʰi***
ночью здесь делаться-HBT.GER AUX.PST
‘Ночами тут [храм] строился’ (о постройке средневекового храма).

(17) *sɔ duj gʰenɖ-ɛ-ɳə* ***sut-d-a*** ***sa***
3SG.DIR два час-OBL-LOC спать-IPFV.PTCP-SG.M AUX.PRS.SG
‘Он спит уже два часа’.

(18) *sɔ* *mũbe* *fon* *ni* ***kerda***
3SG.DIR 1SG.OBL-DAT телефон NEG делать-IPFV.PTCP-SG.M
‘Он мне не звонит’ (связка в настоящем времени пропускается при отрицании).

(19) *raːm-ɛ* *aːmb* ***kaʈ-u***
Рам-ERG манго рубить-PFV.PTCP.SG.M
‘Рам срубил манго’ (действие имеет неотменяемый результат, актуальный вне зависимости от момента времени).

(20) *ruth-ɛ* *aːmb* *bas-a-nə* ***kʰaː-u***
Рут-ERG манго автобус-OBL-LOC есть-PST.PFV.PTCP.SG.M
‘Рут съела манго в автобусе’ (действие имеет неотменяемый результат, актуальный вне зависимости от момента времени).

(21) *dzeɳɖɛ* *raːdz-ɛ-r-ɛ* *taim-e-nə*
как раджа-OBL-GEN-OBL время-OBL-LOC
bəɳ-u ***ha*** *na* *ɛ*
строиться-PFV.PTCP.SG.M AUX.PRS.SG DISC этот.DIR
‘Как он построен во времена раджи, да’ (о домовом храме информанта, сохранившемуся к моменту записи).

(22) *sẽngɛ* *sẽngɛ* ***bəɳ-ɛ*** ***si***
вместе вместе строиться-PFV.PTCP.PL.M AUX.PRS.PL
dzeɳɖɛ *ɛ*
как этот.DIR
‘Как они были построены вместе’ (о замке раджи и домовом храме информанта, оба здания построены в XVI веке и сохранились к моменту записи).

(23) *haũ* *iːdz* *skuːl-a-bɛ* *nɛj*
1SG.NOM вчера школа-OBL-ALL NEG
nəʈʈʰ-a ***tʰi***
уходить-PFV.PTCP.SG.M AUX.PST
‘Я вчера не ходил в школу’ (результат был актуален вчера, но к моменту речи не актуален – если бы ходил, то уже вернулся бы).

(24) *kibeki* *tɛ* *ʃobl-i* *tɛrɛ* *nɛj*
поскольку 3PL.DIR хороший-F путь NEG
pəʈʰ-ɛ ***tʰi*** *tebɛ* *tɛ*
учиться-PFV.PTCP.PL.M AUX.PST потом 3PL.DIR
pepr-a-nə *pʰɛl* ***hũ-ɛ***
экзамен-OBL-LOC неудачник стать-PFV.PTCP.M.PL

‘Поскольку они не выучились хорошо, то провалились на экзаменах’ (результат первого действия актуален на момент второго, предшествующего моменту речи).

(25) *dzɛd-i kaːl ki bol si ɛ nɛggər bʰeɽa*
какой-F время что разговор быть.PRS.PL этот.DIR Наггар замок
<...> tɛd-i kaːl ***bəŋu*** ***tʰi***
этот-F время строиться-PFV.PTCP.SG.M AUX.PST

‘Говорят, он был построен в то же время, что и наггарский замок’ (сопоставляются два события, первый глагол опущен в результате эллипсиса; результат второго события актуален на момент первого, предшествующего моменту речи).

(26) *tu aji tak* ***sut-a-d-a***
2SG.NOM сейчас до спать-SG.M-COMP.PTCP-SG.M
sa ?
AUX.PRS.SG

‘Ты до сих пор спишь?’ (адресат уже не спит, но результат – не сделанные утренние дела – актуален в момент речи)

(27) *ei ʃoru-bɛ ebɛ dzoːr*
этот.SG.M.OBL мальчик-DAT сейчас жар
aː-u-d-a ***sa***
приходить-SG.M-COMP.PTCP-SG.M AUX.PRS.SG

‘У этого мальчика сейчас жар’ (прежде начался, а в момент речи продолжается).

(28) *haũ edz-ija* ***beiɽh-i-d-i***
1SG.NOM приходить-PFV.GER сесть-F-COMP.PTCP-F
sa
AUX.PRS.SG

‘Войдя, я села’ (и сижу).

(29) *ɛ* ***si*** *ek-i taim-ə-nə trai gʰɔr*
этот.DIR AUX.PRS.PL один-PART время-OBL-LOC три дом
bəŋ-ɛ-d-ɛ
строиться-PL.M-COMP.PTCP-PL.M

‘Три этих дома построены в одно время’ (о зданиях, сохранившихся к моменту записи).

(30)*pitsleka:l asɛ pʰilam bʰal-d-ɛ*
вчера 1PL.DIR фильм смотреть-IPFV.PTCP-PL
notʰ-e-d-ɛ ***tʰi***
уходить-PL.M-COMP.PTCP-PL.M AUX.PST

‘Вчера мы ходили смотреть фильм’ (результат был актуален вчера, но не в момент речи).

(31) *haũ* *pɛʰlɛ* *ɓᵊzaːɽ-a-ɓɛ*
1SG.NOM сначала рынок-OBL-ALL
nɔʧʰ-a-d-a ***tʰi***
уходить-SG.M-COMP.PTCP-SG.M AUX.PST
‘Сначала я ходил на рынок’ (результат актуален в момент подразумеваемого последующего действия, предшествующего моменту речи).

(32) *raːm* *aːmb* ***kʰaːn-d-aː***
Рам.NOM манго.DIR есть-IPFV.PTCP-SG.M
laga-d-aː ***sa***
AUX-SG.M-COMP.PTCP-SG.M AUX.SG.PRS
‘Рам ест манго’ (в момент речи).

(33) *bobo* *hotsʰ-e* *bʰau-bɛ* ***suan-d-i***
старшая сестра младший-OBL брат-DAT усыплять-IPFV.PTCP-F
lag-i-d-i ***sa***
AUX-F-COMP.PTCP-F AUX.PRS.SG
‘Старшая сестра убаюкивает младшего брата’ (в момент речи).

Категория вида в куллуи выражается непредикативной частью глагольной формы. Выделяются следующие аспектуальные значения: общий вид (форма без глагола-связки, в индикативе не встречается), имперфектив (имперфективное причастие, употребляется только в настоящем времени), результатив (перфективное причастие – первичное или составное), хабитуалис (хабитуальный герундий), проспектив (инфинитив) и дуратив (дуративное причастие) Формы кондиционалиса и конъюнктива могут быть немаркированы по виду. Формы с имперфективным причастием встречаются редко, вытесняясь, в зависимости от контекста, дуративными или хабитуальными.

Категория времени. Значение будущего времени выражается образованными с помощью инфинитива формами, имеющими также значение долженствования. Эти же формы часто употребляются наряду с хабитуальными как предписательные (например, в описаниях праздников, обычаев и бытовой деятельности). При этом противопоставление по виду у форм, обозначающих будущее время, отсутствует. Поэтому целесообразно не выделять в категории времени значение

будущего, а считать эти формы имеющими проспективное видовое значение. Таким образом, категория времени имеет три значения – общее (формы без глагола связки), настоящее (связка sa) и прошедшее (связка tʰi).

Категория наклонения включает четыре значения – индикатив, императив/оптатив, конъюнктив и кондиционалис. Конъюнктив используется в условно-реальных, а также в некоторых других сложных предложениях. Кондиционалис – в условно-ирреальных предложениях.

Проблема дуратива. Аналитическая дуративная форма встречалась нам только в сочетании с настоящим временем вспомогательного глагола, поэтому делать о ней какие-либо выводы пока затруднительно. Однако по данным других индоарийских языков, следовало бы отнести её семантику к категории вида, а не способа действия.

Категория способа действия. Сюда следует отнести инхоатив, образуемый с помощью имперфективного причастия смыслового глагола и первичного перфективного причастия вспомогательного глагола lag- и два терминатива, образуемых с помощью перфективного герундия смыслового глагола и первичных перфективных причастий глаголов beʃna ‘сесть’ и bʰagna ‘убежать’. Примеры этих форм немногочисленны.

(34) *sɔ* *aː-u* *or*
он.NOM приходить-PFV.PTCP.SG.M и
dhuŋ-d-a ***lag-a***
разговаривать-IPFV.PTCP-M AUX- PFV.PTCP.SG.M
‘Он пришёл и начал разговаривать’.

(35) *ʃoru* *ej* *sebʰ* *kɔm*
мальчик.NOM этот.M.DIR весь работа.DIR
kɛr-iya ***bʰag-u***
делать-PFV.GER AUX-PFV.PTCP.SG.M
‘Мальчик сделал всю эту работу’.

(36) *sɔ* *saːra* *kɔm* ***kɛr-iya***
он.NOM весь работа.DIR делать-PFV.GER
beʈʰ-u
AUX-PFV.PTCP.SG.M
‘Он сделал всю работу’.

Выводы

Категория вида в куллуи включает следующие значения: результатив, имперфектив, хабитуалис, дуратив и проспектив.

Категория времени: общее, настоящее и прошедшее время.

Категория наклонения: индикатив, императив/оптатив, конъюнктив и кондиционалис.

Категория способа действия включает по крайней мере начинательный и завершительный способы действия, более полное описание требует дополнительного исследования.

Такие черты, как использование инфинитивной конструкции в значении будущего времени и наличие вторичного перфективного причастия, независимо развившегося в обоих языках, сближают куллуи с непали.

Необычно для индоарийских языков образование хабитуальных форм с помощью герундия, дуратива с помощью вспомогательного глагола lag- и терминативов с помощью вспомогательных глаголов beʃ- и b^hag-.

Сокращения

ALL – аллатив
AUX – вспомогательный глагол
COMP – составное атрибутивное перфективное причастие
COND – кондиционалис
CONJ – конъюнктив
DAT – датив
DIR – прямой падеж
ERG – эргатив
F – женский род
INF – инфинитив
IPFV – имперфективность
GER – герундий
LOC – локатив
M – мужской род
NOM – номинатив
OBL – косвенный падеж
PFV – перфективность
PL – множественное число
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
PTCP – причастие
SG – единственное число

Литература

1. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. Москва, 1977.
2. Цоллер К.П. Языки пахари // Языки мира: Новые индоарийские языки. М.: Academia, 2011.
3. Masica C.P. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991
4. Thakur M. R. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)
5. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. 1981.
6. Sharma D. ‘Saraswat’. Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan. 2014 (Грамматика куллуи-хинди. Сопоставительное исследование).

Резюме

Статья посвящена видовременной системе языка куллуи (западная группа пахари). Системы финитных форм индоарийских языков обладают рядом сходных черт. Воспользовавшись методом Г.А. Зографа для классификации видовременных форм в индоарийских языках, автор анализирует свои полевые материалы. Необычно для индоарийских языков образование хабитуальных форм с помощью герундия, образование дуратива с помощью вспомогательного глагола lag- и терминативов с помощью вспомогательных глаголов beʃ- ‘сесть’ и b^hag- ‘убежать’. Такие черты, как использование инфинитивной конструкции в значении будущего времени и наличие вторичного перфективного причастия, независимо развившегося в обоих языках, сближают куллуи с непали.

Ключевые слова: *языки пахари, индоарийские языки, куллуи, время, наклонение, вид, финитные формы.*

Summary

The main issue of the article is the temporal and aspectual system of Kullui (Western Pahari) language. The systems of finite verb forms of Indo-Aryan languages have much in common. The author analyzes the field data of Kullui in the context of the scheme for classification of Indo-Aryan finite verb forms created by G.A. Zograf. Habitual forms built with the help of gerund, durative forms built with the help of the auxiliary verb lag- and terminative forms built with the help of such auxiliary verbs as beʃ- ‘to sit down’ и b^hag- ‘to run away’ are very unusual features for Indo-Aryan languages. The infinitive construction used to express the future, and the presence of a secondary perfective participle are common to Kullui and

Nepali (the latter phenomenon has developed in both languages independently).

Keywords: *Pahari languages, tense, mood, aspect, finite forms, Indo-Aryan lanuguages, Kullui.*

С.Ю. Куликов
ООО «2ТОЛК», Москва

Неполная морфологическая адаптация этнорелигиозной лексики (с точки зрения автоматического морфологического анализа)

С целью автоматической идентификации (и оперативного реагирования) создаются системы онлайн-модерации сообщений в социальных сетях. К таким системам можно отнести систему Роскомнадзора [Васечкин и др., 2014].

В настоящее время ведутся исследования по разработке ресурсов для идентификации проявлений религиозной или этнической ненависти, например, [Kulikov 2015, Morris 2011]. Большое значение в этих ресурсах играет лемматизация слов, обозначающих этническую или конфессиональную принадлежность. Процедура лемматизации традиционно опирается на результаты автоматического морфологического анализа текста.

Значительное количество религиозной лексики является заимствованиями. Заимствования традиционно рассматриваются в рамках социолингвистики и лексикологии. Однако, в последнее время проблемы заимствований получают свое освещение в других отраслях лингвистики. Наиболее массовых характер приобретают исследования в области изучения Интернет-терминологии; конфликтологии (особенно межэтнической и межконфессиональной), переводоведения и корпусной лингвистики. Вначале мы рассмотрим проблемы заимствований в переводческом аспекте, затем — с точки зрения корпусной лингвистики.

В переводоведении заимствования часто рассматриваются в том же ключе, что и неологизмы. Можно выделить следующие аспекты заимствованной лексики, значимые для перевода: 1) проблема родового соответствия между языком-источником и языком перевода, 2) проблема выбора числа заимствования (неологизма), 3) проблема выбора переводного эквивалента.

Колебания при выборе рода заимствования не являются частотным явлением. Так, по наблюдениям А.А. Степихова,

«родовая вариативность наблюдается лишь в 8% случаев»[1] [Степихов 2015: 298]. Ярким примером подобной вариативности может служить английское слово *selfie*, которое употребляется в формах каждого из трех родов русского языка.

Выбор числа и переводного эквивалента также характеризуется колебаниями в рамках одного слова без существенных отклонений от выбранной словоизменительной парадигмы.

С точки зрения корпусной лингвистики правильная лемматизация напрямую влияет на данные о частотности заимствованной лексики. Так в работе А.Ч. Пиперски [Piperski 2015: 530] приводятся данные о частоте леммы «селфи» в Интернет-корпусе RuTenTen. Стоит отметить, что «простой поиск»[2] дает абсолютную частоту словоформы «селфи», равную 63, в то время как лемматизированный поиск возвращает только 4 леммы.

Как уже отмечалось выше, качество лемматизации напрямую зависит от принципов, заложенных в используемую систему автоматического морфологического анализа.

Следует отметить, что компьютерная морфология зачастую оперирует собственными морфологическими интерпретациями тех или иных словоформ (ср., например, известное высказывание М.И. Стеблина-Каменского: «Русское слово *порося* оказывается возвратным глаголом со значением существительного» [Стеблин-Каменский 1958: 4]). Поэтому прикладные решения в области автоматического морфологического анализа могут противоречить традиционным описаниям словоизменительных явлений [Коваль 2005].

Этническая и религиозная лексика зачастую бывает представлена двумя морфологическими вариантами: 1) изменяющимся по законам языка-реципиента, 2) продолжающим изменяться по законам языка-донора. Именно слова второго типа вызывают сложности при автоматическом морфологическом анализе текста. Это вызвано тем, что существующие алгоритмы морфологического анализа моделируют морфологическую систему языка-реципиента [Белоногов и др. 1965, 1979; Зализняк 1967 (2002); Voutilainen 2003].

---

[1] заимствований из рассматриваемого параллельного корпуса. — прим. наше.

[2] по подстроке, без лемматизации.

В настоящее время для русского языка предложено несколько вариантов формальной морфологии. Наиболее значимыми являются упомянутые концепции Г.Г. Белоногова и А.А. Зализняка. В них допустимы фонетическая вариативность (например, *ой/ою* для творительного падежа женского рода единственного числа), а также двойственность разбора для некоторых падежей (например, для родительного падежа множественного числа мужского рода).

Существуют различные варианты этих моделей. Например, концепция Г.Г. Белоногова отражена в диссертации Ю.Г. Зеленкова [Зеленков 1988], а концепция А.А. Зализняка — в работах О.В. Минтусовой [Минтусова 1990] и И.М. Ножова [Ножов 2003].

Альтернативные подходы к автоматическому морфологическому анализу русского языка были предложены И.К. Бельской (1955) и И.А. Мельчуком (1958). Оригинальные подходы к решению данной проблемы предлагались также О.С. Кулагиной, З.М. Шаляпиной, Э.И. Королевым, А.Ф. Гельбухом, Г.О. Сидоровым и рядом других ученых.

Рассмотрим в этом аспекте следующие особенности этнорелигиозной лексики. Религиозная лексика в европейских языках заимствована (иногда через языки-посредники, например, греческий, латынь) с Ближнего Востока. Именно поэтому, на наш взгляд, данные слова имеют несколько форм образования множественного числа. В качестве примеров таких слов можно привести следующие — русские *серафим, муджахид,* английское *cherub*.

Рассмотрим примеры употребления слов данной группы с отклонениями в образовании множественного числа.

(1) Соединенные Штаты демонстративно убрали иранскую оппозиционную группировку «Народные моджахеддины Ирана» из списка террористических организаций.[3]

(2) Но, в общем, моджахеддины здесь были правы, и качество тогдашней армии Боснии и Герцеговины было весьма низкое.[4]

---

[3] http://mir-politika.ru/tags/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D1%85%D0%B5%D0%B4%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B/

[4] http://www.saper.etel.ru/history/musulman-vs.html

(3) Police are appealing for information after a 12 inch white stone angel and three white stone cherubs were taken from the head of a gravestone at Stanton Cemetery in Hartlepool.[5]

Вероятность заимствования этнической лексики из языка-источника приводит к сосуществованию нескольких основ для одного и того же понятия. В качестве примеров таких слов можно привести следующие — *ашкеназ*, *фолькcдойч*.

Рассмотрим примеры употребления слов данной группы с отклонениями в образовании множественного числа.

(4) Введенное с 1939 года нормированное распределение продуктов питания, одежды, обуви по карточкам позволило обеспечивать всем необходимым своих рейхсдойч почти до самых дней существования Третьего Рейха.[6]

(5) Из них 965 (88%) сгруппировались по 55-ти ветвям, состоящим почти исключительно из ашкенази.[7]

Существование этнонимов типа *рейхсдойч, ашкеназ*, имеющих 3 и 2 словоизменительных модели (рейхсдойч – рейхсдойчи|рейхсдойче|—; ашкеназ – ашкеназы|ашкеназим, см. примеры 6—13), и религионимов типа *моджахед(д)* и *murtad(d)*, имеющих по 2 словоизменительные парадигмы (традиционная *-ы* и *-s* и заимствуемая *-ин* и *-een*, см. примеры 14—15), требует объединения в единой единице анализа всех существующих парадигм. Чаще всего, в программах автоматического анализа текстов объединение таких единиц происходит при помощи тезауруса [Лукашевич 2011], см. Рис.1. На рисунке непрерывные линии обозначают прямые переходы от одной словарной единицы к другой. Пунктирная линия обозначает допустимый переход (при помощи функции поиска «AnyDescendant»). Прерывистая линия обозначает непрямой переход.

Базовым недостатком этого подхода является лишний шаг при морфологическом синтезе словоформ, например, при

---

[5] http://www.hartlepoolmail.co.uk/news/crime/angel-and-cherubs-stolen-from-hartlepool-graves-1-7506402 нормативной формой множественного числа в английском языке является заимствованная форма *cherubim*.

[6] http://mreadz.com/new/index.php?id=346373&pages=98

[7] http://pereformat.ru/2014/01/dna-genealogy-jews/

расширении поискового запроса или увеличение количества синонимов в специализированных базах данных [Куликов 2014].

Другим подходом к объединению таких единиц может служить ссылочный прием, при котором в базе хранится не иерархическая структура, а горизонтальные связи между объектами (см Рис.2). При этом связь может быть только однонаправлена, поэтому задать таксономические отношения невозможно.

(6) Вахман этот, пан Загурски, был фольксдойчем, но немецкий язык знал не хуже любого немца.[8]

(7) Этот был рейхсдойче<…>, он мог даже позволить себе быть «справедливым».[9]

(8) Хотя дивизия формировалась в теории из рейхсдойчей, в нее попало много фольксдойчей, которые также носили руны СС в правых петлицах мундиров.[10]

(9) Кого больше во 2 мировую войну погибло, ашкеназей или сефардов?[11]

(10) Кроме того, сами дойчманы утверждают, что это существо из ашкеназей.[12]

(11) Путин и Медведев, ашкеназы, проиграли сефардам Яценюку, Тимошенко-Капительман, Тягнибоку-Фротману.[13]

(12) Ашкеназим были прадедушки, деды из ашкеназим перешли в советских людей.[14]

(13) мамзик, я сефардов от русских ашкеназей тоже отличаю.[15]

(14) Моджахеддин**ы** еще долго не сдавались[16]

---

[8] http://alexander-apel.narod.ru/library/dohodyaga/part19.htm
[9] Там же.
[10] http://pirochem.net/index.php?id1=3&category=voennaya-istoriya&author=kiselev-vi&book=diviziiss2002&page=12 Сохранена орфография оригинала.
[11] https://otvet.mail.ru/question/169019485
[12] http://newsland.com/news/detail/id/576565/
[13] http://samlib.ru/i/iwanowmiljuhin_j_z/zzz-1.shtml
[14] http://old2.booknik.ru/colonnade/letters/lichnyyi-jeleznyyi-zanaves/
[15] http://www.gday.ru/forum/%CE%E1%F9%E8%E9-%F4%EE%F0%F3%EC/217638-%E8%F1%F2%EE%F0%E8%FF-%EB%FE%E1%E2%E8-3.html
[16] http://www.studfiles.ru/preview/1742725/page:25/

(15) The munafiqeens and the murtaddeens who are supporting the kufars…[17]

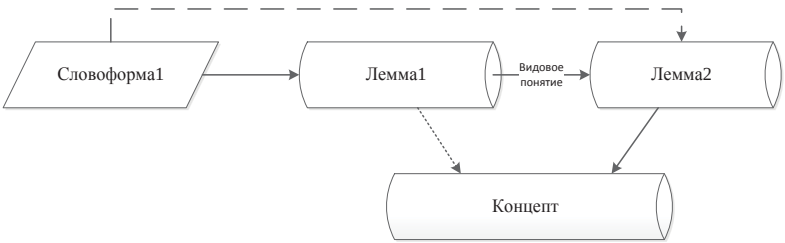


Рисунок 1. Идентификация концепта по словоформе при помощи тезауруса

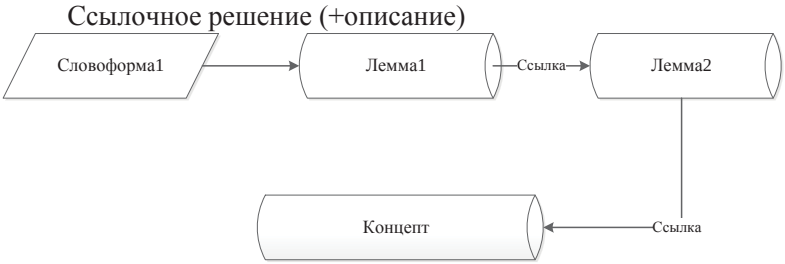


Рисунок 1. Идентификация концепта по словоформе при помощи ссылок

Рассмотренные решения ведут к существенному увеличению ручной работы при составлении специализированных баз данных. При этом увеличивается количество полей в лемматизированных БД [Куликов, 2014]. При этом качество автоматического поиска при помощи таких БД будет существенно ниже запросов с использованием усечений (*stem**).

В качестве выхода из данной ситуации можно использовать комплексные «понятийные» леммы, представленные на Рис.3. Леммы при таком подходе могут содержать различные основы, что позволяет описать специфику этнонимов с разными основами. В отличие от тезаурусного представления «понятийная» лемма является более простой структурой, что позволяет быстрее оперировать ее данными.

[17] https://www.youtube.com/all_comments?v=77YwVoM7_JA

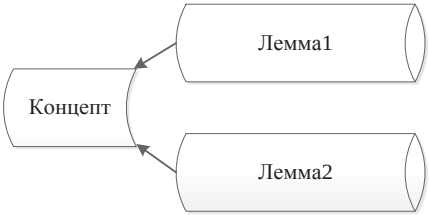


Рисунок 2. Упрощенная структура представления «понятийных» лемм

В заключение следует отметить, что для эффективной автоматической обработки заимствований с неустоявшейся словоизменительной парадигмой требуется решение, направленное на максимальное покрытие словоформ, которые описывают одно понятие. В качестве подобного решения предлагается использовать «понятийные» леммы. Ещё одним дополнительным требованием может служить «двойной» морфологический анализ, при котором вначале анализируются слова с неустоявшейся словоизменительной парадигмой, а затем оставшиеся слова. Несмотря на то, что данное решение не является вычислительно эффективным, оно полностью соответствует требованию точности проводимого анализа.

Литература

1. Белоногов Г.Г., Новоселов А.П. Автоматизация процессов накопления, поиска и обобщения информации. — М., 1979.

2. Белоногов Г.Г., Родионова А.К. Морфологический словарь для автоматического анализа военных текстов // Сборник научных трудов №59. Отв. ред. Н.А. Криницкий. — М., 1965.

3. Васечкин Д.В., Зайцев И.Н., Осипов С.А. Система мониторинга средств массовых коммуникаций в Сети «Интернет». Подсистема обработки текстовой информации ИСМК. Частное техническое задание. — М., 2014.

4. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. — М., 2002.

5. Зеленков, Ю.Г. Морфологический анализ в системах автоматической обработки текстов. — М., 1988.

6. Коваль С.А. Лингвистические проблемы компьютерной морфологии. — СПб., 2005.

7. Куликов С.Ю. Однореферентные оценочные слова и их формализация (на примере этнофобонимов) // Вопросы психолингвистики, 2014. №4.

8. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. — М., 2011.

9. Минтусова О.В. Моделирование морфологического компонента промышленных систем машинного перевода. — М., 1990.

10. Ножов И.М. Реализация автоматической синтаксической сегментации русского предложения. — М., 2003.

11. Стеблин-Каменский М.И. Значение машинного перевода для языкознания // Материалы по машинному переводу. Сб. 1. — Л., 1958.

12. Степихов А.А. О грамматическом освоении иноязычной лексики в русском языке в аспекте категории рода // Acta Linguistica Petropolitana. Том 11. Часть 1. — СПб, 2015.

13. Kulikov S. Detecting Implicit Opinions with a Target-specific Opinion Thesaurus // Book of abstracts for the 25th meeting of computational linguistics in the Netherlands. — Antwerp, 2015.

14. Morris W.T. Breaking the Criminogenic Code: A Frame Analysis of Neo-Nazi and Violent Jihadi Propaganda. PhD Thesis. — Omaha, 2011.

15. Piperski A.Ch. To Be or not to Be: Corpora as Indicators of (Non-)Existence // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14 (21). Т. 1. — М, 2015.

16. Voutilainen A. Part-ofSpeech Tagging // Mitkov R. (ed.) The Oxford Handbook of Computational Linguistics. – Oxford, etc., 2003.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы, связанные с автоматическим морфологическим анализом этнорелигиозных заимствований. Описаны случаи морфологического варьирования заимствований данного пласта лексики. Предложен способ представления вариативности в морфологическом словаре.

Ключевые слова: *автоматический морфологический анализ, заимствования, неполная морфологическая адаптация.*

Summary

The article deals with issues concerning morphological processing of ethno-religious words. Different cases of morphological variation are described. A new description method for this type of lexica is presented.

Keywords: *automatic morphological analysis, loan-words, partial morphological adaptation.*

И.С. Левин
НИУ ВШЭ, Москва

Частицы *dokh* и *zhe* языка идиш в сравнении с их славянскими и немецким когнатами[1 2]

1. Введение

Идиш – западногерманский язык, близкородственный немецкому, испытавший сильное славянское влияние, в том числе, в лексике и прагматике. Славянскими языками, с которыми у идиша были сильные контакты, являются польский, украинский, белорусский и русский. Одна из сфер, где славянских заимствований, очень много – дискурсивные маркеры (про славянские заимствования см., например, [Weinreich 1958]). Заимствованные элементы конкурируют с исконными, перераспределяя свои функции.

Интересным примером может послужить сопоставление исконной частицы *dokh* (ср. нем. *doch*) и заимствованной из славянских языков частицы *zhe* (ср. пол. *-ż(e)*, укр. *ж(е)*, бел. *ж(а)*, рус. *ж(е)*). Частица *doch* в близкородственном идишу немецком языке и частица *ж(е)* в русском языке, обладающие большим набором значений, часто являются переводными эквивалентами [Орлова 2012], ср., например:

(1) Ты **же** только что сама всё объяснила.
Das hast du **doch** gerade selbst herausgefunden.

Влияние двух этих крупных языков на идиш очень велико. Из этого следуют вопросы: насколько семантически и контекстуально различны частицы *dokh* и *zhe* в литературном идише и в его вариантах, могут ли они быть взаимозаменяемыми?

В этой работе описываются контексты употребления дискурсивных эмфатических частиц *dokh* и *zhe* в языке идиш. Контексты употребления этих частиц сравниваются с

[1] Данное научное исследование (№14-05-0074) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 году.
[2] Автор благодарит Е.С. Лучину и М.Г. Тагабилеву за ценные комментарии к этой работе.

контекстами употребления их славянских и немецких аналогов. Основной целью работы является выяснить, существуют ли такие контексты, в которых возможно употребление обеих рассматриваемых частиц, то есть являются ли они взаимозаменяемыми.

Следует отметить, что частицы *zhe* и *dokh* могут употребляться вместе с другими дискурсивными частицами, образуя своеобразные комплексы (ср., например, *ober dokh*, *dokh ober*, *zhe den*). В этой работе такие комплексы не рассматриваются и употребление в них соответствующих частиц не описывается.

Примеры на языке идиш, приводимые в этой работе, взяты из Корпуса языка идиш ([КЯИ]; http://web-corpora.net/YNC/search/) и Мультимедийного корпуса языка идиш ([МКЯИ]; http://web-corpora.net/YiddishMultimediaCorpus/search/), если не указано иначе. Примеры на других языках взяты из словарей, указанных в разделе Ссылки, и из параллельного подкорпуса [НКРЯ].

Во второй части работы описываются некоторые примеры анализа употребления эмфатических частиц в предыдущих работах. В третьей части описывается частица *zhe*, а также даётся её сравнение со славянскими когнатами. В четвёртой части описывается частица *dokh* и даётся её краткое сравнение с немецкой частицей *doch*.

2. Методика анализа

Существующие подходы к описанию дискурсивных частиц

В своей диссертации С.В. Орлова [2012] описывает немецкие частицы *denn*, *doch* и *ja* и их русские переводные «эквиваленты». Для каждой частицы она выделяет возможные контексты и иллокутивные компоненты смысла высказывания. Выделение большого количества возможных контекстов (коммуникативных ситуаций) позволяет удобно сравнивать разные языки и разные частицы. Пример описания иллокутивного компонента смысла немецкой частицы *doch* в контексте утверждения в монологическом отрезке дискурса по [Орлова 2012]:

«*doch* P:
<u>Аргумент за позицию Г</u>
Г считает, что С не учитывает P. (ПредУсл)

Г считает, что знание P влечет принятие позиции Q. (ПредУсл)
Г имеет позицию Q. (ПредУсл)
Г имеет основания для предположения, что С не имеет позиции Q. (ПредУсл)
Г знает или предполагает позицию С-го Z (Z≠Q или Z≠P) (ПредУсл)
Г уверен, что P. (УслИскр)
Г хочет, чтобы С имел позицию Q (УслИскр)
Г делает попытку 1) обосновать позицию Q_, 2) убедить С-го принять позицию Q,
2) преодолеть противоречие с позицией С-го Z (СущУсл)
<известное/неизвестное, новое> (ПропУсл)»

В [Newman 1977] описываются частицы *dokh* и *den* в идише. Подход этой работы похож на [Орлова 2012]. Однако в [Newman 1977] описание коммуникативных ситуаций не такое подробное, как в [Орлова 2012], и для каждой частицы выделяется только одна инвариантная ситуация. Семантические и прагматические отличия между частицами *den* и *dokh* представлены в Таблице 1 (цитируется по [Newman 1977]).

Таблица 1.

	effect	presuppositions
den	• to bully addressee into changing his/her mind	• addressee holds wrong view • speaker's view is correct
dokh	• to insist on correctness of speaker's view	• addressee undecided on the correctness of speaker's view • speaker's view is correct

Подход, применяемый в этой работе

В качестве источника языкового материала в исследовании использовались данные Корпуса языка идиш [КЯИ], Мультимедийного корпуса языка идиш [МКЯИ], а также материалы экспедиции на территории республики Молдова (июль 2015 г.). В экспедиции исследовался язык носителей бессарабского и украинского диалектов идиша, у многих из которых идиш сильно подвержен влиянию русского языка, так как не является одним из основных языков общения. Примеры из

материалов экспедиции, приводимые в этой работе, даны на литературном идише без отражения диалектных фонетических особенностей.

В этой работе рассматриваются четыре крупные группы контекстов, в которых возможно употребление частиц: утверждение, побуждение, общий вопрос и специальный вопрос. Для каждой из двух частиц устанавливается, в каких из этих групп контекстов она может употребляться. Такие группы контекстов являются довольно широкими, и для более детального анализа употребления частиц необходимо дальнейшее исследование их употребления в более узких контекстах (ср., например, описание коммуникативных ситуаций в [Орлова 2012]). Такая работа была начата в экспедиции, однако, в связи с небольшим количеством информантов и их принадлежности к разным диалектам, эти данные подлежат дальнейшему изучению.

3. Частица *zhe*

Частица *zhe* в идише

Частица *zhe* заимствована из славянских идиомов (ср., пол. *-ż(e)*, укр. *ж(е)*, бел. *ж(а)*, рус. *ж(е)*. Однако сложно сказать, из какого языка и в какой конкретно временной период произошло это заимствование. Weinreich [1968] толкует *zhe* как *‘so, then’*.

Для определения контекстов, в которых употребляется *zhe,* были проанализированы все (541) вхождения этой частицы в КЯИ. Типы контекстов, встречающихся в КЯИ, представлены в Таблице 2. Основными контекстами являются специальные вопросы (435 (80,4%) вхождений; см. пример (2)) и побудительные высказывания (56 (10,4%) вхождений; см. пример (3)).

(2) Vos **zhe**[3] iz geshen?
‘Что произошло?’

(3) Zayt **zhe** moykhl.
‘Простите же!’

[3] Для сочетания *vos zhe* существует также аналог *vozhe* [Jacobs 2005].

Таблица 2.

Контекст	Вхождения	
Специальный вопрос	435	80,4%
Побуждение	56	10,4%
Конструкция *nisht shoyn zhe*	47	8,7%
Утверждение	3	0,6%
Всего	541	100%

Частица *zhe* употребляется в побудительных предложениях не только с императивом, а также с такими словами как *nu* ‘ну’, *nat* ‘нате’, *gevald* ‘помогите’ и аналитическими конструкциями с *lomir* ‘давайте’, *zoln* ‘быть должным’ (ср. примеры (4), (5)).

(4) Lomir **zhe** vintshn, az di dozike antviklung zol zikh nit ophaltn, un az di tsukunftike kontsertn zoln vern alts shener un shener!
‘Давайте же пожелаем, чтобы это развитие не ограничивалось и чтобы будущие концерты становились всё лучше и лучше’. – нет аналогов в польском и украинском.

(5) To zol **zhe** zayn dayn harts — A harts, vos zingt un blit.
‘И пусть же будет твоё сердце сердцем, которое поёт и цветёт’. – нет аналогов в польском и украинском.

В контексте специального вопроса частица *zhe* употребляется сразу после вопросительного местоимения, а в контексте побуждения – после глагола в императиве или его аналога. Таким образом, можно сказать, что частица *zhe* употребляется в позиции Ваккернагеля, то есть сразу после первого фонетически самостоятельного слова в клаузе.

В контексте специального вопроса частица *zhe* имеет значение ‘Г не знает Р; Г испытывает некоторое сильное эмоциональное состояние (например, удивление, нетерпеливость и др.) в связи с тем, что он не знает Р; Г хочет узнать Р; Г хочет, чтобы С сообщил ему Р’.[4]

В контексте побуждения частица *zhe* имеет значение ‘Г хочет, чтобы С сделал Р; Г испытывает некоторое сильное

[4] Г – говорящий, С – слушающий, Р – определённая ситуация или факт.

эмоциональное состояние (например, удивление, нетерпеливость и др.) в связи с этим’.

Частица *-ż(e)* в польском языке

В польском языке *-ż(e)* является клитикой, сочетающейся с глаголами в императиве (пример (6)), с вопросительными местоимениями (пример (7)) и частицей *czy*, маркирующей общий вопрос (пример (8)). Эта клитика всегда пишется слитно и поэтому в словаре [PWN 2004] для соответствующих лексем есть специальные варианты с *-że* или даже с *-żeż*. Эти варианты обозначены как устаревшие или книжные.

(6) Siądź**że** tutaj!
‘Сядь же сюда!’
(7) Komu**ż** to się nie podoba?
‘Кому же это не нравится?’
(8) A czy**ż** to jest sprawiedliwe?
‘А это разве справедливо?’

Употребление *-ż(e)* в побудительных высказываниях и специальных вопросах аналогично употреблению *zhe* в идише. Однако употребление *zhe* в общих вопросах в идише невозможно, что сближает его с укранским, но противопоставляет польскому: ср. пример (9), в котором *tsi* является славянизмом и когнатом польского *czy*.

(9) *tsi zhe iz es yoysherdik?
‘Разве это справедливо?’

Сравнение употребления частицы *zhe* с русской и украинской частицей *ж(е)* и белорусской частицей *ж(а)*

Существуют также некоторые употребления частицы *zhe*, возникшие под влиянием восточнославянских языков. К ним относится конструкция *ni(sh)t shoyn zhe*[5] (47 (8,6%) вхождений в [КЯИ]; см. пример (10)). Согласно [Finkel] *nit shoyn zhe* означает ‘*after all (accusing)*’, а согласно [Weinreich 1968] — *‘really (in questions expressing disbelief)’*. Для русского языка родственная конструкция *неужели* кажется хорошим переводным эквивалентом.

[5] Дословно ‘*не уже же*’.

(10) Nisht shoyn **zhe** zaynen zey ale yidishe kinder?
‘Неужели это все еврейские дети?’

Конструкция *ni(sh)t shoyn zhe* является калькой с украинского *невже* и белорусского *няўжо* [Weinreich 2008]. В ней, однако, есть также дополнительное эмфатическое *zhe*, которое, по-видимому, является фонетической отсылкой к славянской конструкции. В [КЯИ] встречаются вхождения конструкции с неконтактным отрицанием (см. пример (10)) и без отрицания (см. пример (11)).

(11) Shoyn **zhe** iz es nisht keyn literatur?
‘Разве это не литература?’
(12) Shoyn **zhe** vet er zikh oykh bald tseshrayen oyf der mamen?
‘Неужели он тоже скоро будет кричать на маму?’

В сильно русифицированной речи некоторых носителей возможно также употребление частицы *zhe* в контексте утверждения, являющееся калькой с русского языка (ср. пример (12), в котором под влиянием интерференции с русским языком также опущена копула *bin*). Подобные употребления являются маргинальными и недопустимы в литературном идише, поэтому в дальнейшем при рассмотрении частицы *zhe* они не учитываются.

(13) Ikh **zhe** lerer. [материалы экспедиции]
‘Я же учитель’.

Выводы

Частица *zhe* употребляется в побуждениях и общих вопросах, а также в конструкции *nisht shoyn zhe*. То есть сфера её употребления у́же, чем в восточнославянских языках. Что касается польского языка, в нём сфера употребления частицы *że* также шире, чем сфера употребления *zhe* в идише, если не учитывать конструкцию *nisht shoyn zhe*, отсутствующую в польском языке. Таким образом нельзя сделать вывод, из какого конкретно славянского языка эта частица была заимствована в идиш, так как её употребление отлично от употребления частицы-когната во всех контактных славянских языках.

4. Частица *dokh*

Частица *dokh* в идише

В [Weinreich 1968] *dokh* толкуется как *'yet, still; obviously, as you know'*. Таким образом переводы Вайнрайха для частиц *zhe* и *dokh* не пересекаются. Частица *dokh* используется только в главных клаузах и не более одного раза в предложении [Newman 1977]. Отсюда следует, что сферой действия *dokh* является вся главная клауза с зависимыми клаузами (если они есть).

При анализе корпусных и экспедиционных данных было установлено, что частица *dokh* употребляется во всех четырёх рассматриваемых группах контекстов: общий вопрос (пример (13)), модальный вопрос (пример (14)), побуждение (пример (15)), утверждение (пример (16)). В контексте утверждения она часто используется для выражения упрёка (см. пример (17)). Употреблений, не подпадающих под эту классификацию (ср., например, употребление частицы *zhe* в конструкции *nisht shoyn zhe*) отмечено не было.

(14) Ir redt **dokh** yidish, yo?
'Вы же говорите на идише, да?'

(15) Vu hot **dokh** Yoysef Bar-Yoysef derfolg?
'В чём всё же у Йосефа Бар-Йосефа был успех?'

(16) Zog **dokh** mir, vosere bikhlekh zaynen gute. [материалы экспедиции]
'Скажи же мне, какие книжки хорошие'.

(17) Ikh bin **dokh** a yid.
'Я же еврей'.

(18) Du bist **dokh** gekumen arbetn aher, nit leyenen bikhlekh. [материалы экспедиции]
'Ты ведь сюда приехал работать, а не книжки читать'.

В контексте специального вопроса частица *dokh* имеет значение 'Г не знает Р; Г испытывает некоторое сильное эмоциональное состояние (например, удивление, нетерпеливость и др.) в связи с тем, что он не знает Р; Г хочет узнать Р; Г хочет, чтобы С сообщил ему Р'.

В контексте общего вопроса частица *dokh* имеет значение 'Г считает, что Р, но не уверен в этом; Г хочет, чтобы С подтвердил, что Р'.

В контексте побуждения частица *dokh* имеет значение ‘Г хочет, чтобы С сделал Р; Г испытывает некоторое сильное эмоциональное состояние (например, удивление, нетерпеливость и др.) в связи с этим’.

В контексте утверждения частица *dokh* имеет значение ‘Г считает, что Г и С знают Р; С ведёт себя так, как будто не знает Р; (Г это не нравится); Г хочет, чтобы С вёл себя так, как если бы он знал Р’.

Частица *doch* в немецком языке

В [Орлова 2012] описывается употребление немецкой частицы *doch* в контекстах утверждения, общего вопроса и специального вопроса. В русско-немецком параллельном подкорпусе (НКРЯ) есть также вхождения частицы *doch* в побудительных высказываниях (ср. примеры (18) и (19)). Таким образом группы контекстов, в которых возможно употребление частицы *dokh* в идише и частицы *doch* в немецком языке совпадают.

(19) Sag **doch** ein Wort!
‘Скажи же хоть слово!’

(20) Bleib **doch** stehen […]
‘Стой там!’

5. Заключение

В Таблице 3 сравнивается употребление частиц *zhe* и *dokh* по четырём рассмотренным в этой работе группам контекстов: утверждение, общий вопрос, специальный вопрос, побуждение. Во всех четырёх группах контекстов возможно употребление частицы *dokh*. Утвердительные высказывания с частицей *dokh* часто имеют оттенок упрёка.

В контекстах специального вопроса и побуждения также употребляется частица *zhe*. В контекстах утверждения и специального вопроса частица *zhe* не употребляется, за исключением маргинальных русифицированных употреблений в утвердительных высказываниях. При этом остаётся неясным, какой из славянских языков сыграл ключевую роль при заимствовании частицы *zhe*.

Таблица 3.

Контекст	*zhe*	*dokh*
Утверждение	нет	да
Общий вопрос	нет	да
Специальный вопрос	да	да
Побуждение	да	да

В контекстах специального вопроса и побуждения, согласно экспедиционным данным, частицы взаимозаменяемы, однако необходимо дальнейшее исследование для установления возможной тонкой семантической и прагматической разницы в употреблении в более узких контекстах. Также при дальнейшей работе стоит сравнить с употреблением рассмотренных частиц употребление эмфатической частицы *den*, когнат которой, немецкая частица *denn* также частой является переводным эквивалентом для русской частицы *же* [Орлова 2012] (про частицу *den* см. также [Newman 1977]).

Литература

1. КЯИ — Корпус языка идиш. — http://web-corpora.net/YNC/search/?interface_language=ru.
2. МКЯИ — Мультимедийный корпус языка идиш//
3. http://web-corpora.net/YiddishMultimediaCorpus/search/.
4. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — http://ruscorpora.ru/.
5. Орлова С.В. Сопоставительный анализ семантики немецких частиц denn, doch и ja и их русских переводных «эквивалентов». — Москва : 2012.
6. Finkel — Yiddish dictionary lookup. — http://www.cs.uky.edu/~raphael/yiddish/dictionary.cgi.
7. Jacobs N.G. Yiddish: A Linguistic Introduction.: Cambridge University Press, 2005.
8. Newman Z.K. On the Particles den and dokh // Working Papers in Yiddish and East European Jewish Studies. — New York : Max Weinreich Center for Advanced Jewish Studies of the YIVO Institute for Jewish Research, 1977 г. — 23.
9. PWN — Uniwersalny słownik języka polskiego PWN.: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2004. — wersja 1.0.
10. Weinreich M. History of the Yiddish Language. Vol. 2.: Yale University Press, 2008. — T. 2.

11. Weinreich U. Yiddish and Colonial German in Eastern Europe: the Differential Impact of Slavic // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics, Moscow, September 1958. — стр. 369-419.

12. Weinreich U. Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary. — New York : YIVO Institute for Jewish Research and McGraw-Hill Book Company, 1968.

Резюме

Идиш – германский язык, близкородственный немецкому, испытавший сильное влияние славянских языков (польского, украинского, белорусского, русского), в том числе, в лексике и прагматике. Одной из сфер, где заимствований много, являются дискурсивные маркеры. Заимствованные элементы конкурируют с исконными. В работе сопоставляется употребление исконной частицы *dokh* (ср. нем. *doch*) и заимствованной частицы *zhe* (ср. пол. *-że*, укр. *же*, бел. *ж(а)*, рус. *же*) в идише. Немецкая частица *doch* и русская частица *же* часто являются переводными эквивалентами [Орлова 2012]. Целью работы является понять, насколько семантически и контекстуально различны частицы *dokh* и *zhe* в идише, могут ли они быть взаимозаменяемыми?

Ключевые слова: *идиш, дискурсивные частицы, языковые контакты, заимствования.*

Summary

Yiddish is a Germanic language that was highly influenced by Slavic languages (Polish, Ukrainian, Belorussian, Russian) on different levels, including vocabulary and pragmatics. Discursive markers are one of the spheres that have many loanwords. In this paper, the usage of the Yiddish particle *zhe* (cf. pol. *-że*, ukr. *že*, bel. *ž (a)*, rus. *ž(e)*) is compared to the usage of the Yiddish particle *dokh* (cf. germ. *dokh*). The German particle *doch* and the Russian particle *ž(e)* are often considered translation equivalents [Orlova 2012]. The aim of this paper is to understand to what extend the particles *dokh* and *zhe* are semantically and contextually different and whether they can be interchangeable.

Keywords: *Yiddish, discursive particles, language contacts, loanwords.*

Н.В. Макеева
ИЯз РАН, Москва

Фонотактика языка акебу[1]

0. Язык акебу относится к группе кебу-анимере левобережной ветви семьи ква. Он распространён в префектурах Акебу и Вава в республике Того и имеет около 50 тысяч носителей. В работе представлено описание фонотактики, т.е. сочетаемости фонем, основанное на данных, которые были получены в ходе полевой работы в деревнях Джон и Котора в октябре 2012-2013 гг.

1. Фонологическая система языка акебу

1.1. Консонантная система

В Таблице 1 представлена консонантная система языка акебу.

Таблица 1. Консонантная система

	лабиаль-ные	дентоаль-веоляр-ные	ретро-флексные	палаталь-ные	веляр-ные	лабиове-лярные	ларин-гальные
смыч-ные	p b	t d	ʈ ɖ	c ɟ	k g	kp gb	h
назаль-ные	m	n		ɲ	ŋ		
фрика-тивные	f v	s z					
аппрок-симанты		l		y		w	

1. Фонема /p/ имеет аллофон [β] в интервокальной позиции и

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-34-01237.

[p] в прочих позициях: */àcíkɛ̀ɛ̄pə̀/* [àcíkɛ̀ɛ̄βə̀] ‘собаки’, */pə̄/* [pə̄] ‘приходить’, */àkɛ̀ɛ́ɲɔ́ŋ̀pə̀/* [àkɛ̀ɛ́ɲɔ́ŋ̀pə̀] ‘месяцы’.

2. Фонема /ʈ/ также имеет два аллофона: аллофон [ʈ] выступает после [ŋ], аллофон [r] выступает в интервокальной позиции и после лабиальных смычных, в начальной позиции [ʈ] и [r] находятся в свободном варьировании: */gɔ́ŋ̀ʈə̀/* [gɔ́ŋ̀ʈə̀] ‘песок’, */yūʈə̀/* [yūrə̀] ‘голова’, */pʈɔ́ɔ̀yə̀/* [prɔ́ɔ̀yə̀] ‘кошка’, */ʈú/* [ʈú] ~ [rú] ‘выходить’.

3. Имеются факультативные фонетические чередования: глухие смычные озвончаются после [ŋ], а [ŋ] уподобляется по месту образования следующему за ним согласному: *ə̀fə̄ŋ̄pə̀* [ə̀fə̄m̄bə̀] ‘вино’ (p → b /ŋ_ , ŋ → m /_b); *bɨ̀ŋ̀ʈə̀* [bɨ̀n̪d̪ə̀] ‘барабан’ (ʈ → d̪ / ŋ_ , ŋ → n /_d̪); *ə̀bɨ̀ŋ̀yə̀* [ə̀bɨ̀ɲ̀yə̀] ‘барабаны’ (ŋ → ɲ /_y).

1.2. Вокалическая система

Таблица 2. Вокалическая система

подъём \ ряд		передние нелабиализованные	центральные нелабиализованные	задние лабиализованные
верх-ний	+ATR[2]	i		u
	–ATR	ɪ		ʊ
средне-верхний		e	ɨ	o
средне-нижний		ɛ	ə	ɔ
нижний			a	

[2] ATR (Advanced vs. Retracted Tongue Root) – признак продвинутости / отодвинутости корня языка, или иначе – признак ширины глотки (расширенная / суженная глотка). Этот признак является дополнительной артикуляцией гласного. При сдвиге корня языка вперёд глотка расширяется, язык становится более напряжённым и комкообразным, при противоположном движении корня языка глотка сужается, а язык становится более распластанным. Акустически гласные, которые произносятся с расширенной глоткой, в целом более интенсивны, а гласные, которые артикулируются с суженной глоткой, имеют приглушенный тембр. Подробнее см. в [Кодзасов, Кривнова 2001: 287].

1. Гласные подвергаются факультативной назализации после носовых согласных и перед /ŋ/: */nááwə̂/* [nááwə̂] ~ [nąáwə̂] ‘огонь’, */sə̄ŋ̄/* [sə̄ŋ̄] ~ [są̄ŋ̄] ‘начинать’.

2. Долгие гласные мы интерпретируем фонологически как последовательность из двух одинаковых гласных фонем.

1.3. Тональная система

В акебу фонологичны тоновые различия. Тональная система представлена тремя уровневыми тонами (высокий (H) V́, средний (M) V̄, низкий (L) V̀) и двумя модулированными тонами – высоко-падающим (HF) V̂ и средне-падающим (MF) V̌.

2. Сочетаемость фонем и тонем внутри стопы

В акебу существуют следующие типы слогов: V, ŋ, CV, C_1C_2V. Для описания структуры словоформы понятие слога оказывается недостаточным, представляется удобным использовать понятие стопы. Стопа – это односторонняя единица плана выражения, которая может состоять из одного или нескольких слогов и обладает повышенной степенью внутренней связанности. Стопы бывают одно-, двух- и трёхсложными. В акебу представлены следующие типы стоп:

- односложные: V, ŋ, CV, C_1C_2V;
- двусложные: VV, ŋŋ, CVV, CV_1V_2, C_1C_2VV, CVŋ, C_1C_2Vŋ, C_1VC_2V;
- трёхсложные: $CV_1V_2V_2$, C_1VC_2Vŋ.

ŋŋ составляет стопу, поскольку обнаруживает ограниченный набор сочетания тонов (ограничения на сочетания тонов внутри стопы см. дальше в тексте статьи), односложные стопы типа V, ŋ, CV являются стопами тривиальным образом.

Стопа типа ŋ встречается только в классно-лично-числовых показателях глагола (*ŋ́* ‘1SG.CONJ’, *ŋ̀* ‘ƝƱ.3.STAT’), стопа типа V – только в лично-числовых показателях глагола и префиксальных показателях именного класса (*V̄* ‘2SG.CONJ’, *V̀-* ‘BƏ’), стопы типа VV и ŋŋ – только в междометиях (*óò* ‘нет’, *ŋ̀ŋ̀* ‘да’).

Повышенная степень интеграции стопы связана со следующими признаками.

• Ограничения на сочетаемость гласных внутри стопы

В пределах стопы возможны сочетания любых тождественных гласных: *à-kāā-kə̀*[3] ‘рука’, *kɨ̀-ŋɛ̄ɛ̄-kə̀* ‘нос’, *gùú-kə̂* ‘ложка’.

В стопах с разными гласными первым гласным могут быть только /i/, /u/ или /ʊ/: *tīè-yə̄* ‘женщина’, *púétáá-yə̂* ‘друг’, *kɨ̀-ʈōŋ̄fʊ́ɛ́-kə̂* ‘язык (анатомический)’, *fíááwú* ‘целиком’, *kúéé-yə̂* ‘лань’, *fūɛ̄ɛ̄-wə̀* ‘кожа’, *ŋūmūɛ̄ŋ̄-wə̀* ‘молитва’.

• Ограничения на сочетаемость тонов внутри стопы

В стопах, содержащих более одного слога, существуют ограничения на набор допустимых тональных контуров. Помимо последовательностей из одинаковых тонов, возможны также следующие комбинации: X-L, где X – H, M, MF, и L-X, где X – H, M.

H-H *núŋ̀-kpə̀* ‘рот’

M-M *kɨ̀-ʈōō-kə̀* ‘перо’

L-L *gɔ̀ŋ̀mɔ̀-yə̀* ‘капкан’

H-L *gɔ́ŋ̀-ʈə̀* ‘дорога’

M-L *ɲīŋ̀* ‘видеть’

MF-L *sə̀ə̀-yə̀* ‘гость’

L-H *bìí-ʈə̂* ‘семя’

L-M *yūkɛ̀ɛ̄-yə̀* ‘вошь’

• Ограничения на согласные, способные выступать в середине стопы

В стопах типа C_1C_2V, C_1C_2VV и $C_1C_2Vŋ$ с начальным кластером в качестве C_1 могут выступать согласные /b/ и /p/, в качестве C_2 – только /ʈ/: *bʈàŋ̄ɖā-yə̀* ‘суббота’, *pʈɔ́ɔ̀-yə̀* ‘кошка’.

В стопах типа C_1VC_2V в качестве C_2 могут выступать только /ʈ/, /m/ и /t/: *fʊ̀ʈū-wə̀* ‘ноготь’, *kpɛ́ʈɛ́ŋ̀-wə̂* ‘капкан’, *nìmí-ʈə̂* ‘глаз’, *vùtù-ʈə̀* ‘желудок’.

---

[3] Тон суффиксального показателя класса зависит от последнего тона основы: после высокого тона он высоко-падающий, после среднего и низкого – средне-падающий либо средний, причём последние два находятся в отношениях свободного варьирования.

3. Вокалическая гармония

3.1. Регрессивная гармония

В акебу представлена регрессивная вокалическая гармония, в результате которой гласный префикса или проклитики уподобляется первому (или единственному) гласному корня:

V → e / _e, i

o / _o, u

ə / _ə, ɨ

a / _a, ɛ, ɔ, ɪ, ʊ

Регрессивный сингармонизм затрагивает следующие элементы.

• Классно-лично-числовые и видо-временные показатели глагола

В качестве примера приведём перфективный лично-числовой показатель 3 ед., который имеет вид *lV̄*, где *V* – гласный, уподобляющийся гласному корня:

(1) *kòfí* ***lə̄-pə̄***
Кофи 3SG.PFV-приходить
‘Кофи пришёл’.

(2) ***lā-tɛ̄ŋ̄*** *à-nʊ̀ŋ̀kɔ̄rí-yə̂*
3SG.PFV-говорить правда-YƏ
‘Он сказал правду’.

(3) *kòfí* ***lɛ̄-cɛ̄ɛ̄nì*** *mɨ́*
Кофи 3SG.PFV-благодарить 1SG.O
‘Кофи поблагодарил меня’.

(4) *kòfí* ***lō-kūī̄ŋ̄*** *mɨ́* *kɨ̀-fūɛ̄ɛ̄-kə̄*
Кофи 3SG.PFV-давать 1SG.O KƏ-книга-KƏ
‘Кофи дал мне книгу’.

• Показатели именного класса существительного, а именно префикс *V̀*- классов BƏ, YƏ и одного из подклассов класса GƏ:

BƏ ***ɛ̀-pí-pə̂*** ‘дети’, ***ɔ̀-fūṭí-pə̂*** ‘птицы’, ***ə̀-tə́-pə̂*** ‘отцы’, ***à-nàŋ̀-pə̄*** ‘скорпионы’;

YƏ *ɛ̀-nìmí-yə̂* ‘глаза’; *ɔ̀-tù-yə̀* ‘вещи’; *ə̀-sə̀lī-yə̀* ‘яйца’; *à-mɛ̄ɛ̀pí-yə̂* ‘ягнята’;

GƏ *à-kāā-kə̀* ‘рука’.

В наших материалах встретилось несколько исключений, в который префиксальный показатель класса не гармонирует с первым гласным основы: *à-cíkɛ̀ɛ̄-pə̀* ‘собаки’, *à-nīmáásì-pə̀* ‘люди’, *à-sīká-pə̂* ‘деньги’, *à-tɨ̄ɨ̄tɛ̄ɛ̄ʈɛ̀mí-pə̂* ‘муравьи’, *ə̀-kúɛ́ɛ́-pə̂* ‘лани’.

Внутри основы слова также имеется гармония гласных: закрытые гласные (*e*, *o*) никогда не встречаются вместе с открытыми (*ɛ*, *ɔ*) и -ATR (*ɪ*, *ʊ*), тогда как открытые гласные, напротив, сочетаются с гласными -ATR: *à-tʊ̀kpɔ̀ʈɔ̀-yə̀* ‘зола’, *cīnɛ́ŋ́-wə̂* ‘нога’. Единственное встретившееся исключение является композитом: *kɨ̀-ʈōŋ̄fʊ́ɛ́-kə̂* ‘язык (анатомический)’.

• Согласовательные показатели класса в числительных, а именно префикс *V̀*- классов BƏ и YƏ:

(5) *à-ɲáŋ̀-yə̀* *ɛ̀-yí*
YƏ-несшитая.юбка-YƏ YƏ-два
‘две пани[4]’

(6) *à-ɲáŋ̀-yə̀* *à-tā*
YƏ-несшитая.юбка-YƏ YƏ-три
‘три пани’

• Посессивные местоимения

В качестве примера приведём посессивное местоимение 2 ед., которое имеет вид *lV̀*, где *V* – гласный, уподобляющийся гласному корня существительного:

(7) *lɛ̀* *dìí-ʈə̂*
2SG.POSS калебаса-DƏ
‘твоя калебаса’

(8) *là* *bɔ́ɔ́lì-yə̀*
2SG.POSS мяч-YƏ
‘твой мяч’;

[4] Пань – несшитая юбка, опоясание.

(9) *lò* *gú-kpə̂*
2SG.POSS комната-GBƏ
‘твоя комната’;

(10) *lə̀* *bɨ̀ŋ̀-ʈə̂*
2SG.POSS барабан-ƊƏ
‘твой барабан’.

3.1. Прогрессивная гармония

В результате прогрессивной гармонии гласный суффикса уподобляется гласному корня:

V → i / e, i_
u / o, u_
ɨ / a, ə, ɨ_
ʊ / ɔ, ʊ_
ɪ / ɛ, ɪ_.

Прогрессивный сингармонизм действует только в глагольной системе и затрагивает следующие элементы:

• форманты *-lV́ / -lV̄ / -nV́ / -nV̄*, при помощи которых происходит образование плюсквамперфектной основы[5] глагола от лексической, если последняя имеет структуры CV (согласный основы, как правило, но не обязательно глайд) или CVŋ: *yò* ‘готовить’ > *yōlū* ‘готовить$_{PQF}$’, *yé* ‘делать’ > *yélí* ‘делать$_{PQF}$’, *tɛ̄ŋ̄* ‘говорить’ > *tɛ̄ní* ‘говорить$_{PQF}$’;

• показатели актантной деривации:

➢ суффикс транзитива *-ʈV̂ / -ʈV̌ / -lV̂ / -lV̌ / -nV̂ / -nV̌*[6]: *lə̄* ‘теряться’ > *lə̄ə̄-ʈɨ̂* ‘терять’, *ʈə́ŋ́* ‘гаснуть’ > *ʈə́ə́-nɨ̂* ‘гасить’, *kpɛ̀* ‘ложиться’ > *kpɛ̄ɛ̄-lɪ̂* ‘укладывать (живое существо)’;

---

[5] Глагол акебу имеет три основы: лексическую, плюсквамперфектную и кунктативную. Плюсквамперфектная основа используется в плюсквамперфектной конструкции, кунктативная – в кунктативной конструкции. Подробнее об основах глагола и глагольных конструкциях см. [Макеева, Шлуинский 2013].

[6] Тон суффиксального показателя транзитива зависит от последнего тона основы: после высокого тона он высоко-падающий, после среднего – средне-падающий.

➢ суффикс детранзитива *-ʈV*: *là* ‘рвать (ткань)’ > *lā-ʈɨ̄* ‘рваться (о ткани)’, *sə̀* ‘рвать (нитку и т.п.)’ > *sə̄-ʈɨ̄* ‘рваться (о нитке и т.п.)’;

➢ показатели *-lV̂ / -lV̌ / -nV̂ / -nV̌*[7] для переходных и показатели *-lV / -nV* для непереходных глаголов в эквиполентных парах: *cíí-lî* ‘пугать’ ~ *cíí-lí* ‘бояться’, *tàà-nɨ̄* ‘открывать’ ~ *tàà-nɨ̄* ‘открываться’.

4. Дистрибуция звонких согласных

Звонкие смычные и фрикативные согласные, участвующие в оппозиции по звонкости/глухости имеют ограниченную дистрибуцию[8]. Главным образом они встречаются в начальной позиции:

- в местоимениях;
- в глаголах в конъюнктивной и стативной конструкциях при согласовании с существительными по классу ƊƏ;
- в существительных классов ƊƏ, GƏ, GBƏ и ƝƱ.

Рассмотрим эти три контекста по очереди.

4.1. Местоимения

Минимальные пары на глухость/звонкость представлены только в системе местоимений: *pə̄* (объектное местоимение класса BƏ) *vs.* *bə̄* (самостоятельное местоимение класса BƏ), *ʈə̄* (объектное местоимение класса ƊƏ) *vs.* *ɖə̄* (самостоятельное местоимение класса ƊƏ), *kə̄* (объектное местоимение класса GƏ) *vs.* *gə̄* (самостоятельное местоимение класса GƏ), *kpə̄* (объектное местоимение класса GBƏ) *vs.* *gbə̄* (самостоятельное местоимение класса GBƏ). В остальной лексике имеются аналогичные

[7] Тон суффиксального показателя переходного члена эквиполентной пары зависит от последнего тона основы: после высокого тона он высоко-падающий, после среднего и низкого – средне-падающий.

[8] Из-за ограниченной дистрибуции звонких согласных в [Sossoukpe 2012] было предложено считать их аллофонами соответствующих глухих фонем; однако это решение представляется нам неудовлетворительным, потому что описать их дистрибуцию, не прибегая к морфосинтаксическим понятиям, невозможно.

контексты на противопоставление по глухости/звонкости: *gàkə̂* ‘мясо’ vs. *káʈàŋ̀kpáyə̂* ‘блоха’, *kà* ‘измерять’.

4.2. Глаголы

В глагольной системе парные звонкие согласные появляются в глагольной основе в стативной и конъюнктивной конструкциях. Стативная конструкция состоит из классно-лично-числового показателя стативной серии и лексической основы глагола (11-12). Конъюнктивная конструкция состоит из классно-лично-числового показателя конъюнктивной серии и лексической основы глагола (13-14). В классе ƊƏ конъюнктивная и стативная серии получают несегментное выражение: первый согласный глагольной основы озвончается (12, 14), в стативной конструкции тон на первом слоге глагола становится низким (12).

(11) *kɛ̀ɛ̌ɲɔ́ŋ̀-yə̂ Ø-pōnú*
Луна-ŃƱ ŃƱ.STAT-быть.хорошим
‘Луна – красивая’.

(12) *dùtù-ʈə̂ sā* ***b***ònú
Пословица-ƊƏ этот ƊƏ.STAT-быть.хорошим
‘Эта пословица – хорошая’.

(13) *nə̂ə̂-pə̂ gùú-kə̂ kə̂-tɔ̀*
1SG.HAB-хотеть ложка-ƊƏ GƏ.CONJ-падать
‘Я хочу, чтобы ложка упала’.

(14) *nə̂ə̂-pə̂ mɛ̄ɛ̀pí-ʈə̂* ***d***ɔ̀
1SG.HAB-хотеть ягнёнок-ƊƏ ƊƏ.CONJ.падать
‘Я хочу, чтобы ягнёнок упал’.

4.3. Существительные

В системе существительных парные звонкие согласные встречаются в следующих контекстах.

1. В начальной позиции в существительных классов ƊƏ, GƏ и GBƏ с нулевым префиксальным показателем класса[9]. При образовании множественного числа, которое осуществляется

[9] Классы ƊƏ и GƏ являются сингулярными, класс GBƏ является плюральным, но в нём обнаруживаются также существительные, обозначающие единичные объекты. Подробнее об именных классах в акебу см. [Макеева, Шлуинский 2015].

путём конверсии – перехода из одного именного класса в другой, звонкий согласный меняется на глухой[10]:

ƊƏ (SG) → YƏ (PL):

dútúpí-ʈə̂ ‘гора’ → *ò-tútúpí-yə̂* ‘горы’,

gù-ʈə̂ ‘гнездо’ → *ò-kù-yə̂* ‘гнёзда’;

GƏ (SG) → GBƏ (PL):

gùú-kə̂ ‘ложка’ → *wə̀-kúú-kpə̂* ‘ложки’;

GBƏ (SG) → YƏ (PL):

gú-kpə̂ ‘комната’ → *ò-kú-yə̂* ‘комнаты’.

2. В существительных сингулярного класса ƝƱ и соответствующего плюрального класса BƏ: *gbɛ́ɛ̀-yə̂* ‘шрам’, PL: *à-gbɛ́ɛ̀-pə̂*; *dɑ̃ɑ̀sɑ̀ŋ̀tə́-yə̂* ‘торговец’, PL: *à-dɑ̃ɑ̀sɑ̀ŋ̀tə́-pə̂*; *gɔ̀ŋ̀mɔ̀-yə̂* ‘капкан’, PL: *à-gɔ̀ŋ̀mɔ̀-pə̂*; *bʈà:ŋ̄ɖā-yə̂* ‘суббота’ (< эве), PL: *à-bʈà:ŋ̄ɖā-pə̂*; *bɔ́ɔ́lì-yə̂* ‘мяч’ (< фр.), PL: *à-bɔ́ɔ́lì-pə̂*. Существительные класса BƏ являются единственным контекстом, в котором звонкие согласные оказываются в неначальной (интервокальной) позиции.

Ограниченная дистрибуция парных звонких согласных говорит об их недавней фонологизации. Напрашивается следующая гипотеза: фонологизация звонких согласных связана с утерей показателей, служивших фонетическим контекстом озвончения глухих согласных. Если утраченные показатели имели вид *ŋ̀*-, тогда звонкость начального корневого согласного могла бы быть объяснена озвончением соответствующего глухого согласного после [ŋ]. Низкий тон показателя, в свою очередь, объяснил бы наличие на синхронном уровне модуляции тона на первом слоге существительных классов ƊƏ и GƏ и низкий тон на первом слоге глагола в стативной конструкции при

[10] Помимо данного чередования, при образовании множественного числа существительных классов ƊƏ и GƏ происходит замена восходящего тонального контура на ровный: *bìí-ʈə̂* ‘семя’ → *è-píí-yə̂* ‘семена’, *gòó-ʈə̂* ‘капоковое дерево’ → *ò-kóó-yə̂* ‘капоковые деревья’, *gùú-kə̂* ‘ложка’ → *wə̀-kúú-kpə̂* ‘ложки’.

согласовании с существительными класса ƊƏ. Однако в конъюнктивной конструкции при согласовании с существительным по классу ŊƱ глагольная основа не подвергается каким-либо чередованиям, тогда как согласовательный показатель имеет вид *ŋ̀* (15):

(15) *nə́ə́-pə́* *fūʈí-yə̂* *ŋ̀-tə̀*
1SG.HAB-хотеть птица-ŊƱ ŊƱ.CONJ-падать
‘Я хочу, чтобы птица упала’.

Вопрос фонологизации звонких согласных остаётся открытым и требует дальнейшего исследования.

Сокращения

ŊƱ, BƏ, ƊƏ, WƱ, YƏ, GƏ, GBƏ – показатели соответствующих именных классов,
F – падающий тон,
H – высокий тон,
HAB – хабитуальная серия глагольных показателей,
HF – высоко-падающий тон,
L – низкий тон,
M – средний тон,
MF – средне-падающий тон,
PFV – перфективная серия глагольных показателей,
CONJ – конъюнктивная серия глагольных показателей,
SG – единственное число,
STAT – стативная серия глагольных показателей.

Литература

1. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.
2. Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. Базовая глагольная система языка акебу // Африканский сборник 2013. СПб: Лема. С. 359–376.
3. Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. Именные классы и согласование в языке акебу // Исследования по языкам Африки, вып. 5. М., 2015. С. 174–200.
4. Sossoukpe J.K. Proposition d’orthographe du Kəkpəə-kə (Akébou). Edition Préliminaire. Lomé, 2012.

Резюме

Работа посвящена описанию фонотактики, или сочетаемости фонем, языка акебу. Для описания структуры словоформы представляется удобным использовать термин стопы –односторонней единицы плана выражения, которая может состоять из одного или нескольких слогов и обладает повышенной степенью внутренней связанности. Стопы в акебу бывают одно-, двух- и трёхсложными. Повышенная спаянность элементов внутри стопы обеспечивается ограничениями на сочетаемость гласных, согласных и тонов внутри стопы.

Рассматриваются прогрессивная и регрессивная гармонии гласных, в результате которых гласный префикса / проклитики или суффикса соответственно уподобляется первому (или единственному) гласному корня. Регрессивная гармония затрагивает такие элементы, как классно-лично-числовые показатели глагола, классные префиксальные показатели существительного, согласовательные показатели класса в числительном, посессивные местоимения. Прогрессивная гармония затрагивает следующие элементы: форманты, при помощи которых происходит образование плюсквамперфектной основы глагола от лексической, показатели актантной деривации.

Важной проблемой фонотактики акебу является ограниченная дистрибуция парных звонких согласных, которая связана, по-видимому, с их недавней фонологизацией. Парные звонкие согласные встречаются в начальной позиции в местоимениях; в глаголах в конъюнктивной и стативной конструкциях при согласовании с существительными по классу ƊƏ, в существительных классов ƊƏ, GƏ, GBƏ, ƝƱ. Единственным контекстом, в котором звонкие согласные оказываются в неначальной (интервокальной) позиции, оказываются существительные плюрального класса BƏ. Вопрос о механизмах фонологизации звонких согласных требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: *фонология, фонотактика, стопа, гармония гласных, фонологизация, акебу, ква.*

Summary

This paper deals with a description of the phonotactics (the compatibility of phonemes) of Akebu. For the description of the word structure I use the notion of a metrical foot – a unilateral entity of the plane of expression, that can contain one or more syllables and has a high level of internal integration. Metrical foot in Akebu can contain one, two or three syllables. The high internal unity of the foot consists in restrictions on combinations of vowels, consonants and tones in the foot.

Progressive and regressive vowel harmonies are examined. Vowels of prefixes / proclitics or suffixes are assimilated to the first (or the only) root vowel. Regressive harmony affects verbal markers of class, person and number, nominal markers of class, agreement markers of class in numerals, possessive pronouns. Progressive harmony affects formants by which the pluperfect verbal stem is formed form the lexical stem and markers of valency-changing derivation.

The distribution of paired voiced consonants in Akebu is significantly limited that is apparently due to their recent phonemization. Paired voiced consonants appear in the stem-initial position of pronouns, of verbs in conjunctive and stative constructions while agreeing with nouns of the class ƊƏ, of nouns of classes ƊƏ, GƏ, GBƏ, ŊƱ . The only context where paired voiced consonants occupy non-initial (intervocalic) position are nouns of the plural class BƏ. Mechanisms of phonemization of paired voiced consonants require a further research.

Keywords: *phonology, phonotactics, metrical foot, vowel harmony, phonemization, Akebu, Kwa.*

Е.А. Макуни
МГЛУ, Москва

Особенности темпоральной организации художественных текстов с фикциональным комментарием

Соотношение фикциональности и фактуальности в тексте, а также ее привязка к темпоральности текста широко обсуждается в современной нарратологии и лингвистике текста. Существует множество определений как фикциональности, так и того, что же является ее отличительными чертами и как они проявляются в тексте. В. Шмид считал, что фикциональность является одной из главных характеристик художественного текста, эта характеристика передает то, что «изображаемый в тексте мир является *фиктивным*, вымышленным». При этом автор делает акцент на том, что нам необходимо различать фикциональный и фиктивный текст [Шмид 2003: 17–19]. Более развернутый анализ фикциональности дает в своей книге «Фигуры» Ж. Женетт [1998]. Он сравнивает фикциональный дискурс с лоскутным шитьем (patchwork) или с более менее равномерным сплавом разных частей, «разнородные элементы которого в большинстве своем почерпнуты из реальной действительности» [Там же: 495].

Ж. Женетт последовательно анализирует все особенности фикционального текста. Женетт обращается к хронологическим, локальным и другим характеристикам и сопоставляет фактуальное и фикциональное повествование. В своих рассуждениях о порядке происходящего в тексте он утверждает, что мы не можем противопоставлять фактуальное повествование, в котором «порядок событий задается сторонними источниками», и фикциональное повествование, где этот порядок «якобы в принципе непознаваем». Говоря о темпе повествования, Женетт отмечает, что ни одно произведение не способно и не обязано соблюдать темп, «полностью синхронный темпу своей истории» [Женетт 1998: 498-501].

Собственно темпоральные характеристики текста разбиваются на время самого повествования и время дискурса — Erzählzeit (время текста или дискурса) и erzählte Zeit (время повествования или истории) [Chatman 1978: 62–63]. Женетт анализирует временные отношения в тексте с помощью подкатегорий единой категории времени: порядок, длительность

(скорость) и частотность. Порядок подразделяется на аналепсис, обращенный в прошлое, пролепсис, обращенный в будущее, и параллелизм. Порядок соотнесен с длительностью (или скоростью). Длительность разбивается на эллипсис (компрессия или опущение), обобщение, сцену и паузу. В сцене время дискурса и время повествования совпадает, как, например, в диалоге. При паузе события не развиваются [Татару 2008].

И хотя темпоральные характеристики мы с трудом можем использовать для идентификации фикционального повествования, сам фикциональный комментарий является непосредственной частью фикционального повествования и весьма существенно влияет на темпоральную организацию текста. Мы не можем утверждать, что такие темпоральные характеристики являются уникальными для текста с фикциональными комментариями, но, тем не менее, они довольно необычны. Предваряя наше небольшое исследование, мы бы хотели дать определение фикциональному комментарию. Необходимо отметить, что комментарий сам по себе является источником фактической информации в сознании читателя. Фикциональный комментарий же таким источником не является, из-за чего происходит смешение двух видов повествования, фактуального и фикционального.

Чтобы отделить фикциональный комментарий от обычного комментария, нам следует обратиться к классификации комментариев, основанной на авторстве самого комментария. Это может быть «прямой», принадлежащий самому автору комментарий, «изображенный комментарий», передаваемый персонажу, и «комментарий со сменой адресата», комментарий, предлагаемый переводчиком, лингвистом или литературоведом [Арнольд 2010: 268].

Мы бы хотели показать читателю, как фикциональный комментарий может повлиять на порядок повествования, и для этого мы выбрали книгу С. Митчелла «Зов долга» (“Duty calls”) [Mitchell 2007]. Саму темпоральную структуру этой книги можно охарактеризовать, пользуясь признаками темпоральной структуры текста, предложенными М.Н. Левченко [2003: 21–22]. Это политемпоральный текст, в нем употребляются различные глагольные формы. Он трехсистемный (речь фикционального персонажа, он же «автор», речь другого фикционального персонажа — «редактор», речь других персонажей), с

многочисленными композиционно-хронологическими нарушениями, о которых речь пойдет ниже. Основная стержневая форма глагола — Past Simple. Особенность этой книги заключается в том, что она содержит значительное количество фикциональных комментариев, которые влияют на структуру повествования, вызывая в том числе и хронологические нарушения. Сама книга относится к жанру научной фантастики, действие книги происходит в далеком будущем, но главная особенность текста состоит в том, что само повествование — это, если так можно выразиться, двойной аналепсис. Мы знаем, что основная сюжетная линия — это воспоминания комиссара Кайафаса Каина о его военной службе, которые отредактированы и переработаны инквизитором Эмберли Вейл. Инквизитор Вейл и есть «автор» фикциональных комментариев по ходу рассказа комиссара, то есть мы имеем дело с «изображенными» комментариями. Замечания инквизитора Вейл сделаны позднее воспоминаний комиссара, на что имеются семантические (но не грамматические) указания в самом тексте, например во вступительном примечании редактора (фикциональном) — *"...in the portions of his memoirs that I have so far had time to edit and disseminate...", "...despite my own involvement in much of what follows I have resisted the temptation to comment directly at any great length, confining myself as usual to such footnotes and occasional ether interjections as seemed appropriate..."* [Mitchell 2007: 3–4]. Таким образом, инквизитор обращается к своим воспоминаниям о комиссаре и событиях, о которых он сам рассказывает. Сам текст организован так, что эти два забега в прошлое происходят практически одновременно — комментарий расположен внизу страницы, а потому читатель знакомится с более поздним воспоминанием о событии после более раннего. К примеру, описание следующей ситуации — *"He kicked a little more power to the repulsors, bouncing us over a Rhino that was just emerging from the access tunnel, with barely a centimeter to spare between us, the blocky armored vehicle, and the roof of the tunnel. Cain's exaggerating here. There were at least three centimeters to spare all around"* [Mitchell 2007: 15].

Комментарий по сюжету сделан много позже, но второй нарратор обращается к читателю так, как будто общается с первым как бы в режиме реального времени — Present Continuous, тогда как сама ситуация описана формами

прошедших времен. Фактически, в повествовании мы видим два параллельных потока времени — временной поток комиссара (его прошлое и его настоящее, которое является прошлым для инквизитора Вейл) и ее настоящее. В довершение ко всему, в тексте образуется два нарратора со своими временными линиями, потому что повествование и комиссара, и инквизитора ведется от первого лица. Из-за этого в тексте возникают ситуации, когда фикциональный комментарий является аналептическим по отношению к самому повествованию, но пролептическим для ситуации, к которой он дан. Важно отметить, что для описания отсылок к текущей ситуации оба нарратора используют Present и Present Perfect, тогда как большая часть воспоминаний оформлена в виде Past Simple и Past Perfect.

При этом персонаж инквизитора вообще не выделяет ситуационно какую-то временную линию комиссара, во всех ее комментариях разворачивание рассказа комиссара происходит одновременно с ее замечаниями — например, используются формы настоящего времени для описания действий Каина: *“although Cain is reasonably explicit”,”Cain has alluded on many occasions”, “Cain alludes in many places“*. При этом то, что относится ко времени самих действий Каина и инквизитора Вейл, остается строго в прошедшем времени.

Но для читателя, который существует в собственном временном потоке, временное поле ограничивается существующим для него фикциональным «будущим» временем повествования книги, которое для рассказчиков книги является уже прошлым.

В тексте существует множество косвенных «подтверждений» подлинности самих мемуаров — редакционная правка и справочные комментарии (editorial notes, которые идут в начале, между некоторыми главами и в конце книги), редакционные примечания, которые идут под основным текстом на всем протяжении книги, время повествования, отсылки к конкретным событиям и датам. Более того, по сюжету романа инквизитор Вейл снабжает отредактированный текст многочисленными справками, то есть фикциональный комментарий содержит еще один фикциональный комментарий:

“Editorial Note:

The following, mercifully short, extract fids in a Brief elision in Cain’s own account of events. After some deliberation I’ve decided to

include it purely for the safe of completeness. Readers preferring to skip it are at perfect liberty to do so, if not actively encouraged.

From *Like a Phoenix on the Wing: The Early Campaigns and Glorious Victories of the Valhallan 597th* by General Jenit Sulla (retired), 101.M42

It will come as no surprise to those readers who have followed my account of the heroic exploits of our regiment thus far to hear...” [Mitchell 2007: 63].

Таким образом, выполняется одно из назначений фикционального комментария — убедить читателя в достоверности событий и персонажей.

С одной стороны, текст книги вне всякого сомнения фиционален, фиктивен, ибо соответствует вымышленному миру, но с другой стороны, автор текста делает всё, чтобы предать ему достоверности, вплетает в фикциональный текст то, что делает его псевдо-достоверным — даты, имена, отсылки и редактуру. На наш взгляд, выбранная автором форма темпоральной организации в некотором смысле хотя и усиливает фикционализованность текста, но делает его более реальным для читателя. Хронологические проспективные и ретроспективные скачки превращают сам сюжет в многослойный и сильно расширяют его временные рамки. Фикциональный комментарий в данном произведении не только создает вторую временную линию, меняя таким образом всю темпоральную структуру романа, но и придает этой структуре определенный ритм — переход от прошлого в настоящее первого нарратора, а потом и переход в настоящее второго нарратора.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. 2-е изд. М., 2010.

2. Женетт Ж. Вымысел и слог (Fictio et dictio) // Фигуры: в 2-х тт. М., 1998. Т. 2. С. 342–451.

3. Левченко М.Н. Темпорально-локальная архитектоника художественных текстов различных жанров: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 449 с.

4. Татару Л.В. Ритм темпоральности постмодернистского нарратива как когнитивная модель (роман М. Спарк «Расцвет мисс Джин Броди») // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: http://www.science-education.ru/106-

7907 (дата обращения: 25.12.2012).

5. Шмид В. Нарратология. М., 2003. URL: http:/http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/shmid/01.php (дата обращения 12.10.2014).

6. Chatman, S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. London: Cornell UP, 1978.

7. Mitchell S. Duty Calls, 2007.

Резюме

Статья посвящена проблеме темпоральной структуры художественных текстов с фикциональным комментарием. Такого рода комментарии могут существенно повлиять на темпоральную организацию текста, поскольку вместе с ними могут возникать не только проспективные и ретроспективные отступления от хронологического порядка, но и, фактически, появиться вторая временная линия, параллельная основной. В качестве примера в статье рассматривается книга Сэнди Митчелла «Зов долга» (Sandy Mitchell, “Duty calls”).

Ключевые слова: *фикциональность, фикциональный комментарий, темпоральная структура текста.*

Summary

The article focuses on the problem of the temporal structure of texts with fictional commentaries. Such commentaries and notes could influence seriously the temporal organization of the text, and different variations of retrospective and prospective elements in the chronological order as well as a second time-line could appear as the results of this influence. The book under the title “Duty calls” by Sandy Mitchell is analyzed in this article as an example of such texts.

Keywords: *fictionality, fictional commentary, temporal structure of texts.*

Е.И. Пискунова
НИУ ВШЭ, Москва

Фейсбук или Фэйсбук? Динамика освоения твёрдых согласных перед [е] на материале заимствований разного времени

1. Введение

Наблюдения показывают, что согласные в заимствованных словах русского языка в разные периоды времени ведут себя по-разному. Известно, что в каждом следующем поколении мягкое произношение согласного в конкретном слове распространено больше, чем в старшем поколении, то есть эти слова имеют тенденцию к освоению [Панов 2002].

Вместе с тем нельзя не отметить, что произнесение твердых и мягких согласных в иноязычных словах имеет социальную значимость. Так, произношение твердых согласных в позиции перед *Е* было широко распространено еще в речи дореволюционной дворянской интеллигенции. Это могло объясняться наличием русско-французского двуязычия и своеобразной орфоэпической культуры, имевшей место в дворянских семьях [Поливанов 1931: 124-127]. Однако в послереволюционное время изменение состава интеллигенции и орфографическая реформа должны были бы привести к тому, чтобы произношение твердого согласного в позиции перед *Е* утратилось в повседневной речи, сохраняясь лишь в необщеупотребительных заимствованных словах [Панов 2002]. Несмотря на ожидания некоторых ученых, что твердость согласных перед [э] – временное явление, которое будет быстро уходить, в русском языке мы можем встретить часто употребляемые заимствования с твердым и согласными в позиции перед Е, например, [*кафэ*].

В самое последнее время появилась тенденция к твердому произнесению *Ф* перед *Е*. В этом исследовании мы рассмотрим слова с сочетанием <фе> и сравним более новые заимствованные слова: *фейсбук, феншуй, оферта* – с более старыми: *эффект, профессор, кофе, конференция, феномен, кафе, префект, фермент.* Мы выбрали для исследования именно эти заимствования, так как после анализа данных словаря и

мультимедийного корпуса они показали наибольшую вариативность. Кроме того, для чистоты эксперимента, мы выдумали несуществующее слово, в котором согласный *Ф* стоит в позиции перед *Е*, – *плиферон*. Это слово важно для эксперимента, потому что оно заведомо незнакомо говорящему и поэтому может показать, как влияет известность слова на его произношение.

Так, в этой исследовательской работе мы хотим ответить на следующие вопросы.

- Действительно ли появилась новая тенденция освоения согласных в заимствованных словах?
- Касается ли эта тенденция всех слов или только новых заимствований?
- В одинаковой ли степени эта новая тенденция характерна для разных поколений?

Цель настоящей работы – выявить новые факторы, которые влияют на освоение согласного *Ф* в заимствованных словах разного времени. Задачами этой работы являются:

- анализ нормы произношения изучаемых слов, основанный на словарях разного времени;
- анализ данных мультимедийного корпуса;
- проведение эксперимента, который провоцирует информантов произнести изучаемые слова в спонтанной и осознанной речи;
- выявление корреляции твердых / мягких произносительны вариантов и возраста / уровня образования / пола говорящих.

В настоящей работе в разделе 2 будет описана история произношения анализируемых слов по словарям и мультимедийному корпусу. Раздел 3 посвящен описанию методов исследования и состава респондентов, которые участвовали в этом эксперименте. В разделе 4 будут описаны полученные результаты.

2. Нормы произношения анализируемых слов

2.1. История произношения слов по словарям

Чтобы найти свидетельства того, как произносились анализируемые слова раньше, нам необходимо воспользоваться толковыми словарями разного времени. Для нас в равной степени

интересна и норма, которая предписывается словарем, и наоборот, зафиксированные словарем ненормативные произношения – именно по ним видно, что слово могло иметь другое произношение.

Для анализа мы выбрали следующие слова: *афера, аферист, буфет, интерфейс, инфекция, конференция, кафе, кофе, кафетерий, префект, профессор, рефери, сфера, фееричный, фейсбук, фельдшер, феномен, фермент, фенишуй, фестиваль, фетиш, эффект.* Мы посчитали, что именно у этих слов с сочетанием <фе> может быть вариативность произношения.

Ниже приведена Таблица 1, в которой рассматриваются нормы слов с сочетанием <фе> из орфоэпических словарей разного времени (с середины XX века до настоящего времени). Пустые колонки означают, что слово в словаре присутствует, но в нем не отмечена норма произношения *Ф*. Колонки, в которых отмечено «Нет», означают, что слово в словаре не представлено.

Таблица 1. Нормы произношения, закрепленные в словарях

	[1], 1959	[2], 1988	[3], 2003	[4], 2005	[5], 2013	[6], 2012
афера	[не *фё*]					[ф’е] ! неправ. а[ф’о]ра
аферист						[ф’]
буфет	нет		нет	нет		[ф’]
интерфейс	нет	нет	[рф’], [р’ф’] устар.	допус т. [фэ]	нет	[рф’е] *и* [рфэ]
инфекция			[нф’], [н’ф’] устар.			[нф’], допуст. устарелое [н’ф’]
конференция			[нф’], [ньф’] устар.		нет	[нф’]
кафе						[фэ]
кафетерий						[ф’]

кофе	[не *фэ*]	неправ. [фэ]	[ф’е], неправ. [фэ]		неправ. [Фэ]	[ф’е], неправ. [фэ]
префект			[ф’е]	нет	нет	нет
профессор					нет	[ф’]
рефери	нет		[ф’]			нет
сфера	[с’ф’]	[с’ф’]	нет			[сф’]ера *и допуст. устарелое* [с’ф’]ера
фееричный			[ф’ии], [ф’иэ], [ф’еи]			[ф']
фейсбук	нет	нет		нет	нет	
фельдшер			[ф’]			[ф’]
феномен			[ф’]			[ф]
феншуй	нет	нет	нет	нет	нет	
фермент			[ф’]		нет	[ф’]
фестиваль			Нет			[ф’]
фетиш			[ф’]			[ф’]
эффект	[ф’]	[ф’]	[ф’], неправ. [фэ]	[ф’]		нет

Из анализа данных этих словарей видно, что сочетание <фе> в большинстве случаев не допускает вариативности твердости / мягкости *Ф*. Нормативным вариантом произношения большинства изученных слов считается использование мягкого *Ф*, в частных случаях в словарных статьях указывается, что произношение твердого *Ф* в таких словах, как *эффект* и *кофе*, является абсолютно недопустимым, что, видимо, говорит о том, что твердое произношение встречалось. Кроме того, в словаре указаны слова, которые допускают твердое произношение *Ф*:

• *интерфейс* в словаре Каленчук, Касаткина, Касаткиной за 2012 год и в словаре Ивановой за 2005 год;

• *феномен* в словаре Каленчук, Касаткина, Касаткиной за 2012 год.

2.2. История произношения слов по мультимедийному корпусу

Далее стоит рассмотреть данные, полученные из мультимедийного корпуса русского языка. Эти данные нам необходимы, чтобы проанализировать и сравнить, как люди разного года рождения произносили изучаемые слова в разные периоды времени. С помощью Таблицы 2 можно ознакомиться с группами слов, которые употребляются только с мягким [ф’] и со словами, в которых окказионально встречается твердый [ф].

Таблица 2. Данные мультимедийного корпуса

Только мягкий [ф’]	Окказионально твердый [ф]
буфет	инфекция
префект	конференция
рефери	кофе
сфера	кафе
фееричный	профессор
фельдшер	феномен
фестиваль	эффект
фермент	

Таким образом, выделена группа слов, которая по данным мультимедийного корпуса встречается как с твердым, так и с мягким [ф] в позиции перед *Е: инфекция, конференция, кофе, кафе, профессор, феномен, эффект.* Слово *инфекция* произносится в мультимедийном корпусе с твердым [ф] в двух случаях: первый – в кинофильме «Марья-искусница», который был создан в 1959 году, Анатолием Кубацким, актером пятидесяти лет, второй – в фильме 1974 года «Нейлон 100%» Светланой Харитоновой, актрисой 42 лет. Слово *конференция* произносится, с сочетанием [фэ] в фильме 62 года «Мой Младший брат» Олегом Далем, которому на тот момент был 21 год. Стоит отметить, что он произносит это слово с *О* в

безударном слоге, то есть демонстрирует манерное произношение, имитируя интеллигентскую фонетику. Слово *кофе* достаточно часто встречается с произношением твердого согласного в разные периоды времени, например, в 1940-х, 1950-х, 1960-х и 1980-х годах. Вариант *ко[фэ]* произносится людьми в возрасте от 20 до 80 лет. В большинстве случаев это также является манерным произношением. В мультимедийном корпусе слово *кафе* произносится в ненормативном варианте *ка[ф'е]* в фильме «Дайте жалобную книгу!» Анатолием Папановым, актером в возрасте 43 года. Слова *профессор* и *феномен* встречается с твердым [ф] только лишь в 1980-х годах: вариант *[фэ]номен* произносится в кинофильме «Покровские ворота» Виктором Борцовым, которому 67 лет. Слово *эффект* имеет самую яркую вариативность по данным мультимедийного корпуса. В периоде 1930-1990 встречаются многочисленные варианты произношения *эф[фэ]кт* людей в возрасте от 20 до 70 лет. Например, в фильме «Ширли-мырли» Арменом Джигарханяном, которому на тот момент было 60 лет. Таким образом, произношение этих слов с твердым *Ф* может зависеть от следующих факторов:

- склоняемое ли слово;
- ударный ли гласный;
- имитация интеллигентской фонетики.

3. Экспериментальное исследование произношения изучаемых слов

3.1. Метод исследования

В этой работе использовалось два эксперимента: первый – для проверки спонтанной речи, второй – для осознанной речи. При составлении первого эксперимента мы предположили, что, если предложить информанту чтение вслух текста с картинками, которые надо заменить словами, то он будет концентрироваться и в большей степени обращать свое внимание на эти слова-филлеры, чем на изучаемые переменные. Произнесение изучаемых слов будет спонтанным, так как информант во время отгадывания слов-филлеров задумывается не над произношением слов, а над значениями данных картинок. В рамках этого эксперимента были использованы следующие слова-обманки, которые не содержат исследуемого сочетания <фе>: *кружка,*

Санкт-Петербург, университет, угол, ученый, сонливость, организм.

Второй эксперимент заключался в чтении изучаемых слов с листа. Ожидается, что данный метод спровоцирует в большей степени осознанную речь, по сравнению с первым экспериментом. При чтении списка слов, которые находятся вне какого-либо контекста, говорящий уделяет своей речи повышенное внимание и тем самым произносит тот вариант, который он считает нормативным.

В рамках этих двух экспериментов было выявлено, что некоторые слова не имеют вариативности, поэтому следующие слова далее не будут рассмотрены при анализе спонтанной речи: *профессор, конференция, префект, оферта, эффект, фермент, плиферон.* Помимо этого, исключено слово *кафе,* которое произносилось всеми респондентами с твердым [ф]. Кроме того, при анализе осознанной речи также не будут рассмотрены следующие слова без вариативности: *кофе, кафе, плиферон, фермент, оферта, конференция.*

3.2. Респонденты

Для исследования было опрошено 70 человек, в возрасте 15 – 79 лет, со средним, средним специальным, неполным высшим и высшим образованием. Большая часть из них проживает в Москве или в ближайшем Подмосковье. Для дальнейшего анализа полученных данных информанты были разделены на группы в зависимости от возраста, образования и гендера.

Таблица 4. Гендерное распределение по возрастным группам.

Пол / Возраст, лет	М	Ж
15–23	17 чел.	11 чел.
25–53	10 чел.	14 чел.
57–79	9 чел.	9 чел.

4. Результаты эксперимента

4.1. Корреляция с возрастом в спонтанной речи

Для определения корреляции между произношением изучаемых слов и возрастом информантов участники

эксперимента были разделены на три возрастные группы: 15 – 23 года (28 человек) , 25 – 53 года (25 человек), 57 – 79 лет (17 человек). Ниже представлены диаграммы для слов, в которых встретилась вариативность твердости – мягкости *Ф* при изучении спонтанной речи: *кофе, фейсбук, фенщуй.* Эти диаграммы демонстрируют процентное соотношение людей, произносящих в исследуемых слова мягкий [ф’].

Рисунок 1. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *кофе* в каждой возрастной группе при спонтанной речи

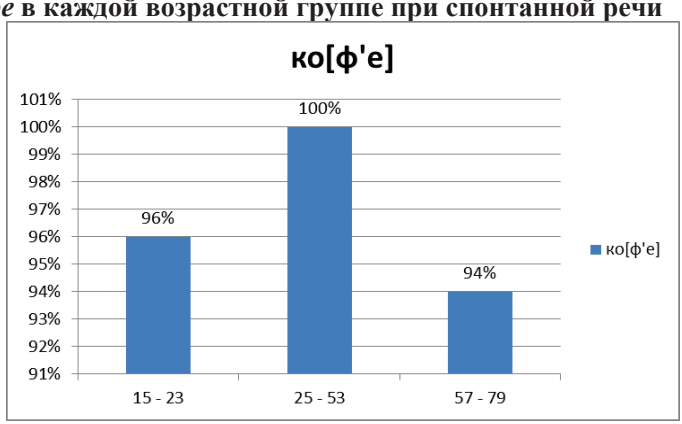


Рисунок 2. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в каждой возрастной группе при спонтанной речи

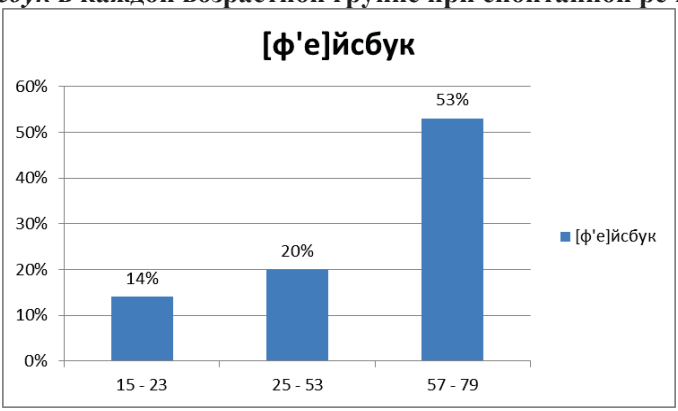
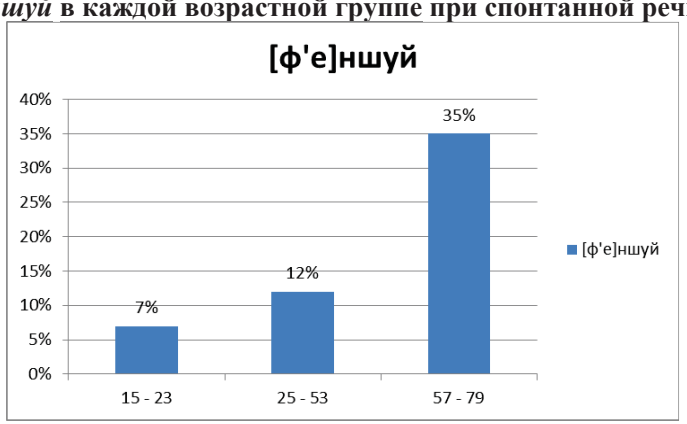


Рисунок 3. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в каждой возрастной группе при спонтанной речи



Так, согласно первой диаграмме, слово *кофе* первая (15 – 23) и третья (57 – 79) возрастные группы произносят с незначительной вариативностью, в то время как вторая возрастная группа (25 – 53) со стопроцентной вероятностью произносит вариант *ко[ф’е]*. Вторая диаграмма демонстрирует нам, что произношение слова *фейсбук* обладает вариативностью. При этом, информанты в возрасте 15 – 23 в 14% случаев произносят вариант *[ф’е]йсбук*, а в 86% случаев – *[фэ]йсбук*. 20% возрастной группы 25 – 53 при спонтанной речи используют *[ф’е]йсбук*, остальные 80% – *[фэ]йсбук*. При анализе данных по третьей возрастной группе выявлено, что немного больше половины говорят *[ф’е]йсбук*, а 47% – *[фэ]йсбук*. Как демонстрирует третья диаграмма, информанты в возрасте 15 – 23 всего в 7% случаев произносят вариант *[ф’е]ншуй*, а в 93% случаев – *[фэ]ншуй*. Похожие результаты показала вторая возрастная группа: 12% произносят *[ф’е]ншуй*, 88% произносят *[фэ]ншуй*. 35% людей в возрасте 57 – 79 употребляют в своей спонтанной речи вариант *[ф’е]ншуй*, в остальных случаях употребляется твердый согласный *Ф*.

Таким образом, очевидна следующая тенденция: младшее поколение более склонно использовать в спонтанной речи твердый [ф], а в старших поколениях увеличивается процент употребления мягкого [ф’]. Этот факт говорит о том, что новые слова, как *фейсбук* и *феншуй,* не подвергаются освоению и

приобретению обычной фонетики, свойственной для русского языка.

4.2. Корреляция с возрастом в осознанной речи.

Ниже приведены диаграммы, которые демонстрируют процентное соотношение вариантов произнесения разными возрастными группами следующих слов: *фейсбук, эффект, префект, профессор, фенщуй.*

Рисунок 4. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в каждой возрастной группе при осознанной речи

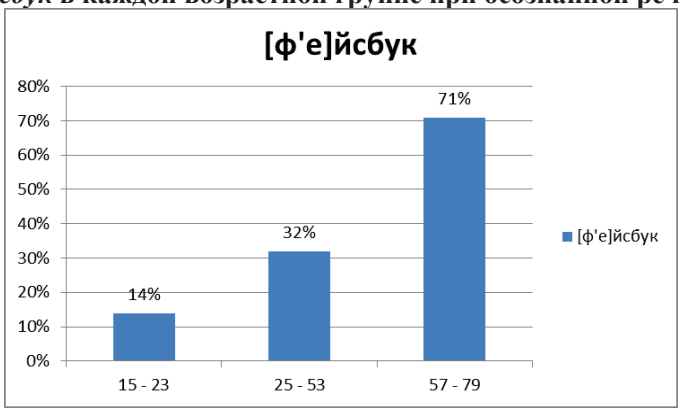


Рисунок 5. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *эффект* в каждой возрастной группе при осознанной речи

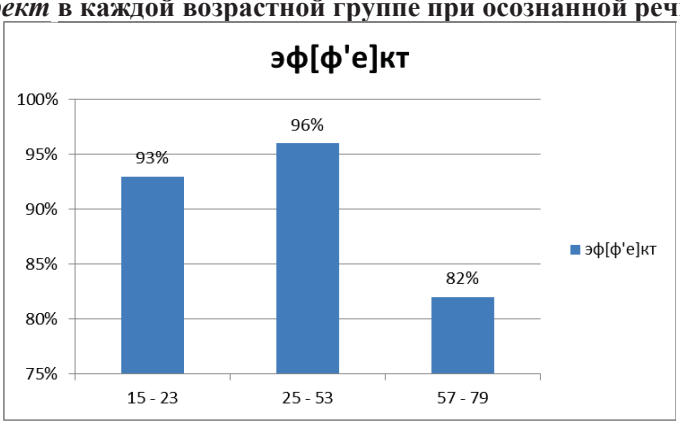


Рисунок 6. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *префект* в каждой возрастной группе при осознанной речи

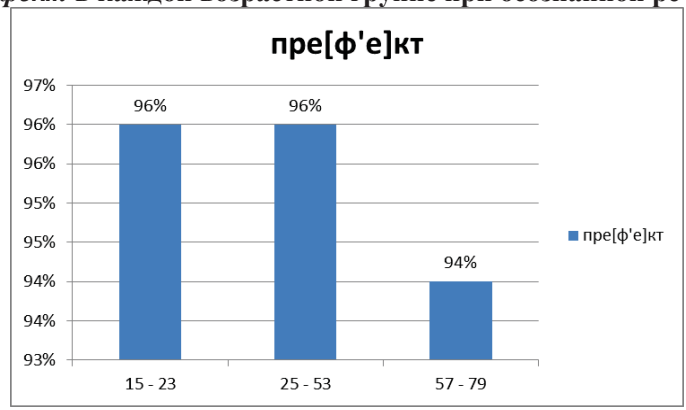


Рисунок 7. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *профессор* в каждой возрастной группе при осознанной речи

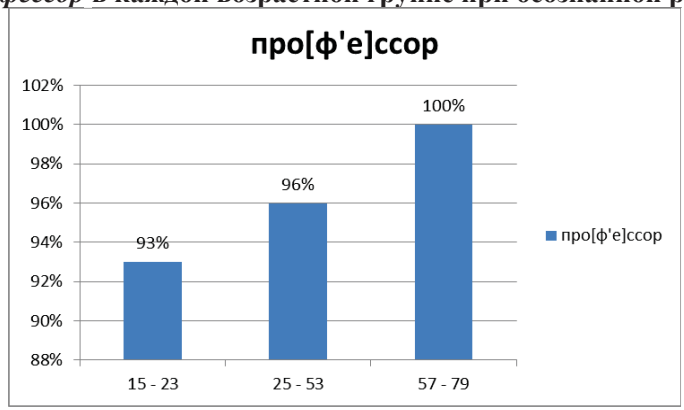


Рисунок 8. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в каждой возрастной группе при осознанной речи

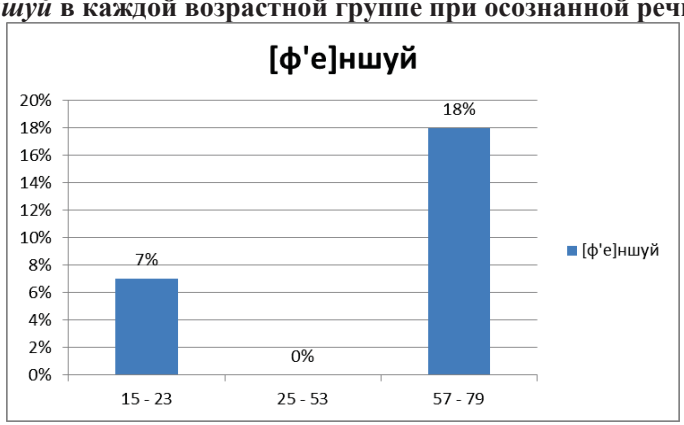


Диаграмма 4 отчетливо показывает, что чем больше возраст говорящего, тем чаще он употребляет мягкий вариант *[ф’е]йсбук.* Заметно, что количество употреблений этого варианта каждой возрастной группой увеличивается больше, чем в два раза, по сравнению с предыдущей группой. Результаты анализа данных по словам *эффект, префект* демонстрируют нам, что люди старшего поколения больше склоны употреблять твердый [ф], чем люди младшего поколения. По данным 7 диаграммы, очевидно, что люди из первой возрастной группы произносят слово *профессор* с твердым [ф] гораздо чаще, чем люди старшего возраста. А информанты в возрасте 57 – 79 произносят вариант *про[ф’е]ссор* с вероятностью 100%. Кроме того, вариант *[ф’е]ншуй* используют в осознанной речи только люди в возрасте 15 – 23 и 57 – 79.

Отсюда следует, что результаты двух методов эксперимента в отношении основной тенденции не различаются. Вне зависимости от осознанности произнесения изучаемых слов, информанты в возрасте 57 – 79 в большинстве случаев произносят варианты с мягким [ф’] в позиции перед *Е*. Это может объясняться тем, что в случае со словами *фейсбук* и *феншуй* они из-за незнания значения слова произносят мягкий согласный, используя фонетическое правило русского языка, свойственное общеупотребительным словам. Кроме того, по представленным ниже диаграммам видно, что у молодого поколения поведение при чтении меняется меньше, чем у среднего и старшего.

Рисунок 9. Процент употребления мягкого [ф’] в изучаемых словах при спонтанной речи разными возрастными группами

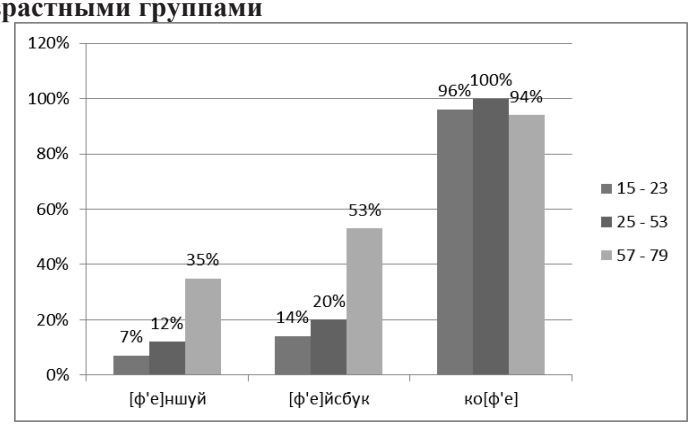
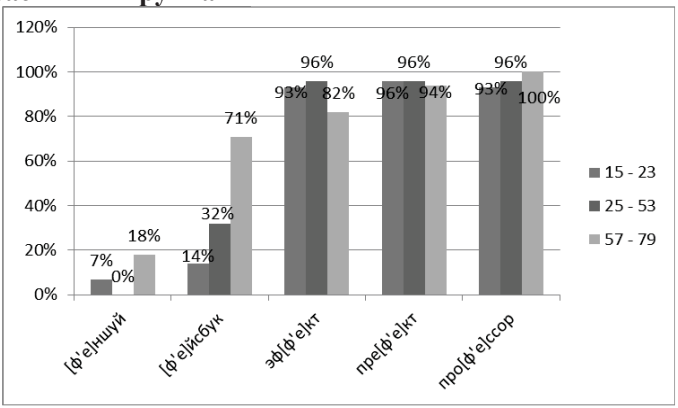


Рисунок 10. Процент употребления мягкого [ф’] в изучаемых словах при осознанной речи разными возрастными группами



4.3. Корреляция с уровнем образования в спонтанной речи

Для того чтобы выяснить, есть ли корреляция между вариантами произнесения и уровнем образования, информанты были разделены на две группы: среднее специальное и высшее образование. Ниже приведены диаграммы, которые показывают результаты эксперимента при спонтанной речи.

Рисунок 11. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *кофе* в зависимости от уровня образования при спонтанной речи

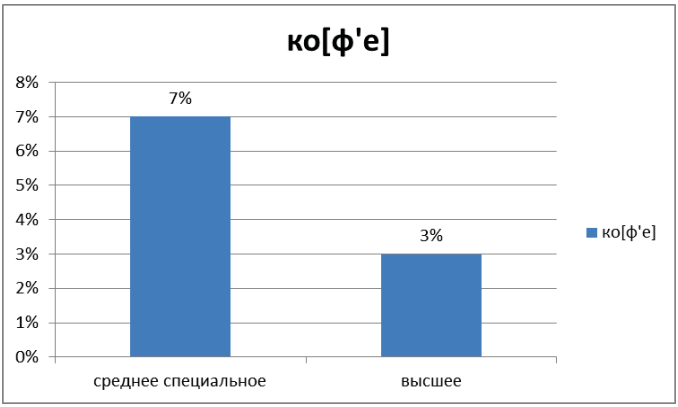


Рисунок 12. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в зависимости от уровня образования при спонтанной речи

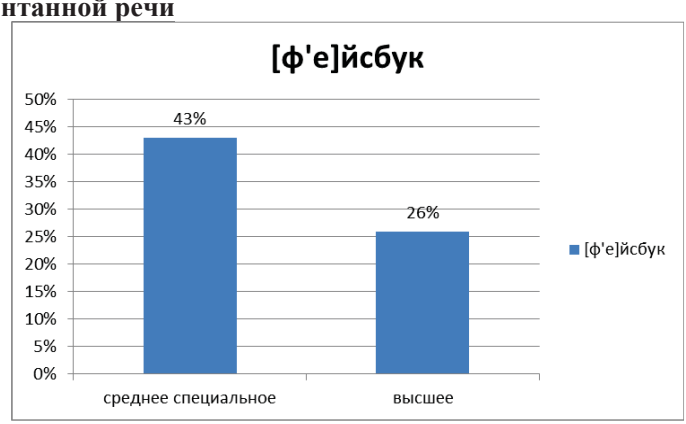
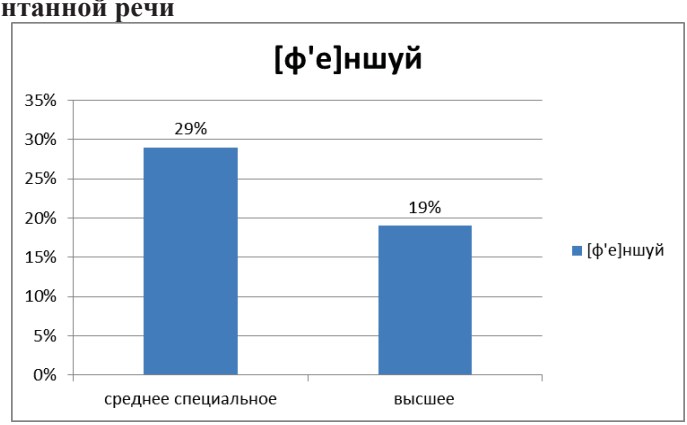


Рисунок 13. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в зависимости от уровня образования при спонтанной речи



По данным диаграммы 9 заметно, что люди с высшим образованием в 3% случаев говорят *ко[фэ],* а информанты со средним специальным в 7%. Наибольший процент людей, которые произносят вариант с твердым *Ф* перед *Е* относятся к группе людей со средним специальным образованием. Аналогичная ситуация складывается со словом *фейсбук*: 43% информантов со средним специальным образованием, 26% с высшим используют в спонтанной речи вариант *[ф’е]йсбук*. 29% информантов со средним специальным образованием и 19% с высшем употребляют в своей речи мягкий [ф’] в слове *феншуй*. Отсюда следует, что информанты со средним специальным и высшим образованием допускают в повседневной речи ненормативный вариант слова *кофе* и варианты с мягким [ф’] слов *феншуй* и *фейсбук*.

4.4. Корреляция с уровнем образования в осознанной речи

Далее представлены диаграммы, которые демонстрируют нам процентной соотношение употреблений разных вариантов произношения изучаемых слов при осознанной речи людей с разным уровнем образования.

Рисунок 14. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в зависимости от уровня образования при осознанной речи

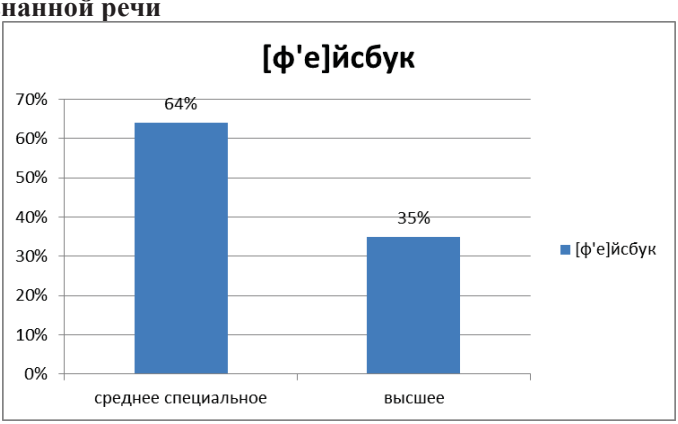


Рисунок 15. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *эффект* в зависимости от уровня образования при осознанной речи

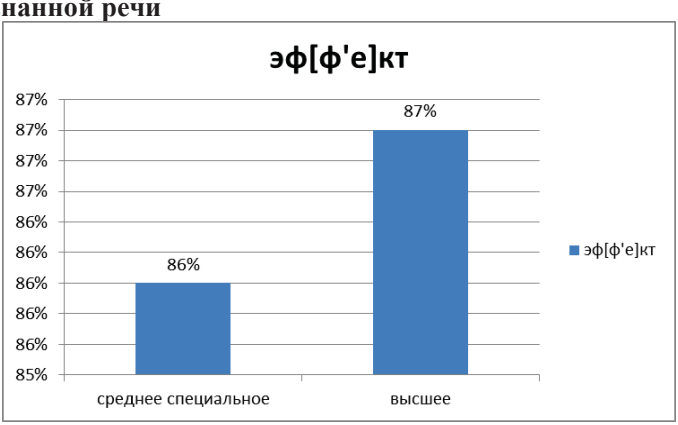


Рисунок 16. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *префект* в зависимости от уровня образования при осознанной речи

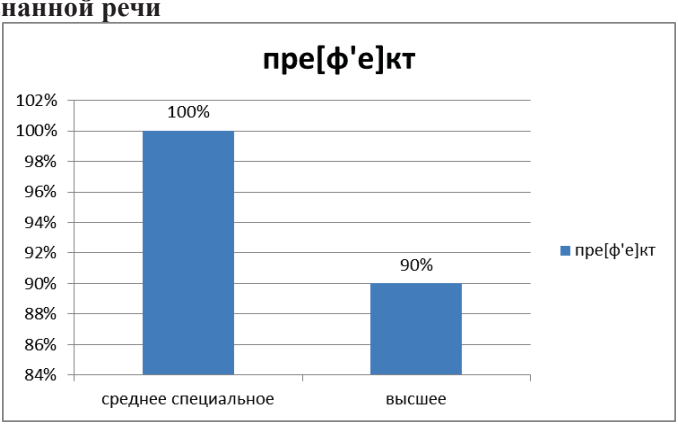


Рисунок 17. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *профессор* в зависимости от уровня образования при осознанной речи

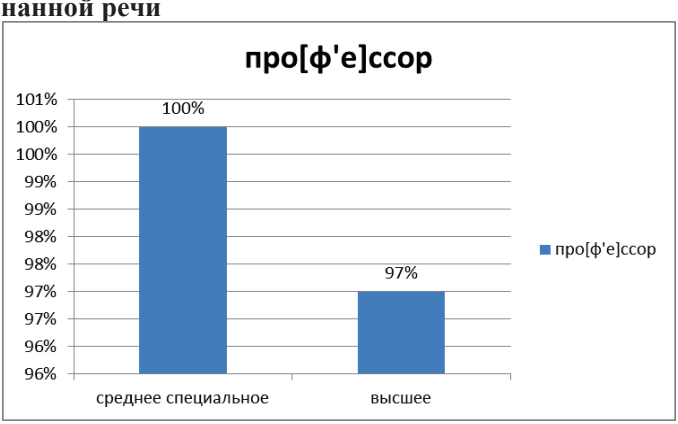


Рисунок 18. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в зависимости от уровня образования при осознанной речи

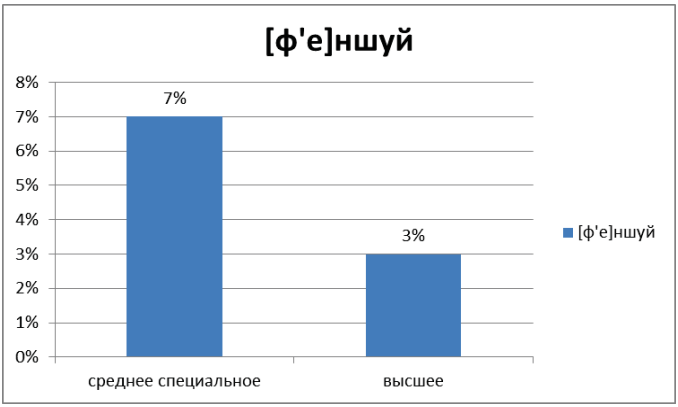


Диаграмма 12 показывает, что при осознанной речи, как и при спонтанной, люди со средним специальным образованием почти в половине случаев склоняются произносить вариант *[ф’е]сйсбук*, но также этот вариант встречается в речи информантов с высшим образованием. Слово *эффект* произносится с твердым согласным перед *Е* 14% людей со средним специальным и 13% с высшим образованием. К тому же вариант *пре[фэ]кт* используется только в спонтанной речи информантов с высшим образованием. Подобным образом вариант *про[фэ]ссор* употребляют информанты с высшим образованием. Кроме того, 93% информантов со средним специальным образованием произносят слово *феншуй,* используя твердый [ф], в то время как информанты с высшим образованием в 3% случаях допускают произношения этого слова с мягким согласным.

Таким образом, очевидно, что так же, как и при возрастном факторе, при сопоставлении результатов спонтанной и осознанной наблюдается одинаковая тенденция употреблений вариативности твердости – мягкости согласного *Ф*. Но люди со средним специальным образованием больше склоны при осознанной речи выбирать вариант с твердым [ф].

4.5. Корреляция с гендером в спонтанной речи.

В рамках данного эксперимента были рассмотрены произношения изучаемых слов мужчинами и женщинами по отдельности. В исследовании учувствовало 34 женщины и 36 мужчин. Так, ниже представлены диаграммы с процентным соотношением для слов: *кофе, фейсбук, фенщуй.*

Рисунок 19. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *кофе* в зависимости от гендера при спонтанной речи

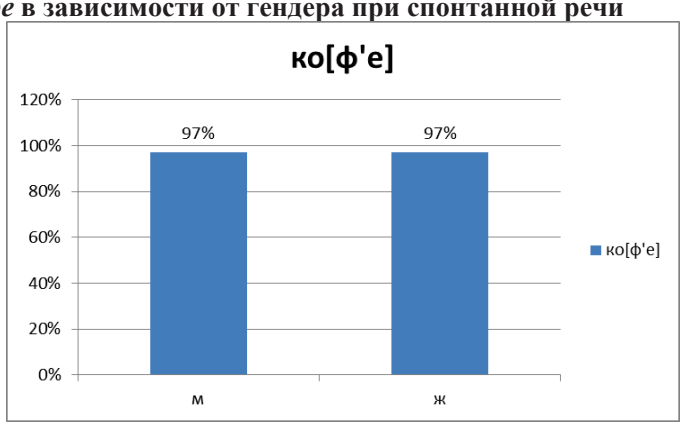


Рисунок 20. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в зависимости от гендера при спонтанной речи

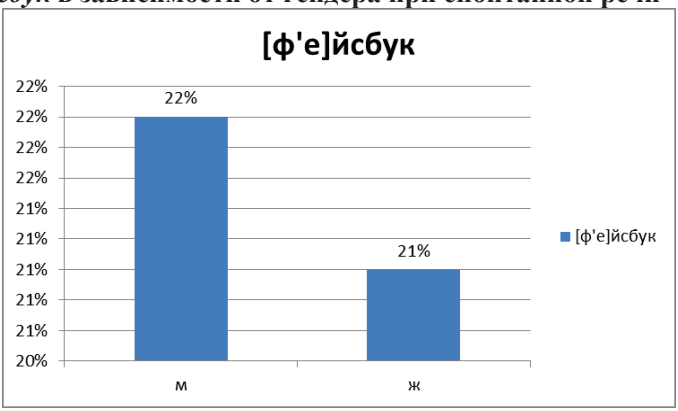


Рисунок 21. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в зависимости от гендера при спонтанной речи

Полученные диаграммы демонстрируют, что и мужчины, и женщины употребляют вариант *ко[фэ]* всего в 3% случаев. Аналогично практически совпадают процентные соотношение при анализе слова *фейсбук*: 22% мужчин и 21% женщин произносят это слово с мягким [ф’]. Диаграмма 21 показывает, что 19% мужчин и 12% женщин используют в своей спонтанной речи вариант *[ф’е]ншуй*. Итак, при анализе этих диаграмм было выявлено, что не наблюдается корреляции между гендером и произношением слов.

4.6. Корреляция между гендером и осознанной речью

Ниже представлены данные, которые демонстрируют, какой вариант произношения изучаемых слов свойствен мужчинам, а какой женщинам.

Рисунок 22. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *фейсбук* в зависимости от гендера при осознанной речи

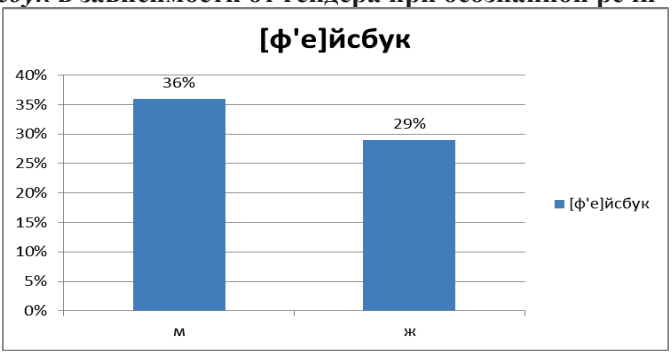


Рисунок 23. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *эффект* в зависимости от гендера при осознанной речи

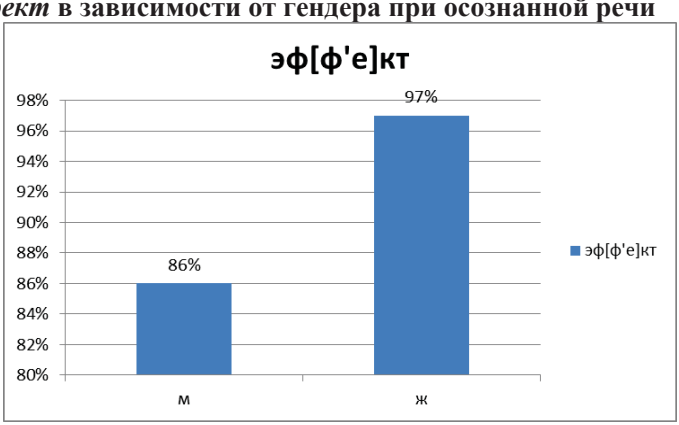


Рисунок 24. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *префект* в зависимости от гендера при осознанной речи

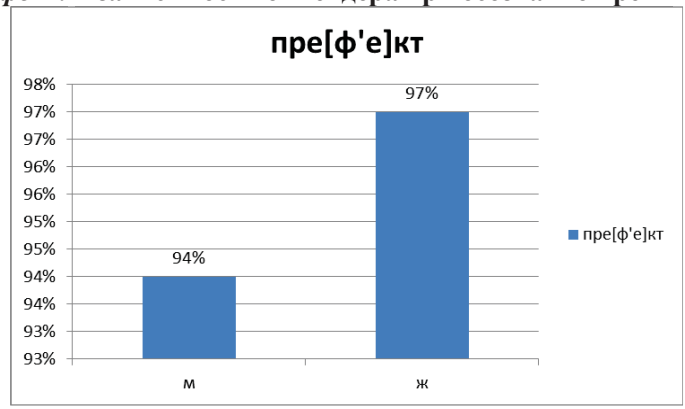


Рисунок 25. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *профессор* в зависимости от гендера при осознанной речи

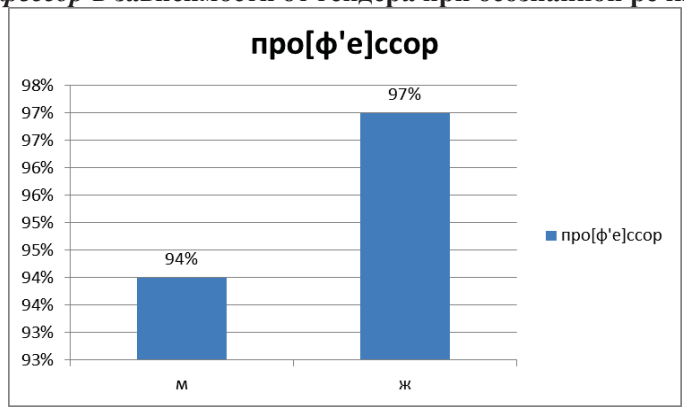


Рисунок 26. Процент употреблений мягкого [ф’] в слове *феншуй* в зависимости от гендера при осознанной речи

По данным представленных выше диаграмм, приблизительно половина мужчин и чуть меньше половины женщин при осознанной речи используют вариант слова *фейсбук* с мягким [ф’]. По сравнению с женщинами, вариант *эф[фэ]кт* с небольшим преобладанием используется мужчинами. Помимо этого, варианты *пре[фэ]кт*, *про[фэ]ссор*, *[ф’е]еншуй* встречаются в осознанной речи и мужчин, и женщин с

вероятностью примерно 6%. Таким образом, мы видим, что хотя различия небольшие, но есть очень слабая тенденция в сторону того, что женщины чаще произносят твердый согласный в новых словах (*фейсбук, феншуй*).

5. Заключение

В настоящем исследовании мы рассмотрели вариативность заимствованных слов *эффект, профессор, кофе, конференция, феномен, кафе, префект, фермент, фейсбук, феншуй, оферта* в русском языке и выяснили, какие факторы влияют на их произношение.

Это исследование может не полностью демонстрировать языковую картину. Во-первых, на некоторых респондентов могло повлиять волнение во время проведения эксперимента. Во-вторых, сбор данных был трудным процессом: было сложно найти людей старшей возрастной группы. Кроме того, для выявления более точных результатов необходима более сбалансированная и большая выборка.

Сначала мы проанализировали по словарям разного времени и по мультимедийному корпусу нормы произношения изучаемых слов и определили, что на речь говорящего могут повлиять следующие факторы:

- склоняемое ли слово;
- ударный ли гласный;
- имитация интеллигентской фонетики.

После анализа данных эксперимента было выявлено, что мы имеем дело с языковой инновацией. Мы столкнулись с совершенно новым явлением – сохранение в новых словах иноязычного происхождения твердого согласного в позиции перед *Е*.

Мы установили, что наиболее существенным фактором, который влияет на произношение согласного в спонтанной и осознанной речи говорящего, является его возраст. Так, прослеживается тенденция, что люди младшего поколения больше склоны произносить анализируемые слова с твердым [ф] в позиции перед *Е*, чем люди старшего возраста. Это объясняется тем, что информантам младшего поколения свойственно осваивать новые заимствования с твердым *Ф*. Тем самым мы наблюдаем новую тенденцию в русском языке.

Кроме того, мы выяснили, что слова *фейсбук* и *феншуй* обладают наибольшей вариативностью в произношении. Эти слова являются совсем новыми заимствованиями, поэтому многие респонденты из старшей возрастной группы могли их не знать и из-за этого использовать вариант с мягким согласным, а респонденты из младшей возрастной группы склоняются к произношению с твердым согласным. Это наталкивает на мысль о том, что им свойственно произносить эти слова на иностранный манер. Стоит также отметить, что женщины выбирают вариант произношения этих заимствований с твердым [ф] с большей частотностью, чем мужчины.

Таким образом, мы видим, что это исследование полностью противоречит мнению многих ученых, что твердость согласных перед *Е* – это временное фонетическое явление. В этой работе мы столкнулись с новым явлением – сохранение твердого согласного в заимствованных словах в позиции перед *Е.* И тот факт, что эта тенденция в большей степени свойственна молодому поколению, связан с тем, что именно люди младшей возрастной группы являются проводником языковых инноваций.[1]

Литература

1. [1] – Аванесов, Ожегов 1959
2. [2] – Аванесов 1988
3. [3] – Резниченко 2003
4. [4] – Иванова 2005
5. [5] – Гридина, Коновалова, Бурцева, 2013
6. [6] – Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012
7. Аванесов Р.И., Ожегов С.И. (ред.) Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник // М., 1959.
8. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение, 6-ое изд. // М., 1984.
9. Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Учебное пособие. Социолингвистика и социология языка. // СПб., 2004.
10. Гридина Т.А. , Коновалова Н.И. , Бурцева В.В. Новый орфоэпический словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным // М., 2013.
11. Иванова Т.Ф. Новый орфоэпический словарь русского

[1] Хотелось бы выразить благодарность С.В. Князеву, который давал советы в этой исследовательской работе.

языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы, 2-ое изд., стереотип // М., 2005.

12. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка // М., 2012.

13. Князев С.В. Корреляция согласных по твёрдости / мягкости в современной орфоэпической норме // Русский язык как иностранный в отраслевом вузе. М., 1987. С. 5–10.

14. Краснова Е.В., Смирнова Н.С. Региональные предпочтения в произношении некоторых русских и заимствованных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2012. С. 307–318.

15. Лабов У. The Social Stratification of English in New York City// M.: 1966.

Резюме

В статье представлены результаты исследования того, как носители русского языка разного возраста произносят согласный [ф] в заимствованных словах разного времени. В этой работе использовались два метода исследования: в первом нужно было прочитать вслух текст с картинками, которые нужно было заменить словами-филлерами (для изучения спонтанной речи), а во втором – прочитать вслух список интересующих нас слов (для изучения осознанной речи). Анализ полученных данных показал, что наиболее существенным фактором произнесения одного из вариантов является возраст респондентов.

Ключевые слова: *социолингвистика, вариативность, заимствования, мягкость согласных, твёрдость согласных.*

Summary

This research shows how Russian speakers of different age tend to pronounce [f] in loanwords from different times. In this paper we use two methods to analyze the data: firstly, respondents have to read aloud the text with special pictures, which have to be replaced by fillers (for spontaneous speech); secondly, respondents have to read aloud the list of words that we study (for deliberate speech). The analysis of the data demonstrates that the gender is the most relevant factor, influencing the pronunciation.

Keywords: *sociolinguistics, variation, loanwords, palatalization.*

Е.А. Ренковская
ИВГИ РГГУ, Москва

«Сказано – не сделано»: послелоги-маркеры субъекта в модально-деагентивных конструкциях в языках центральной и западной групп пахари[1]

Данная статья посвящена модально-деагентивным конструкциям в языках центральной и западной групп пахари на примере языков кумаони[2] и куллуи[3]. Материалом для работы послужили полевые данные, собранные автором в восточном Кумаоне (штат Уттаракханд, Индия) в феврале-апреле 2013 г. и в округе Куллу (штат Химачал Прадеш, Индия) в ноябре-декабре 2014 года[4].

Под модально-деагентивными конструкциями понимаются такие конструкции, в которых субъект (агенс) полностью или частично теряет агентивность – свою активную роль в ситуации. Подобные конструкции имеют широкое распространение в новых индоарийских языках и наиболее частотные из них типологически можно подразделить на отрицательные и неотрицательные, а с точки зрения семантики – соответственно на **инабилитивные конструкции** (субъект не в состоянии выполнить действие – см. (1)) и **инволитивные конструкции** (субъект не в состоянии контролировать действие – см. (2)).

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-34-11040 «Грамматическое описание и словарь индоарийского языка куллуи», 2016-2018 гг. (рук. Е.М. Князева).

[2] Язык кумаони относится к северной подгруппе индоарийских языков, центральной группе пахари (диалекты *кхаспарджия, пхальдакотия, паччхаи, рау-чхаубхайнси, кумайя, сорьяли, сирали, аскоти, ганголи, чаугаркхия, данпурия и джохари*).

[3] Язык куллуи относится к к северной подгруппе индоарийских языков, западной группе пахари (диалекты *куллуи, внутренний сираджи, внешний сираджи*).

[4] Работа осуществлялась при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)» (2014-2015 гг.).

ХИНДИ

(1) mujh-se rāt mẽ so-y-ā nahī̃
я.Obl-Instr ночь Loc спать-PtcpPass-M.Sg Neg
jā-t-ā
идти-Prs-M.Sg
‘Мне ночью не спится’.

(2) mujh-se gilās gir ga-y-ā
я.Obl-Instr стакан падать идти-Pst.M.Sg.
‘Я (случайно) уронил стакан’. (ср. У меня упал стакан)

Для разных новых индоарийских языков характерно разное грамматическое выражение модально-деагентивных конструкций: в некоторых случаях за модально-деагентивное значение отвечает отдельный показатель, но чаще появление модально-деагентивного значения зависит от переходности-непереходности, залога и времени предиката. Наиболее частотная модально-деагентивная конструкция в новых индоарийских языках – это **инабилитивный пассив**[5]. При этом все такие конструкции объединяет одинаковое маркирование субъекта.

В большом количестве новых индоарийских языков субъект в модально-деагентивных конструкциях маркируется послелогами или аффиксами, имеющими другие основные функции, ср. хинди (Abl=Instr)[6], гуджарати (Abl), непали (Abl), панджаби (Poss+Instr, Abl), майтхили (Acc/Dat+Instr), магахи (Dat+Instr) и т.д. В языках центральной и западной групп пахари у субъекта в модально-деагентивных конструкциях существует свое особое маркирование.

Маркированию субъекта модально-деагентивных конструкций в языках западной группы пахари посвящена работа К.П. Цоллера [Zoller, 2009], в которой автор показывает, что

[5] В англоязычной терминологии распространены варианты: capabilitative passive [Balachandran, 1973], passive of ‘incapacity’ [Hook, 1979] ,‘inability’ passive [Davison, 1982], capacity passive [Rosen and Wali, 1989]. Часто выделяется как отдельная категория, при этом Бхатт в [Bhatt, 2003] возражает против отдельного выделения инабилитивного пассива и говорит, что нужно выделять инабилитивные конструкции в целом, потому что среди них встречаются не только пассивные.

[6] Здесь и далее знак «=» между послелогами означает, что это один послелог, совмещающий в себе две функции. Знак «+» означает, что второй по очередности в записи послелог присоединяется к существительному посредством первого либо в сочетании с ним.

субъект в таких конструкциях маркируется генитивным послелогом (обычно) в косвенной форме. Ср, например:

КОТГАРХИ ([Hendriksen, 1986: 143])

(3) sɔ̄ sūt:-i gɔ
он.Nom спать идти-Pst.M.Sg
‘Он лег спать’.

(4) tē:-rɛ sūt:-ɦu-ɔ
он-Gen.Obl=Agent спать-Invol-Pst.M.Sg
‘Он случайно заснул’.

Стоит отметить, что в таких конструкциях генитивный послелог ведет себя необычно, так как в большинстве новых индоарийских языков этот послелог выступает только в двух следующих функциях: 1) собственно как маркер генитива, согласуясь с именем и инфинитивом по роду, числу и падежу и образуя, таким образом, согласуемую атрибутивную форму; 2) как первый компонент сложных послелогов, всегда выступающий в косвенной форме.

Для языка куллуи также характерно маркирование субъекта модально-деагентивных конструкций генитивным послелогом, ср.:

КУЛЛУИ ([Thakur, 1975: 292])

(5) ʃɔhru-rɛ ni
мальчик-Gen.Obl=Agent Neg
nouc-i-d-a
танцевать-Pass-IpfvPtcp-M.Sg
‘У мальчика не получается танцевать’.

При этом наряду с маркированием генитивным послелогом в диалектах куллуи существует и другой вариант маркирования – послелог *boliya /bolē /bholē*, незафиксированный на данный момент в других языках ареала западной группы пахари, ср.:

КУЛЛУИ (Наггар[7])

(6) hotsh-ɛ ʃɔhru-rɛ boliya khāṇā
маленький-Obl мальчик-Gen.Obl Agent еда
tsiketsike nɛi khā-i-nd-ā
быстро Neg есть-Pass-IpfvPtcp-M.Sg
‘У маленького мальчика не получается быстро есть’.

ВНЕШНИЙ СИРАДЖИ ([Bailey, 1908: 40])

(7) mēr-ē bhŏlē nĕhĩ ḍēu-nd-ō
я.Gen Agent Neg идти-IpfvPtcp-M.Sg
‘Я не могу идти’.

Оба варианта маркирования субъекта, насколько можно судить, синонимичны и взаимозаменяемы. Часть речи слова *boliya/bolē/bholē* в подобном случае трудно понять: либо это обычный сложный послелог, присоединяемый к имени при помощи генитивного послелога, либо это некое наречие, дополняющее уже существующее маркирование субъекта модально-деагентивных конструкций генитивным послелогом. Что касается этимологии данного слова, то можно предложить две версии таковой:

1. В работе [Turner, 1962–6] по индоарийским языкам фиксируются различные образования от санскритского *bála* ‘сила’, в том числе наречия с семантикой «внезапно без причины», «принудительно» и т.д. Более того, от санскритского глагола *balāyatē* ‘прикладывать силу’ в некоторых языках группы западного пахари развился модальный глагол «мочь», ср. *bålṇõ* (сорачоли), *bɔ̨lnõ* (котгархи) [Hendriksen, 1986]), *bɔ̨lnā* (бангани) [Цоллер, 2011]. В куллуи по модели «глагольная основа+iya» образуется деепричастие (вариант *bolē* – стяжение от *boliya*), при этом глагол *saknā* ‘мочь’ образован от другой основы, хотя, возможно, заимствован из хинди.

2. Слово *boliya* можно рассматривать как грамматикализованное деепричастие от глагола *bolnā* ‘сказать’. Такая версия, на первый взгляд, выглядит менее убедительно, хотя в типологических работах часто упоминается возможность глагола «сказать» выступать источником грамматикализации, в частности для выражения причины (ср. [Heine, Kuteva, 2002: 269]: «In more advanced stages of grammaticalization, say-verbs may

[7] В примерах из полевых данных в скобочках отмечен населенный пункт, откуда родом информант.

develop into markers of purpose, cause and temporal adverbial clauses»). Кроме того, в восточном пахари – непали – глагол *bhannu* ‘сказать’ является одним из основных источников грамматикализации.

В языках центральной группы пахари маркирование субъекта в модально-деагентивных конструкциях изучено сильно меньше, чем в языках западного пахари. При этом в языке кумаони для субъекта в модально-деагентивных конструкциях также существует свое особое маркирование – ряды[8] агентивных послелогов *buti / biti / budi / bidi / budik / puti / put* и *kayā / kayã̄ / kayã̄/ kɛ/ kay / kaī / kayāl / kayāle / kaīl / kɛl / kɛ̃l*. Д.Д. Шарма в [Sharma, 1987: 51] называет эти послелоги маркерами субъекта в пассивных конструкциях, хотя на самом деле они выступают как маркеры субъекта в модально-деагентивных конструкциях, ср.:

КУМАОНИ, диалект ПХАЛЬДАКОТИЯ (Шитлакхет)

(8)	mer	kɛl	sāg	ni	baṛa-i-n
	я.Gen	Agent	овощи	не	делать-Pass-NegPrs

‘У меня не получается готовить овощи’.

КУМАОНИ, диалект СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)

(9)	mer	puti	angrezī	nɛ
	я.Gen	Agent	английский_язык	Neg
	sīk-i	sak-n-ī		
	учить-PtcpPass	мочь-NegPrs-F		

‘У меня не получается учить английский язык’.

(10)	mer	kayā	u	khin	gāl[i]
	я.Gen	Agent	он	Dat	ругательство
	nikal[i]	gɛ			
	выйти	идти.F.3.Sg			

‘У меня вырвалось ругательство на его счет’.

В [Sharma, 1987: 51] и [Sharma, 1994: 101] ряды послелогов *buti* и *kayā* названы диалектными вариантами, но, как показывают наши полевые данные, послелоги обоих рядов обычно встречаются в одних и тех же диалектах в качестве синонимичных вариантов – в агентивной функции (подробнее об

[8] Под рядом понимается набор диалектных вариантов.

этом см. [Ренковская, 2015]). Таким образом, в кумаони, так же, как и в куллуи, есть два синонимичных варианта маркирования субъекта в модально-деагентивных конструкциях. Если этимология послелогов ряда *buti* на синхронном уровне не прослеживается, то послелоги ряда *kayā* с большой вероятностью восходят к пассивному причастию от глагола *kuno* ‘сказать’ в форме мужского рода косвенного падежа. Варианты *kayāl*/*kayālɛ*/*kaīl*/*kɛl*/*kẽl* образовались в результате сочетания этого причастия с инструментальным послелогом *lɛ/l*. Такую гипотезу выдвигаетв частности Д.Д. Шарма в [Sharma, 1987: 52]. В пользу этой этимологии свидетельствуют возможность образования таким же способом (пассивное причастие с факультативным прибавлением инструментального послелога) других послелогов в кумаони (см. [Ренковская, 2015: 694]), а также повсеместное калькированное оформление носителями кумаони в хинди аналогичного участника ситуации конструкцией *X ke kah-n-e (se)* (<= X Gen‘сказать’-Inf-Obl (Abl=Instr))[9], ср.:

(11) mer-e kah-n-e (se) yah gir
я.Gen-M.Sg.Obl сказать-Inf-Obl (Abl) этот падать
ga-y-ā
идти-Past-M.Sg.
‘Я его (случайно) уронил’.

В своей диссертации, посвященной сравнительному изучению диалектов кумаони, П.К. Кандпаль приводит для диалекта паччхаи (самого западного диалекта кумаони) вариант агентивного послелога *kɛber* (см. [Kandpal, 2011: 322]), который по форме является субстантивированным деепричастием от глагола *kuno* ‘сказать’ – аналогично тому, как, согласно одной из вышеописанных версий этимологии, может быть образован агентивный послелог *boliya* в куллуи, ср.:.

КУМАОНИ, диалект ПАЧЧХАИ (Дварахат) [Kandpal, 2011: 323]

(12) jo kām parī kɛber nī hɛ u kām
который дело фея Agent Neg быть.Pst тот дело
narī kɛber kã̃ hɔ-l
женщина Agent где быть-Fut

[9] В хинди пассивное причастие не субстанитивируется, поэтому любое отглагольное имяобразуется путем субстантивации инфинитива.

‘То, что не получилось у феи, как может получиться у обычной женщины’.

Нужно отметить, что вариант агентивного послелога *kɛ*, отмечаемый по диалектам, может быть по своей форме результатом грамматикализации как пассивного причастия в форме мужского рода косвенного падежа, так и стяженной формы деепричастия от глагола *kuno* ‘сказать’.

Как было сказано выше, во многих новых индоарийских языках послелог-маркер субъекта в модально-деагентивных конструкциях обычно имеет другие основные функции. Чаще всего в этой роли выступают инструментальные и аблативные послелоги. В языках пахари инструментальные послелоги часто выступают также в функции эргативных послелогов, а так как эргативные конструкции в новых индоарийских языках произошли из конструкций с пассивным перфектным причастием, одинаковое маркирование эргативных и инабилитивных пассивных конструкций сводило бы разницу конструкций к минимуму. Таким образом, например, в непали, где инструментальный и эргативный послелоги совпадают, субъект в модально-деагентивных конструкциях маркируется аблативным послелогом. В кумаони и куллуи также возможно маркирование субъекта в этих конструкциях аблативными послелогами, но такое маркирование нечастотно, ср.:

КУМАОНИ, диал. СОРЬЯЛИ (Питхорагарх)

(13) mer bhati ɛksident ho gyo
я.Gen Abl авария быть идти.M.3.Sg
‘У меня случилась авария’. (Я стал причиной аварии)

КУЛЛУИ (Наггар)

(14) ei ʃəhrī-nɛ masāleaḷ-ā khāṇā nɛi khā-i-nd-ā
этот.Obl девушка-Abl острый-M.Sg еда Neg есть-Pass-IpfvPtcp-M.Sg
‘Эта девушка не может есть острую еду’.

Маркирование субъекта в модально-деагентивных конструкциях в языках центральной и западной групп пахари с типологической точки зрения интересно тем, что в этих языках существует отдельный набор послелогов с такой функцией. Это

может говорить о большей по сравнению с другими новыми индоарийскими языками распространенности и функциональности модально-деагентивных конструкций в этих языках. Например, М.Р. Тхакур в [Thakur, 1975: 292] утверждает, что выражение модальности возможности-невозможности в куллуи может быть реализовано только через пассивные конструкции. Такое утверждение опровергается нашими полевыми данными: в куллуи есть глагол saknā ‘мочь’ и распространены конструкции с ним, но при этом есть вероятность, что этот глагол мог быть заимствован из хинди.

Также интересен тот факт, что и в кумаони, и в куллуи существует два набора послелогов с одинаковой агентивной функцией. И в качестве гипотезы можно сделать утверждение, что в случае с обоими этими языками источником грамматикализации агентивных послелогов послужил глагол «сказать».

Сокращения

3 – 3 лицо, Abl–аблативный послелог, Agent – агентивный послелог, Dat – дативный послелог, F- женский род, Gen – генитивный послелог, IpfvPtcp – имперфективное причастие, Invol – показатель инволитива, M – мужской род, Neg – отрицательная частица, NegPst – прошедшее время, отрицательное спряжение, NegPrs – настоящее время, отрицательное спряжение, Obl– косвенный падеж, PtcpPass– пассивное причастие, Pass – пассивный залог, Pst – простое прошедшее время, Prs - настоящее время, Sg– единственное число.

Литература

1. Ренковская Е.А. «Тебя видя не боюсь»: послелоги языка кумаони, производные от глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2015. Т. XI. Ч. 1. С. 819–825.

2. Цоллер К.П. Бангани язык // Языки мира: Новые индоарийские языки. Институт языкознания РАН. М.: Academia, 2011.

3. Bailey T.G. The languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. London: Royal Asiatic society, 1908.

4. Balachandran L.B. A case grammar of Hindi (with a special reference to the causative sentences), Decennary Publication Series 7. Central Institute of Hindi, Agra, 1973.

5. Bhatt R. Topics in the Syntax of the Modern Indo-Aryan Languages. 2003. http://web.mit.edu/rbhatt/www/24.956/

6. Davison A. On the form and meaning of Hindi passive sentences. Lingua, 58:1–2, 1982. P. 149–179

7. Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. Cambridge University Press, 2002.

8. Hendriksen H. Himachal Studies. III. Grammar. København: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1986

9. Hook P.E. Hindi Structures: Intermediate Level, Michigan, Papers on South and South-East Asia 16, Center for South and South-East Asian Studies, University of Michigan, Ann Arbor, Michigan, 1979.

10. Kandpal P.K. Kumāuni boliyõ kā tulnātmak adhyayān. Kumaũ vishvavidyālay, Soban Sinh Jīnāparisar, Almora (Uttarakhand), 2011.

11. Rosen C and Wali K. Twin passives, inversion, and multistratalism in Marathi. Natural Language and Linguistic Theory, 7: 1, 1989. P. 1–50

12. Sharma D.D. Formation of Kumauni language. Part II (Morpologyand syntax). Bahri Publications Pvt. Ltd.New Delhi. 1987.

13. Sharma D.D. Linguistic Geography of Kumauni Himalayan: Adescriptive areal distribution of Kumauni language. Mittal Publications. New Delhi. 1994.

14. Thakur M.R. Pahāṛī bhāśā kuluī ke viśeś sandarbh mẽ. Delhi: Sanmarg Prakasan, 1975.

15. Turner R.L. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London: Oxford University Press, 1962–6. http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas/

16. Zoller C.P. Genitive Marking of Subjects in West Pahari. Acta Orientalia 2008: 69, 2009, 121–151.

Резюме

Статья посвящена послелогам, маркирующим субъект в модально-деагентивных конструкциях в центральном и западном пахари (на примере языков кумаони и куллуи). В большом количестве новых индоарйских языков субъект в модально-деагентивных конструкциях маркируется послелогами или аффиксами, имеющими другие основные функции. У субъекта в рассматриваемых языках в таких конструкциях существует свое особое маркирование. В кумаони и куллуи есть две синонимичных группы послелогов (диалектных вариантов) с единственной функцией – маркировать субъект в модально-деагентивных конструкциях. Предположительно в обоих этих языках одна группа таких послелогов образовалась путем грамматикализации формы глагола ‘сказать’.

Ключевые слова: *языки пахари, кумаони, куллуи, послелоги, модально-деагентивные конструкции, инабилитив, инволитив, грамматикализация.*

Summary

This paper focuses on the postpositions marking subject in so called “modal deagentive” constructions in Western and Central Pahari (evidence from the Kullui and Kumaoni languages). Unlike the major Indo-Aryan languages, where such postpositions have other main functions, in the languages of the Western and Central Pahari groups the subject in the “modal deagentive”constructions has its own special marking (there are postpositions unique to thisfunction). My hypothesis is that the source of grammaticalization of one of these postpositions in the Kullui and Kumaoni languages is the verb ‘to say’.

Keywords: *Pahari languages, Kumaoni, Kullui, postpositions, “modal deagentive” constructions, inabilitative, involitive, grammaticalization.*

И.В. Саркисов
НИУ ВШЭ, Москва

Принципы метрической организации в поэзии фульбе

1. Введение

Целью настоящего исследования является описание метрических закономерностей и правил стихосложения в поэзии на языке фула. Фула (пулар, фульфульде, пёль) является языком фульбе, крупного народа Западной Африки, и одним из главных (и по числу носителей, и по культурной и социальной значимости) языков региона, часто используемым также и для межэтнического общения [Коваль, Зубко 1986: 8]. Он относится к атлантической ветви языков нигер-конго. Общее число говорящих на нем колеблется между 10 и 15 миллионами [Lewis et al. (eds.) 2015].

Народ фульбе обладает очень богатыми и древними культурными традициями, развивавшимися под сильным влиянием арабо-мусульманской культуры, с которой он вступил в контакт в средние века [Коваль, Зубко 1986: 9]. В этом контексте вполне логичным представляется тот факт, что хотя подавляющее большинство народов Африки не создало письменного литературного наследия, у фульбе имеется своя письменная литература, в частности, поэзия [там же: 10]. Она достигла высокого уровня развития и занимает важное место в литературном наследии мусульманского мира и сопоставима по значимости, например, с тюркской литературой.

Изначально поэзия кочевников-скотоводов фульбе была народной, преимущественно пастушеской. Также в кастовом обществе фульбе, как и у большинства других соседних с ними народов Западной Африки, имелось особое замкнутое сословие профессиональных сказителей и певцов – гриотов, создавших особый род устной авторской поэзии [Charry 2000: 90].

В XVIII–XIX вв. принявшие ислам и глубоко воспринявшие мусульманскую культуру фульбе, подчинив соседние народы, создали на всей территории Западной Африки ряд феодально-теократических государств. Эти государства просуществовали до прихода европейских колонизаторов [Коваль, Зубко 1986: 9].

«Арабо-мусульманская культура получила значительное развитие в государствах фульбе. Европейские путешественники, проникшие в Западную Африку еще до колонизации, с удивлением отмечали высокий уровень знания арабского языка и арабской литературы в обществах фульбе. Кораническое образование носило массовый, приближающийся к обязательному, характер» [там же: 9–10].

Встроенные в арабо-мусульманскую культуру этнические фульбе создали множество литературных произведений на арабском языке (исторические хроники, богословские трактаты и т.д.). Однако в период расцвета фульбских государств (XVIII-XIX вв.) постепенно зарождается и письменная литература на языке фула с использованием арабской графики аджами. Поворотным пунктом ее развития было слияние гриотской поэзии, народной пастушеской литературы и письменной, «книжной», литературы мусульманских ученых [там же: 10]. Фульбская поэзия на протяжении всей своей истории находилась под сильным арабским влиянием, поэтому, изучая ее метрические особенности, мы всегда должны помнить об основах арабской метрики и стараться найти параллели в этих двух тесно связанных поэтических традициях.

К сожалению, поэтическое наследие фульбе малоизученно и мало переводилось на другие языки, а поэтому представляет обширное поле деятельности для филологов, лингвистов и переводчиков. Одним из первостепенных вопросов, возникающих при изучении не рассматривавшейся ранее поэтической традиции, является вопрос о метрической организации стиха и правилах стихосложения в ней. На данный момент неизвестно ни одной научной работы о поэзии на языке фула. Поэтому целью настоящего исследования и является выявление основных метрических законов фульбской поэзии.

2. Методы исследования

Исследование проводилось на материале собрания поэтических текстов различных фульбских поэтов «La Femme. La Vache. La Foi», составленного гвинейским ученым Альфа Ибрагимом Со и доступного в интернете[1]. Из достаточно

[1] http://www.webfuuta.net/bibliotheque/aisow/femme-vache-foi/tdm.html

большого количества произведений в корпусе нами было выбрано 1070 поэтических строк. В их число вошли: стихотворения Тьерно Алиггу Буубу Ндияна «Yewtere Makka e Madiina» (92 строки), «Zuljalaali» (42), «Ewnagol fii Jangugol» (67 строк) и «Belɗeeji nduu adunaaru dey ko di tooke!» (56 строк), стихотворения Тьерно Мухаммада Самбы Момбейа «Juulen e Muhammadu!» (110 срок), стихотворение Тьерно Сауду Далена «Musiɓɓe jangee nanon» (188 строк), стихотворение Раматуллахи Телико «Majjaaɗo Alla gaynaali!» (123 строки) и первые 200 строк из поэмы Тьерно Яааво Пеллеля «Waajordi jiyaaɓe wonɓe e rewde wurɗo mo maayataa». Для каждого поэтического текста были тщательно выполнены подсчеты всех возможных числовых характеристик, на которых может основываться метрика.

Здесь важно отметить, что в фула смыслоразличительное ударение отсутствует, однако имеется смыслоразличительное противопоставление гласных по долготе с наличием минимальных пар (например, *gese* – ‘поля’, *geese* –‘лица’). Сильной позицией для противопоставления гласных по долготе является открытый слог, где это различие между долгими и краткими гласными всегда присутствует. В закрытых же слогах существует тенденция к утрате различия между этимологически долгими и краткими гласными, проявляющаяся в разной степени в зависимости от диалекта [Коваль, Зубко 1986: 16].

«Также широко представлена геминация согласных (пример минимальной пары: *natude* ‘фотографировать’ и *nattude* ‘быть ленивым’)… Отмечается синтагматическое правило (в говорах оно выдерживается не всегда абсолютно), накладывающее ограничение на соседство долгого гласного с последующей геминатой: структура V:C: нежелательна, предпочтительнее реализация либо V:C, либо C:V. Иногда данные структуры выступают как свободные варианты: *teeta* ~ *tetta* ‘прикасаться’… Такого рода случаи взаимодействия количественных характеристик гласных и согласных поднимают признак длительности на супрасегментный уровень» [там же: 20].

Учитывая эти факты, мы предполагали, что метр в поэзии фула может зависеть от общего количества слогов в строке или от количества долгих слогов. Поэтому для каждого поэтического текста мы подсчитывали следующие числовые характеристики:

общее количество слогов в строке, количество слогов с долгими гласными, слогов с геминатами, количество закрытых слогов с краткими гласными, а также различные суммы этих величин. Также отмечалась рифма. Полученные таким путем числовые данные дали нам возможность сделать некоторые заключения об организации стиха в фульбской поэзии.

3. Размер

Нам не встретилось ни одного поэтического текста, в котором общее количество слогов или количество долгих слогов в строке (в т.ч. с учетом того, что долгим слогом могут считаться и закрытые слоги с короткими гласными или геминатами) было бы постоянным. Не наблюдается никакой строгой закономерности и с поправкой на то, что разные строки в строфе могут иметь разную структуру.

Тем не менее, нетрудно заметить, что общее количество слогов в строке все-таки стремится к некоторой упорядоченности. Для каждого стихотворения это число колеблется в определенном интервале, длиной от 4 («Zuljalaali» и «Majjaadɔ Alla gaynaali!») до 10 («Ewnagol fii Jangugol» и «Waajordî jiyaaɓe wonɓe e rewde wurdɔ mo maayataa»). При этом всегда более половины строк стихотворения содержит количество слогов, равное двум или трем числам, различающимся между собой на единицу. Количество же строк, содержащих иное число слогов, намного меньше и иногда даже пренебрежимо мало (менее 1%). Это особенно наглядно заметно на примере стихотворения «Majjaadɔ Alla gaynaali!». Здесь 88 строк (71.54%) имеют длину в 8 слогов, а 31 строка (25.2%) – в 9. Общее количество восьми- и девятисложных строк, таким образом, равно 119 (96.74%). Число же строк, состоящих из иного количества слогов, как следствие, крайне незначительно: 3 строки (2.44%) содержат по 7 слогов и 1 строка (0.81%) – 10.

Аналогичная тенденция к равенству каким-либо двум или трем определенным числам наблюдается во всех проанализированных текстах. При этом числа, к которым «стремится» длина строки, в разных стихотворениях разные. В «Yewtere Makka e Madiina» 64 строки (69.57%) имеют длину в 9 или 10 слогов, в «Musiɓɓe jangee nanon» 148 строк (78.72%) имеют длину в 11 или 12 слогов, в «Zuljalaali» 28 строк (66.66%) имеют длину в 12 или 13 слогов, в «Beldeeji nduu adunaaru dey ko

di tooke!» 48 строк (85.5%) имеют длину в 13, 14 или 15 слогов, в «Ewnagol fii Jangugol», «Juulen e Muhammadu!» и «Waajordì jiyaaɓe wonɓe e rewde wurɓo mo maayataa» большая часть строк (соответственно 41 (53.19%), 76 (70.91%) и 139 (69.5%)) имеет длину в 14 или 15 слогов. На основе этих фактов можно предположить, что в поэзии фульбе общее количество слогов в строке имеет метрическое значение, однако правила, определяющие это количество, не являются строгими.

Взаимное расположение долгих и кратких слогов в строке является абсолютно произвольным (принятие гипотезы о том, что долгим может считаться слог не только с долгой гласной, но и с геминатой, не меняет картины). Следовательно, долгота слога не имеет в поэзии фульбе метрического значения. Однако сложным является вопрос о наличии у количества долгих слогов в строке тенденции к равенству какому-то конкретному числу или нескольким числам, как это происходит с суммарным числом слогов в строке. Мы можем видеть, что во всех проанализированных текстах количество долгих слогов в строке принимает некоторые значения чаще, чем другие. Так, например, в той же поэме «Waajordì jiyaaɓe wonɓe e rewde wurɓo mo maayataa» число в строке слогов с долгими гласными может принимать значения от 0 до 7. В 66 случаях (33%) оно равно 3, в 46 (23%) – 4, в 36 (18%) – 2, в 24 (12%) – 5. Примерно такая же картина наблюдается, если мы будем считать долгими закрытые слоги с краткими гласными и (или) с геминатами. Однако все-таки общая доля наиболее частотных значений количества долгих слогов в строке не столь существенна, как в случае с суммарным количеством слогов. В других же стихотворениях она обычно еще меньше. Также следует отметить, что в прозаической речи на фула примерно 13% слогов содержат долгие гласные (это было установлено нами на материале большого свода прозаических текстов на фула – «Корпус пулар»: http://corpuspulaar.somee.com/), а в большинстве проанализированных стихотворений их доля примерно равнялась 14%, то есть существенной разницы не наблюдалось. По этим причинам кажется более логичным считать, что никакой тенденции к определенному количеству у долгих слогов нет, и они распределены совершенно произвольно.

Обобщая полученные результаты, можно предположить, что поэзия фульбе является нестрого силлабической. Размер в ней

определяется общим количеством слогов в строке в независимости от их долготы. Это общее количество слогов в строке имеет тенденцию к равенству определенному числу, однако может и достаточно сильно от него отклоняться. Исходя из этой гипотезы, можно выделить в поэзии фульбе различные стихотворные размеры, определяющиеся наиболее частыми значениями количества слогов в строках. Так, «Majjaadɔ̀ Alla gaynaali!» написано 8/9-сложным размером, «Yewtere Makka e Madiina» – 9/10-сложным размером, «Musiɓɓe jangee nanon» – 11/12-сложным, «Zuljalaali» – 12/13-сложным, а все прочие проанализированные нами стихотворения – 14/15-сложным.

В любом случае, фульбская метрика коренным образом отличается от арабской системы стихосложения аруда, в котором «параметр длины строки задается … как закрытое множество с фиксированным и очень небольшим числом элементов…» [Фролов 1991: 215]. На первый взгляд, это не может не показаться странным, т.к. поэзия фульбе развивалась под сильнейшим арабским влиянием, а большинство поэтических традиций, затронутых этим влиянием, основывали свою метрику на принципах аруда [Искандарова 2013: 7]. К тому же стихосложение по правилам аруда могло бы быть применено в языке фула достаточно легко, так как в нем, аналогично арабскому, имеется смыслоразличительное противопоставление гласных по длительности. Тем не менее, фульбская поэзия является, возможно, единственным примером развитой поэтической традиции народа, исповедующего ислам, не построенной при этом на принципах аруда. Можно предположить, что такое противоречие объясняется не менее сильным гриотским влиянием на письменную поэзию фульбе. Однако мы не можем этого утверждать, так как ничего пока не знаем о метрике гриотской фульбской, поэзии и прояснить этот вопрос помогут только дальнейшие исследования уже на материале гриотских поэтических текстов.

4. Рифма

На основе имеющихся данных можно утверждать, что наличие рифмы является неотъемлемым свойством поэзии на языке фула. Рифмой в ней, по-видимому, считается полное совпадение хотя бы последнего гласного и предшествующего ему согласного, если последний слог открытый, или совпадение хотя

бы финали (части слога после гласной) и предшествующего ему гласного, если последний слог закрытый. Иными словами, всегда должны совпадать, как минимум, последние две фонемы. Однако чаще всего встречаются совпадения большего количества фонем, часто совпадают также предпоследние, а иногда и предшествующие им слоги. Нередко полностью соответствуют друг другу последние слова в строке. По-видимому, такое явление в фульбской поэзии не только не считается неэстетичным, но, напротив, имеет преимущество перед совпадением лишь последних слогов. Оно не встречает параллелей в арабской поэтической традиции, хотя и весьма типично для поэзии иранских и тюркских народов, отличавшейся стремлением «к возможно более точной и глубокой рифме» [Бертельс 1960: 556]. Разумеется, такое совпадение не может объясняться взаимным влиянием, т.к. фульбе не имели контактов с иранскими и тюркскими народами. Однако этот факт вызывает немалый интерес ввиду сильного арабского влияния как в фульбской, так и в тюрко-иранской поэтических традициях. Несмотря на явную тенденцию к глубоким рифмам, в ходе исследования в поэзии фульбе ни разу не было засвидетельствовано наличие редифа, «повторяемого одинакового слова, следуемого после рифмы в конце полустишия», очень типичного явления для арабской поэзии [Искандарова 2015: 94].

Относительно взаимосвязи рифм с геминатами данные достаточно скудны. Рифмы, оканчивающиеся на геминату, не встретились ни разу, поэтому нельзя однозначно сказать, допустимы ли они. Гемината в инициали рифмующегося открытого слога встретилась только 1 раз, в 3 строке 15 строфы «Yewtere Makka e Madiina». Первая (последнее слово «hewnaaɗe») и вторая (последнее слово «townaaɗe») строки строфы рифмуются между собой. При этом у них совпадают не только последние слоги, но также и предпоследние и финаль третьего с конца слога. Третья же строка заканчивается на слово «teemeɗɗe». Поскольку в стихотворении неоднократно встречаются строфы, где рифмуются не все строки, нельзя исключать, что в данном случае, по нормам фульбской поэзии, мы также имеем дело с отсутствием рифмы, и открытый слог, начинающийся на геминату, не может рифмоваться с открытым

слогом, начинающимся с обычного согласного. Поэтому делать какие-либо выводы на основе данного примера нельзя.

Важно отметить, что, по-видимому, слоги, различающиеся по длительности гласного, не могут рифмоваться между собой. Нам не встретилось ни одного примера такой рифмы. Это дает основания полагать, что, хотя длительность гласного и не влияет на метрическую структуру стиха, смыслоразличительный контраст по ней в поэтической речи сохраняется.

Что касается взаимного расположения рифмующихся строк в стихотворении, то мы можем наблюдать следующую картину. В «Majjaado Alla gaynaali!» между собой рифмуются все строки произведения, т.е. наблюдается сквозная рифма. В «Yewtere Makka e Madiina» рифмуются между собой все последние (четвертые) строки строф. При этом во всех них совпадает последнее слово “al-janna”. Остальные три строки в строфе чаще всего рифмуются между собой, но у большинства строф своя рифма. В некоторых строфах рифмуются не все строки. В стихотворениях, состоящих из двустиший, практически всегда рифмуются между собой вторые строки строф и рифма постоянна на протяжении всего произведения. В некоторых двустишиях со вторыми строками рифмуются и первые строки, а в небольшом количестве двустиший рифма может отсутствовать. Распределение строф с различной последовательностью рифм произвольно.

5. Заключение

В ходе исследования метрическх закономерностей в поэзии на языке фула были получены следующие результаты.

1) Поэзия фульбе скорее всего является нестрого силлабической. В ней имеет значение общее количество слогов в строке, однако это количество определено примерно и не соблюдается строго.

2) Количество и последовательность долгих слогов произвольны и не имеют метрического значения, хотя нейтрализации контраста гласных по длительности скорее всего не происходит.

3) Выделяются различные размеры, определяющиеся примерным количеством слогов в строке. Засвидетельствованы 8/9-сложный, 9/10-сложный, 10/11-сложный, 11/12-сложный и

14/15-сложный размеры. При этом 14/15-сложный встречается чаще.

4) Рифма в поэзии на фула обязательно присутствует.

5) Под рифмой понимается совпадение, как минимум, двух последних фонем в строке. Очень часто совпадают целые слова или несколько слов. Редиф, типичный для арабской поэзии, не засвидетельствован.

6) В стихотворениях, состоящих из двустиший, обычна четная рифма, при этом существует тенденция к сквозной рифмовке. В стихотворении, состоящем из четверостиший, рифмуются все последние строки, а остальные рифмуются внутри строфы. Однако из этих правил возможны исключения.

7) Таким образом, поэзия фульбе по своим метрическим особенностям сильно отличается от арабской системы стихосложения – аруда, что резко выделяет ее среди поэтических традиций большинства других мусульманских народов. Можно предполагать, что это объясняется сильным влиянием фольклора, где также господствовали нестрого силлабические размеры, на письменную литературу фульбе. Однако эта гипотеза должна быть проверена в ходе дальнейших исследований фульбской метрики уже на материале устных фольклорных и, особенно, гриотских поэтических текстов.

Литература

1. Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.

2. Искандарова С.А. Эволюция метрического и силлабического стихосложения в башкирской поэзии начала XX века. Автореферат. Уфа, 2013.

3. Искандарова С.А. Рифма в метрической системе аруз в башкирской поэзии начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 2. С. 93–96.

4. Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. М., 1986.

5. Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново, 2011.

6. Фролов Д.В. Классический арабский стих. М., 1991.

7. Charry E. Mande music. Traditional and Modern Musia of the Maninka and Mandinka of Western Africa. The University of Chicago Press, 2000.

8. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). 2015. Ethnologue: Languages of the World, Eighteenth edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: http://www.ethnologue.com

Резюме

Статья посвящена метрике в поэзии на одном из крупнейших языков Западной Африки – фула. Говорящий на нем народ фульбе создал богатое литературное наследие, однако оно плохо изучено и не переводилось на другие языки. Настоящее исследование проводилось на материале собрания поэтических текстов на фула объемом в 1070 строк. После проведения подсчетов всех числовых характеристик, способных образовывать метр, удалось выявить некоторые закономерности. В соответствии с ними была выдвинута гипотеза, что поэзия фульбе скорее всего является нестрого силлабической, то есть размер в ней определяется общим количеством слогов в строке, но это количество не соблюдается строго. Также в фульбской поэзии всегда присутствует рифма, обычно очень глубокая, нередко совпадают целые слова. Строфа чаще всего состоит из двустиший, но встречаются также четверостишия и трехстишия. Рифма часто бывает сквозной. Важно отметить, что силлабическая поэзия фульбе принципиально отличается от арабской системы стихосложения аруда, хотя и развивалась под очень сильным арабским влиянием. Причина этого пока не ясна, можно надеяться, что она будет выявлена в ходе дальнейших исследований.

Ключевые слова: *метрика, фульбе, фула, поэзия, размер, стихосложение.*

Summary

This article examines the metric of poetry in Fula, which is one of the biggest languages of the West Africa. Fulbe people, who speak Fula, have produced a developed literature, which, unfortunately, has never been studied by scientists.

The research attempts to address this gap and as the first step aims to examine the main rules of metric in Fulbe poetry. The research is based on the material of a collection of Fulbe poetic texts, which included 1070 poetic lines. I have counted all the numeric characteristics, which can influence the metric of the verse and have found some patterns. Based on their analysis I have made a hypothesis that Fulbe poetry is non-strictly syllabic. This means, that the foot is being determined by the number of syllables in a line, but this number varies from line to line.

The rhyme is also very important. It tends to be very deep. The strophe usually consists of two lines, but sometimes of three or four. It is

very important to notice, that Fulbe syllabic verse is very different form Arabic metric, though Arabic literature had a strong influence on Fulbe poetry. The reason of this is unknown, probably it can be found during further and more in depth research.

Key words: *metric, Fula, Fulbe, verse, poetry, foot.*

Н.М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

Цитативная клитика =əm(də) в нанайском языке как маркер сентенциального актанта

0. Введение

В нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Хабаровский край) есть клитика =əm(də)[1], восходящая к застывшей форме глагола ‘говорить’ (см. [Петрова 1941: 151]; [Аврорин 1961: 276]). Основная ее функция – **цитативная**: т.е. она употребляется преимущественно в финитных клаузах, передающих прямую речь.

(1) gə arcokaan mədəsi-i-ni=go
ну девочка спрашивать-NPST-3SG=PTCL

xaj-do bi-či-si=**əm** tuj gojda-m
что-DAT быть-PST-2SG=QUOT так длиться-CVB.NSIM
‘Вот девочка спрашивает: «Где ты так долго был?»’ (ssb_120809_ns_SonnyjMaljchik.120)

Неканоническое употребление глаголов речи (с той или иной степенью грамматикализации) характерно в целом для тунгусо-маньчжурских языков и шире – для языков Сибири и Дальнего Востока. Начиная с самого близкого к исходному – цитативного – употребления, они проходят тот или иной путь семантической и формальной эволюции (см. об этом подробнее [Matić, Pakendorf 2013], а также [Гусев 2014]). Она может иметь два – в определенном смысле противоположных друг другу – основных направления: 1) «эрозия» исходного значения речи и 2) семантическое «приращение» к исходному значению речи. Идя по первому пути, застывшая форма глагола речи превращается в чисто синтаксический показатель сентенциального актанта (комплементайзер) или сирконстанта (например, целевой клаузы). Идя по второму – развивает те или иные эвиденциальные,

[1] Морфонологические варианты: =am(da), jəm(də)/jam(da), =m(də)/m(da). См. об их распределении [Аврорин 1961: 275]. Вариант на -da/də происходит из сращения с фокусной частицей =da.

модальные или дискурсивные употребления (например, миративное).

Нанайская клитика =əm(də) в той или иной мере реализует оба этих диахронических сценария. С одной стороны, можно говорить о ней как о комплементайзере (или по крайней мере о предпосылках к такой роли). С другой – можно постулировать у нее, помимо основного цитативного, дополнительный дискурсивный компонент значения, связанный с нарушением ожиданий адресата. Он заметен в примерах типа (2) и проявляется также в статистической тенденции к оформлению цитативной клитикой определенных глагольных форм: императива, ассертива (т.е. «коммуникативно нагруженных» наклонений), 1-го лица (но не 2-го).

(2) sumbiə-wə waa-go-i ta-j-ni=**əmdə**
вы.ACC-ACC убить-DEST-REFL.SG делать-NPST-3SG=QUOT
‘Не верьте, убить вас хочет!’
(nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.130)

Эта функция цитативной клитики ниже обсуждаться не будет, речь пойдет о том, в какой степени клитика =əm(də) проявляет свойства комплементайзера.

Материалом послужили записи современных текстов на нанайском языке[2], в которых встретилась клитика =əm(də): 16 текстов от 7 информантов (6 носителей найхинского говора, 1 носитель джуенского говора среднеамурского диалекта), сказки, автобиографический нарратив. Для этих текстов проанализированы все употребления цитативной клитики; для 13 из них проанализированы также все контексты прямой речи, не оформленные цитативной клитикой. Данные элицитации практически не привлекались.

1. Возможные свидетельства за/против грамматикализации клитики =əm(də) в комплементайзер

Оценить положение нанайской цитативной клитики на шкале грамматикализации в комплементайзер можно по следующим параметрам:

[2] Тексты собраны и аннотированы С.А. Оскольской, К.А. Шагал и автором в 2009–2013 гг.

1) частотные характеристики (насколько клитика обязательна в контексте глаголов речи);

2) (не)возможность употребления вне контекста матричного предиката;

3) расширение круга матричных предикатов за пределы глаголов речи;

4) синтаксические характеристики

а) позиция клитики: при глаголе / не при глаголе; на границе клаузы / не на границе клаузы;

б) взаимное расположение матричного предиката (МП) и сентенциального актанта (СА) при наличии цитативной клитики и без нее;

в) (не)сохранение дейктических элементов в сентенциальном актанте, оформленном цитативной клитикой;

г) возможность употребления цитативной клитики в других синтаксических конструкциях.

Подробнее об этих и о других возможных свидетельствах грамматикализации цитативного маркера в комплементайзер в [Klamer 2000]; [Chappell 2008]; [Güldemann 2008].

2. Частотность в текстах

Очевидным шагом на пути от цитативного показателя к показателю СА можно считать тенденцию к тому, чтобы всякий актант при глаголе речи оформлялся цитативной клитикой.

Частота клитики =əm(də) в текстах на среднеамурском диалекте нанайского языка (найхинский говор) – 6682 ipm, у глагола *un-* ‘сказать’ на той же выборке текстов – 13133 ipm. Для сравнения: частота цитативной частицы *дескать* в русском языке (применительно к которой говорить о грамматикализации в комплементайзер заведомо не имеет смысла) – на два порядка меньше, 25,8ipm (Основной корпус НКРЯ). В Таблице 1 приводится общая частота финитных глаголов[3] в «прямой речи», оформленных и не оформленных цитативной клитикой[4] (по текстам, в которых в принципе встретилась цитативная клитика):

[3] Включены предикативные имена, не включены глаголы в подчиненной клаузе с условным союзом (см. ниже).

[4] Только по текстам, в которых цитативная клитика встретилась хотя бы единожды.

Таблица 1. Частотность =əm(də) в контекстах прямой речи

финитных глаголов с =əm(də)	**финитных глаголов без =əm(də)**
26%(52)	74%(146)

Таким образом, примитивный подсчет свидетельствует о том, что клитика достаточно частотна, но никак нельзя говорить о регулярном оформлении ею любого цитативного контекста (ср., однако, уточнения ниже, п.6: среди предложений с препозицией МП =əm(də) встречается уже не в 26%, а в половине случаев).

3. Клитика =əm(də) вне контекста МП

В пользу грамматикализации в комплементайзер может свидетельствовать избегание цитативного маркера вне контекста глагола речи или других типов МП (т.е. в независимых клаузах). Наоборот, склонность к употреблению в независимых клаузах – аргумент за собственно цитативную роль соответствующего показателя (поскольку вне контекста глагола ‘говорить’ прагматическая значимость маркера цитатива возрастает).

Данные Таблицы 2 показывают, что в контексте МП клитика =əm(də) значительно частотнее, чем в независимой клаузе. При этом общий процент финитных глаголов в прямой речи, при которых имеется выраженный глагол речи, примерно одинаков для глаголов оформленных цитативной клитикой и не оформленных ею[5].

Таблица 2. Клитика =əm(də) в независимых клаузах (без матричного предиката)

	глаголы с =əm(də)	**глаголы в прямой речи без =əm(də)**
в контексте матричного предиката	86%(74)	88%(125)
без матричного предиката	14%(12)	12%(17)
всего	86	142

Таким образом, этот параметр не дает для клитики =əm(də) однозначных результатов.

[5] Различие статистически незначимо, Chi-square=0,189, p=0,6634.

4. Матричные предикаты при глаголе с клитикой =əm(də): лексический охват

Круг МП, в контексте которых возможен цитативный показатель, свидетельствует о степени эрозии значения ‘сказать’, исходно присущего цитативному маркеру, происходящему из глагола речи. О полноценной функции комплементайзера имеет смысл говорить в том случае, если цитативный показатель начинает употребляться не только при глаголах речи, но и при других типах МП – в т.ч. предикатах мысли, знания, восприятия, модальных, фазовых.

Глаголы, в контексте которых встретилась клитика =əm(də), перечислены в Таблице 3:

Таблица 3. Матричные предикаты при глаголе с клитикой =əm(də)

матричный предикат	N употр. =əm(də)
un- ‘сказать’	62
gusərə- ‘рассказать’	6
xesaŋgo- ‘сообщить’	1
mədəsi- ‘спросить’	1
murči- ‘(по)думать’	4
всего	74

Из таблицы видно, что цитативная клитика употребляется преимущественно в контексте глаголов речи, однако их круг не ограничивается единственно глаголом *un-* ‘сказать’. Ср. употребление с глаголом *mədəsi-* ‘спросить’ в примере (1).

Из других типов МП клитика =əm(də) распространяется только на ментальные (глагол *murči-* ‘(по)думать’). Это вполне ожидаемо: ментальные предикаты семантически очень близки к предикатам речи, а для примеров типа (3) можно говорить об отсутствии какого бы то ни было сдвига в семантике цитативного показателя, интерпретируя их как контексты «внутренней речи»:

(3) gə təj əktə-kən=təni murči-i-ni=goa təj
ну тот женщина-DIM=a думать-NPST-3SG=PTCL тот
ʒo-kan-či ənə-u-ri=**əmdə**
дом-DIM-DIR идти-IMPS-NPST=QUOT

‘Вот эта девочка <u>думает</u> (≈ говорит сама себе): «В этот дом, что ли, пойти?»’ (ssb_120809_ns_SonnyjMaljchik.033)

Примеры типа (4), однако, демонстрируют уже скорее собственно значение мнения, нежели речевое:

(4) murči-xə-či=goa tujdə: раз əʒi-ni aba, ənə-xə,
думать-PST-3PL=PTCL вот.так раз муж-3SG NEG.COP идти-PST
piktə-gu-j baaxani, значит
ребенок-DEST-REFL.SG найти-PST-3SG значит
gojni-ʒi baa-xa-ni=**əm**
другой-?-INS найти-PST-3SG=QUOT
‘Подумали: раз мужа нет, уехал, а она ребенка родила – значит, от другого родила’. (itg_20130310_ns_SkazkaGolovaVKolodtse)

Регулярного употребления в контексте глаголов знания, перцепции и под. для цитативной клитики не зафиксировано. Отметим, однако, что СА при них вообще не допускает финитного глагола, как СА при глаголах речи и мысли, а использует нефинитную стратегию оформления (отглагольное имя в аккузативе) [Герасимова 2007: 207–208]. Ср. контрастивную пару примеров на употребление глагола *ŋələ-či-* ‘бояться’ в значении предиката эмоции (5) и в значении ментального предиката (6). В (6) употреблена клитика *=əmdə*, в (5) она запрещается носителем:

(5) Maračan boa-či niə-u-ri-wə=(*əmdə)
старик улица-DIR выходить-IMPS-NPST-ACC(=QUOT)
ŋələ-či-i-ni
испугаться-IPFV-NPST-3SG
‘Старик боится выходить на улицу’. (элицит.) – предикат эмоции

(6) Maračan ŋələ-či-i-ni niŋmam-bi
старик испугаться-IPFV-NPST-3SG сказка-REFL.SG
oŋbo-xam-bi=**əmdə**
забыть-PST-1SG=QUOT
‘Старик боится, что забыл свою сказку’. (элицит.) – ментальный предикат

5. Позиция клитики =əm(də)

В нашей выборке текстов клитика =əm(də) встречается в фиксированной позиции – только при предикате финитной клаузы – необязательно выраженном глаголом, см. пример (5) с предикативным словом *aja* ‘хорошо, нужно, ладно’:

(7) Sia-go-j waa-ča-mi aja=**mdə**
есть-DEST-REFL.SG убить-RES-CVB.SIM хорошо=QUOT
‘«Для еды охотиться нужно!»’
(itg_20130310_ns_SkazkaDevushka)

Единственный пример на употребление не при глаголе (в Ваккернагелевой позиции (?)) встретился в тексте на болонском говоре (остальные проанализированные тексты – на найхинском):

(8) əj=**əm** soŋgo-xa un-də
этот=QUOT плакать-PST сказать-CVB.NSIM
‘Она заплакала, мол’. (nmch_110815_ns_MatjJagody.122)

При нефинитных формах (причастиях[6], деепричастиях) употреблений клитики =əm(də) в нашей выборке не встретилось (ср., однако, о потенциальной возможности таких употреблений ниже, п.8).

Фиксированная синтаксическая позиция не является собственно аргументом в пользу грамматикализации в комплементайзер, однако свидетельствует о том, что у показателя как минимум есть хорошие шансы для конвенционализации в чисто синтаксический показатель. Отметим также, что позиция при предикате чаще всего совпадает с финальной позицией в клаузе (в нанайском языке порядок слов SOV, хотя и не жесткий) – удобной для потенциального показателя синтаксической зависимости. Примеры типа (9), однако, демонстрируют, что требования финальной позиции в клаузе для =əm(də) на синхронной стадии нет:

[6] Под «причастиями» имеются в виду именные образования, оформленные падежными маркерами. Без падежных показателей те же самые формы регулярно выступают в нанайском языке в качестве предиката независимой клаузы (в грамматике В. А. Аврорина в этой роли также называются «причастиями»), о таких употреблениях речь не идет.

(9) mii=təni ǯi-ǯəm-bi=**əm**
я=а прийти-FUT-1SG=QUOT
bələči-nd-əm-bi=**əm** simbiə-wə
помочь-PURP-ASSERT.NPST-1SG=QUOT ты.ACC-ACC
‘А я к тебе приду и помогу тебе’. (itg_20130310_ns_SkazkaDevushka)

6. Взаимное расположение МП и СА

Для нанайского языка в принципе возможны все логически представимые типы порядка компонентов конструкции с прямой речью:

а) препозиция МП (10);

б) постпозиция МП (11);

в) интерпозиция МП (МП внутри клаузы с прямой речью), (12);

г) экстрапозиция МП (прямая речь внутри клаузы с матричным предикатом), (13);

д) экстрапозиция с повтором матричного предиката (*сказал: «...» – сказал*), (14).

В частности, любой порядок возможен и при оформлении прямой речи клитикой =əm(də):

(10) n’oani=tani gusərə-xə-ni=guəni, gə ənəxəmbi=**əmdə**...
он=а рассказывать-PST-3SG ну идти-PST-1SG=QUOT
‘А тот рассказал, что пошел как-то...’ (nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.078) – препозиция[7]

(11) gə ǯog-či ənə-ru=**əm** uŋ-ki-ni=goa
вот дом-DIRидти-IMP=QUOTсказать-PST-3SG=PTCL
‘«Иди домой», – сказал’ (itg_130312_ns_LegendaSpasennyjMaljchik.020) – постпозиция

(12) mii guči ənə-əm-bi=**əm** un-ǯi-ni
я опятьидти-ASSERT.NPST-1SG=QUOT сказать-NPST-3SG
dujsi
в.лес
‘«Я опять пойду, – говорит, – в лес...»’ (itg_20130310_ns_SkazkaDevushka) – интерпозиция

[7] Ср. перевод текста информантом: дополнительный аргумент в пользу статуса комплементайзера.

(13) tujtara=tani ʒi-də
потом прийти-CVB.NSIM
gəə xoni ta-j-si gugu mimbi-ə un-ʒi
ну как делать-NPST-2SG тетя я.ACC-ACC сказать-NPST

‘А потом, придя: «Что ты со мной делаешь, тетя?» – говорит’. (nmch_110815_ns_MatjJagody.124) – экстрапозиция (с цитативной клитикой не встретилась)

(14) Təj əktə-či uŋ-ki-ni=goa
тот женщина-DIR сказать-PST-3SG=PTCL
mii sin-ʒi mama-l-am-bi=**əm** təj
я ты-INS жена-INCH-ASSERT.NPST-1SG=QUOT тот
mərgən uŋkini=goa
мерген сказать-PST-3SG

‘И вот той женщине он сказал: «Я на тебе женюсь», – тот мерген сказал’. (babfen_skazka_new.009) – экстрапозиция с повтором МП

Однако разные типы порядка компонентов встречаются в предложениях с клитикой =əm(də) с разной частотой, см. Таблицу 4:

Таблица 4. Порядок компонентов конструкции с прямой речью, оформленной клитикой =əm(də)[8]

позиция матричного предиката	**N**	**%**
препозиция	59	80%
постпозиция	3	4%
интерпозиция	11	15%
экстрапозиция	0	0%
экстрапозиция с повтором МП	1	1%
всего	74	100%

Эти данные содержат как аргументы за грамматикализацию в комплементайзер (б), так и аргументы против (а).

а) Против грамматикализации в комплементайзер говорит наличие примеров с интерпозицией МП (11 примеров – 15% употреблений). Для прототипического комплементайзера мы бы

[8] Учитывались и те случаи, когда прямая речь состояла более чем из одной клаузы (позиция считалась для каждой отдельно).

ожидали, что клауза с МП – синтаксически главная, а оформленная им клауза с СА – зависимая и «тест на гнездование» («center embedding») работает только в одну сторону: возможен порядок с экстрапозицией МП, но не с интерпозицией). Следует, однако, оговорить, что собственно гнездование (вставление МП внутрь клаузы с СА) наблюдается только в одном из 11 употреблений, (в примере (12)). В остальных 10 (таких как (15)) МП вставляется между *отдельными* клаузами прямой речи (2 после клаузы с цитативной клитикой, 8 – перед).

(15) əǯi ao-ru-su, un-ǯi, sənə-gu-u-su=**əm**!
NEG спать-IMP-2PL сказать-NPST просыпаться-REP-IMP-2SG=QUOT
‘«Не спите, – говорит, – просыпайтесь!»’ (nikchub_rybalka.035)

б) Существенным аргументом за грамматикализацию в комплементайзер является очевидная тенденция к фиксированному порядку компонентов при наличии в предложении цитативной клитики. В основном это препозиция МП и почти нет контекстов с постпозицией. Ср. контрольные данные по конструкциям без цитативной клитики, которые дают совершенно иное распределение[9]:

Таблица 5. Порядок компонентов конструкции с прямой речью, оформленной клитикой vs. не оформленной цитативной клитикой[10]

	с =əm(də)	**%**	**без =əm(də)**	**%**
препозиция МП	68	92%	68	47,5%
постпозиция МП	5	7%	68	47,5%
экстрапозиция МП	1	1%	7	5%

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, почему клитика =əm(də) предпочитает именно структуры с препозицией МП. Если исходить из того, что это цитативная частица, а не

[9] Различие в количестве препозитивных контекстов статистически значимо: Exact Fisher-test, 2-tailed p<0,0001.

[10] В этой таблице нет строки «интерпозиция»: контексты интерпозиции разбиты на препозитивные и постпозитивные в зависимости от положения м.п. собственно относительно рассматриваемого глагола.

комплементайзер, и на нее действуют прагматические факторы скорее, чем синтаксические, естественнее ожидать, наоборот, склонности к употреблению при постпозитивном контексте (когда важно сигнализировать о начале прямой речи).

Если исходить из того, что это комплементайзер и для него релевантны синтаксические факторы, то в целом более естественной кажется структура с постпозицией МП: нанайский язык в целом «левоветвящийся» (SOV, послелоги, препозиция деепричастий) – зависимое (СА) ожидается скорее слева от главного (МП), а не справа. С другой стороны, в рамках той же логики, можно считать, что синтаксически менее естественный порядок – с препозицией МП – в большей степени требует специального маркирования (т.е. присутствия клитики =əm(də)), а структуры с более естественным порядком могут себе позволить без него обойтись. Таким образом, выбор порядка компонентов именно с препозицией МП можно считать отдельным аргументом за статус комплементайзера, хотя и не самым очевидным.

7. Дейксис

Выше говорилось, что цитативная клитика =əm(də) в целом не выходит за пределы контекстов «прямой речи». Настоящий комплементайзер бы скорее требовал косвенной. О том, имеем ли мы дело с «прямой» vs. «косвенной речью», свидетельствует наличие в предложении дейктических элементов. Применительно к нанайскому языку это личные местоимения и притяжательные суффиксы, показатели лица на глаголе, императив, дейктические пространственные и временные местоимения (типа *əsi* ‘сейчас’, *əusi* ‘сюда’), обращения. Для клауз, оформленных цитативной клитикой, очевидных контекстов «косвенной речи» (с «пересчетом» дейктических элементов) в выборке не встретилось.

Можно сделать даже более сильное утверждение: практически не встретилось и контекстов, не содержащих диагностических дейктических элементов, т.е. таких, для которых нельзя определить, прямая это речь или косвенная[11] (по крайней мере, если брать весь отрезок прямой речи, а не только клаузу с =əm(də)). Исключение: примеры типа (4) выше с глаголом

[11] По крайней мере, если брать весь отрезок прямой речи, а не только клаузу с =əm(də).

‘думать’ (от которых вполне естественно ожидать отступления от «цитативного канона»).

Следует, однако, иметь в виду, что соположение глагола речи с финитной клаузой «косвенной речи» в принципе очень нехарактерно для нанайского языка. Таких употреблений не встретилось в выборке не только в контексте цитативной клитики, но и в контекстах, не оформленных ею. Носителями оно, однако, в принципе допускается:

(16) OK<u>Amim-bi</u> uŋ-ki-ni <u>n’oani</u> ənu-j-ni
отец-1SG сказать-PST-3SG он уйти-NPST-3SG
‘<u>Отец</u>$_i$ сказал, что <u>он</u>$_i$ уедет’. (элицит.)

Сконструированные предложения с косвенной речью и клитикой =əm(də) оцениваются как сомнительные (при элицитации информантом предложена замена примера (17) на (18), где указания на косвенную речь отсутствуют[12]):

(17) ?Ama uŋ-ki-ni n’oani čemana xoton-či
отец сказать-PST-3SG он завтра город-DIR
ənu-ǯə-rə=**m**
уйти-FUT-ASSERT=QUOT
‘<u>Отец</u>$_i$ сказал, что <u>он</u>$_i$ завтра уедет в город’. (элицит.)

(18) OKƏniə uŋ-ki-ni n’oani čemana xoton-či
мать сказать-PST-3SG он завтра город-DIR
ənu-ǯə-rə=**m**
уйти-FUT-ASSERT=QUOT
‘<u>Мать</u> сказала, что <u>он</u> (отец) завтра уедет в город’. (элицит.)

8. Употребление в цитативной функции не в финитной клаузе со значением содержания речи

Прототипический тип употреблений клитики =əm(də) – употребления в финитной клаузе со значением содержания речи.

[12] Ср., впрочем, сохранение более «слабого» дейктического слова *čemana* ‘завтра’. То, что разные дейктические элементы ведут себя не совсем одинаково, – вполне естественно. Различия между ними в контексте разных типов СА, оформленных и не оформленных цитативной клитикой, нуждаются в дальнейшем исследовании.

Ниже рассматривается вопрос о возможности ее употребления в других типах синтаксических структур.

8.1. Вопрос об употреблении в причастных подчинительных конструкциях

Для глагола *un-* ‘сказать’ соположение финитных клауз (с цитативной клитикой или без нее) – основная синтаксическая стратегия (хотя см. пример () ниже). Для остальных глаголов речи и мысли (*murči-* ‘думать’, *mədəsi-* ‘спросить’; *gusərə-* ‘рассказать’) не менее употребительна каноническая подчинительная конструкция с СА, выраженным отглагольным именем («причастием») в аккузативе, подробнее см. [Герасимова 2007: 208–212]:

(19) xalida ama ǯiǯu-j-wə-ni əniə
когда отец возвращаться-NPST-ACC-3SG мать
mədəsi-i-ni
спрашивать-NPST-3SG
‘Мать спрашивает, когда вернется отец’. (элицит.)

В выборке подобных примеров, которые были оформлены цитативной клитикой, не встретилось. Впрочем, примеры на нефинитное оформление СА при глаголах речи в нарративе вообще крайне редки. Информантами =əmdə в примерах с отглагольным именем скорее допускается при сохранении дейксиса прямой речи:

(20) Мара mama-či uŋ-ki-ni
старик старуха-DIR сказать-PST-3SG
mi si sogdata-ŋgo-wa-si sea-xam-bi-a(OK=**əmdə**)
я твой рыба-DEST-ACC-2SG есть-PST-1SG-ACC(=QUOT)
‘Старик сказал старухе, что съел ее рыбу’. (элицит.)

Закрепление за единственным (финитным) типом синтаксических конструкций (если оно действительно имеет место) скорее свидетельствует в пользу статуса комплементайзера (ср., например, свободное употребление в разных типах конструкций русских *мол* и *дескать*: *сказал, я, мол...* и *сказал, что он, мол...*).

8.2. Употребление в безглагольных аккузативных конструкциях

В нанайском языке есть также безглагольные аккузативные конструкции типа *называть* / *считать кого-то кем-то*. В нашей выборке цитативная клитика в подобных контекстах не встретилась, однако подобные примеры приводятся в грамматике В. А. Аврорина [Аврорин 1961: 275] (клитикой оформляется имя признака):

(21) Enda əj gealako-sal-ba məŋ-gi=**əm**
собака этот комната-PL-ACC свой-DEST.REFL.SG=QUOT
bodo-xa-ni
решить-PST-3SG
‘Собака считала эти комнаты своими’.

(22) əj xaj xoto-ni=**am** murči-i-si
этот какой город-3SG=QUOT думать-NPST-2SG
‘Это какой город, думаешь?’

Если таких примеров не встретились в выборке по причине ее небольшого размера (что на самом деле вероятнее всего), то это аргумент, скорее, против грамматикализации в комплементайзер. Если отсутствие их в современных текстах и наличие в более старых свидетельствует о диахроническом сдвиге в употреблении – то за.

8.3. Оформление цитативной клитикой матричного предиката

В выборке встретился также необычный пример с плеонастическим употреблением цитативной клитики на сентенциальном актанте и на матричном предикате:

(23) niəčən=təni uŋ-ki-ni=**əmdə** <...> xaj
птица=а сказать-PST-3SG=QUOT что
čenda-go-ro=**amda**
отпускать-REP-IMP=QUOT
‘А птица сказала: «<...> отпусти меня!»’ (znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.086)

Нельзя делать на основании единичного примера никаких выводов, но возможно, такая конструкция формируется по

аналогии с конструкцией с повтором глагола речи типа *сказал: «...» – сказал*, ср. (14).

9. Заключение

В Таблице 6 в сжатом виде представлены результаты по каждому из обсуждавшихся выше параметров. Цветом выделены наиболее значимые из них.

Таблица 6. Клитика =əm(də) как комплементайзер: pro и contra

тест на статус комплементайзера	**pro**	**contra**
частотность	+/- (частотна)	+/- (но факультативна)
употребление в независимых клаузах	+/- (не чаще, чем без клитики)	+/- (но возможно)
расширение круга МП	+/- (ментальные предикаты, в т.ч. не «внутренняя речь»)	+/- (но не предикаты знания, восприятия и под.)
позиция клитики	+/- (фиксированное положение при предикате, обычно = конец клаузы)	0
расположение компонентов конструкции	++ (тенденция к препозиции МП)	+ (возможность интерпозиции МП)
дейксис	0	+ (только прямая речь)
употребление в других синтаксических структурах	-	(+: не в выборке)

Частичное расширение круга матричных предикатов и тяготение к фиксированному порядку компонентов конструкции свидетельствует о том, что применительно к клитике =əm(də) в принципе можно говорить о процессе грамматикализации в комплементайзер. Однако рассматривать ее как канонический комплементайзер все же никак нельзя (ср. ее факультативность, неупотребление при матричных предикатах прочих типов, сохранение стратегии «прямой речи»). Возможно, дальнейшей конвенционализации в функции показателя сентенциального актанта мешает дополнительная дискурсивная нагрузка, которая накладывается на собственно цитативную семантику клитики =əm(də), – нарушение ожиданий адресата.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ABL – аблатив; ASSERT – ассертив; CVBSIM – одновременное деепричастие; CVB.NSIM – разновременное деепричастие; DAT – датив; DEST – дестинатив; DIM – диминутив; DIR – директив; FUT – будущее время; IMP – императив; INCH – инхоатив; INS – инструменталис; LOC – локатив; NEG – отрицание; NPST – непрошедшее время; PTCL – частица; PL – множественное число; PST – прошедшее время; PURP – показатель цели движения; REFL – рефлексив; REP – рефактив; SG – единственное число; VBLZ – вербализатор; QOUT – цитатив.

Литература

1. Аврорин В.А. 1961. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Наука.

2. Герасимова А.Н. 2007. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск.

3. Гусев В.Ю. 2014. От цитатива к новому знанию: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура // Acta Linguistica Petropolitana, X(3).

4. Петрова Т.И. 1941. Очерк грамматики нанайского языка. Л.

5. Chappell H. 2008. Variation in the grammaticalization of complementizers from verba dicendi in Sinitic languages. Linguistic Typology 12. P. 45–98.

6. Güldemann T. Quotative indexes in African languages: a synchronic and diachronic survey. Berlin: Muton de Gruyter. 2008.

7. Klamer M. 2000. How report verbs become quote markers and complementizers. Lingua. 110(2). P. 69–98.

8. Matić D., Pakendorf B. 2013. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and genealogical patterns // Studies in Language, 37. P. 356–412.

Резюме

В статье рассматривается цитативная клитика =əm(də), восходящая к застывшей форме глагола речи, в нанайском языке. Применительно к ней можно говорить о тенденции к приобретению более общей синтаксической функции комплементайзера. В работе последовательно обсуждаются параметры, по которым можно оценить стадию этого процесса.

Ключевые слова: *цитатив, дискурсивные показатели, сентенциальные актанты, комплементайзер, грамматикализация, неканоническое употребление глаголов речи, нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки.*

Summary

The paper deals with the quotative clitic =əm(də) in Nanai (the frozen form of a speech verb). This clitic tends to develop a more general syntactic function of a complementizer. Some parameters which let us estimate the stage of this grammaticalization process are dicussed.

Keywords: *quotative, discourse markers, complement clauses, complementizers, grammaticalization, speech verbs, Nanai, Tungusic languages.*

А.В. Часовских
НИУ ВШЭ, Москва

Вариативность в произношении звонкого заднеязычного согласного [г]/[ɣ] в речи жителей Орла

1. Введение

Главной задачей исследования было **сопоставление типа реализации звонкого заднеязычного согласного в речи городских жителей Орла с социолингвистическими факторами**. Одной из особенностей южной группы диалектов русского языка является фрикативное [ɣ] на месте нормативного взрывного [г]. Исследования подтверждают, что еще в семидесятых годах прошлого столетия на территории Орловской области диалектный вариант заметно преобладал над нормативным вариантом [г], это проявлялось особенно сильно при оглушении на конце слова [Парикова 1966]. Насколько эта вариативность произношения свойственна современным жителям южно-русских городов? Для некоторых носителей современного русского языка фрикативное [ɣ] является признаком малограмотности, необразованности:

[1]*«а у меня всегда был такой дурацкий стереотип, что если человек фрикатирует "г", то он деревенщина какая-то) я понимаю, что это не обоснованно, но ничего не могу поделать с собой))*
а еще в Смоленске (куда переехали мои родители) фрикатированная "г" - особенность местного говора. Меня прямо передергивает, когда слышу ее»

Как правило, сегодняшней молодежи яркая диалектная речь не свойственна. Другое дело – люди старшего поколения, родившиеся и выросшие в Орловской области: их речь в наибольшей степени сохраняет диалектные черты. Это стало основной причиной, по которой исследование было ориентировано на старшую возрастную группу. В речи старшего поколения городских жителей также наблюдается вариативность.

[1] Текст взят со страницы http://slovami.livejournal.com/19872.html. Запись от 10 июля 2008 года

Причины этой вариативности были выявлены в ходе данного исследования.

Как показали предыдущие исследования, основными социолингвистическими факторами, влияющими на выбор звонкого заднеязычного в южно-русских городах, являются уровень образования и место рождения информанта [Новикова 2013]. Уровень образования является одним из составляющих социальной иерархии: как правило, чем выше уровень образования, тем выше социальный статус человека и тем ближе к нормативной его речь.

Целью этой работы была **проверка корреляции между типом реализации звонкого заднеязычного и двумя социолингвистическими факторами**, а именно местом проживания информанта до 10 лет и уровенем образования.

2. Проведение исследования

Участие в нашем исследовании приняло 42 человека в возрасте от 55 до 78 лет, родившиеся и выросшие (проживали до 10 лет) в Орловской области. Все информанты на данный момент проживают в городе Орёл. Средний возраст информантов составил 66 лет. Большинство информантов – женщины, их 34 человека (81%), мужчин – 8 (19%), поэтому корреляция с полом в данном исследовании не рассматривается.

Учитывалось также место проживания в первые 10 лет жизни информантов. Среди опрошенных 16 (38%) родились и выросли в городе, остальные 26 (62%) – в деревнях Орловской области.

Как было отмечено выше, важнейшим фактором данного исследования является уровень образования информантов. Среди опрошенных можно выделить три группы согласно их уровню образования. Итак, 14 (33%) человек, принявших участие в эксперименте, имеют высшее образование, 12 (29%) – среднее-специальное, а 16 (38%) опрошенных имеют среднее (школьное) образование. Распределение информантов по месту рождения и уровню образования представлено в Таблице 1.

Именно уровень образования являлся главным критерием для разделения информантов на группы. Все дальнейшие исследования и результаты представлены для каждой из групп в отдельности.

Таблица 1. Распределение информантов по месту рождения и уровню образования

Все информанты – 42 человека					
Высшее образование – 14 человек		Среднее профессиональное образование – 12 человек		Среднее образование – 16 человек	
Город	Деревня	Город	Деревня	Город	Деревня
7	7	5	7	4	12

3. Описание экспериментов

Важной частью исследования стал процесс планирования эксперимента для сбора данных. Главной задачей любой анкеты является получение максимально достоверных данных о языке информанта. Сам процесс проведения исследования заставляет респондентов обращать большее внимание на свою речь и стремиться к литературному варианту, чего в обычной жизни они не делают. Эта особенность исследования называется «парадоксом наблюдателя» [Лабов 1975], она также должна быть учтена в ходе работы. Чтобы получить от информанта его естественный вариант произнесения слова, эксперимент должен быть ориентирован в первую очередь на спонтанную речь респондента.

В нашем случае информантам было предложено выполнить два задания – вслух прочитать текст и воспроизвести слова по картинкам-подсказкам. Первое задание, чтение, дает представление о более осознанной речи человека. Как предполагал Уильям Лабов, именно при чтении человек следит за своим языком и речью, пытаясь избежать ошибок [Лабов 1972]. Речь человека при чтении является более нормативной и осознанной, диалектные черты не так заметны. При внезапном произнесении информант не задумывается над правильностью своего языка, это задание выявляет наиболее привычное и используемое человеком произношение. Именно поэтому второе задание, ориентированное на спонтанную речь информанта, дает возможность для сравнения двух вариантов речи человека.

Как было указано выше, первым заданием анкеты стало чтение текста, в котором содержались словоформы ДРУГ, ЛУГ-ЛУГА, САПОГ-САПОГА, ПЛУГ, ПИРОГ-ПИРОГА, УТЮГ-УТЮГА, КРУГ-КРУГ. Именно эти слова стали маркерами для

определения уровня диалектности речи информанта. Некоторые из них (ЛУГ, САПОГ, УТЮГ, ПИРОГ, КРУГ) были представлены и с вариантами родительного падежа с гласной на конце, что давало возможность проследить корреляцию произнесения [г] и [ɣ] в зависимости от позиции в слове. В тексте также непреднамеренно встретились слова, содержащие звонкий заднеязычный (КОГДА, ТОГДА), произнесение которых также было учтено в ходе исследования. Все словоформы также разделены на группы: с согласным в конце слова (ЛУГ), с согласным перед гласной (ЛУГА) и с согласным перед согласным (КОГДА).

Вторым заданием анкеты были картинки-подсказки. Информанту нужно было произнести слово на картинке, которые были представлены в двух вариантах – с числительным «ОДИН/ОДНО» и с другим числительным. Это опять же давало возможность проследить изменения произношения информантов в зависимости от позиции в слове. При этом исследуемые слова (ПИРОГ, САПОГ, УТЮГ, КРУГ) были использованы с числительными «ДВА / ТРИ / ЧЕТЫРЕ», так как именно в этом случае появляется необходимая для исследования форма с гласным на конце. В задании использовались филлеры для отвлечения внимания респондента. Так, среди картинок были слова, имеющие несколько вариантов множественной формы, лишь одна из которых является нормой. Эксперимент представлен в Приложении 6.

4. Результаты исследования

Результаты эксперимента были записаны на диктофон и занесены в таблицу MS Excel. Каждому информанту соответствовала строка таблицы с внесенными данными. В таблице имелись столбцы для информации о месте жительстве информанта и его проживании до 10 лет (отдельные столбцы для области и населенного пункта), поле, возрасте и образовании. В таблице также были столбцы для каждого из слов с интересующим нас звуком.

На Рис.1 представлен пример строки, соответствующей одному информанту:

Рисунок 1. Строка ответов информанта

1	область				город/деревня		пол		образование
25	Орловская, Тульская				деревня		ж		среднее
друг	луг	сапог	плуг	когда	пирог	пирога	утюг забы	тогда	утюга
к	к	х	к	г	к	ɣ	ɣ	ɣ	ɣ

круг дяди	луга	сапога	круга	ПИРОГ	ПИРОГ-ПИРОГА	САПОГ
ɣ	ɣ	ɣ	ɣ	к	ɣ	х

САПОГ-САПОГА	УТЮГ	УТЮГА	КРУГ	КРУГА
ɣ	к	ɣ	х	ɣ

Для каждого вхождения указывался произнесенный информантом звук.

Информанты были поделены на группы согласно их уровню образования. В нашем исследовании различные уровни образования являются аналогией социальной иерархии. Все информанты были разделены на 3 группы: имеющие высшее образование (high level), среднее профессиональное образование (middle level) и среднее образовании (low level). Все результаты исследования представлены как для каждой из групп, так и для всех информантов в целом.

4.1 Фактор образования

Таблица 1 показывает зависимость уровня нормативности речи от фактора образования. Информантам было предложено причитать текст, содержащий слова-идентификаторы.

Во втором столбце Таблицы 1 представлены данные для группы информантов из 14 человек, имеющих высшее образование. Для каждого слова-идентификатора представлены данные о количестве людей, произнесших литературный или диалектный вариант, а также их процент. Согласно полученным данным, если звонкий заднеязычный в слове находится перед гласной или на конце слова, примерно 8 (57%) человек из 14 при произнесении используют литературный вариант. В целом около 60% произнесений информантов, имеющих высшее образование соответствует литературной норме.

В Таблице 1 также представлены данные для группы из 12 информантов со средним специальным образованием. Результаты при разном положении звука в слове не столь различны, за исключением двух слов со звонким заднеязычным перед согласным. Однако, средний уровень литературного произношения заметно ниже показателя предыдущей группы – 42%.

В последней группе из 16 опрошенных, имеющих среднее образование, достаточно сильно заметна корреляция с местом звонкого заднеязычного в слове. В группе, где он находится на конце слова, количество литературных произнесений почти в два раза больше, чем в группе со звонким заднеязычным перед гласным. Такое явное различие можно объяснить тем, что произнесение фрикативного [х] на месте общепринятого взрывного [к] является общеизвестной и довольно распространенной диалектной чертой, которую информанты при чтении могли осознанно избегать [Парикова 1966, Пеньковский 1967]. Более точная картина получится при сравнении этих результатов с результатами теста на неосознанную речь. А вот средний уровень литературности почти не отличается от показателей второй группы информантов с средним-специальным образованием – 41%.

Таблица 1. Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора образования. Процент литературного произнесения. Чтение.

Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора образования. Процент литературного произнесения. Чтение.			
	Высшее образование – 14 человек	**Среднее-специальное образование – 12 человек**	**Среднее образование – 16 человек**
Друг [к], [х]	8 (57%)	3 (25%)	10 (63%)
Плуг [к], [х]	9 (64%)	3 (25%)	6 (38%)
Луг [к], [х]	8 (57%)	4 (33%)	5 (31%)
Сапог [к], [х]	3 (21%)	1 (8%)	5 (31%)
Пирог [к], [х]	9 (64%)	6 (50%)	8 (50%)
Утюг [к], [х]	7 (50%)	6 (50%)	6 (38%)
Круг [г], [ɣ]	9 (64%)	7 (58%)	10 (63%)
На конце слова, среднее значение	**7,6 (54%)**	**4,3 (36%)**	**7 (43%)**
Луга [г], [ɣ]	9 (64%)	3 (25%)	4 (25%)
Сапога [г], [ɣ]	6 (43%)	4 (33%)	3 (19%)
Пирога [г], [ɣ]	9 (64%)	3 (25%)	5 (31%)
Утюга [г], [ɣ]	8 (57%)	5 (42%)	3 (19%)
Круга [г], [ɣ]	8 (57%)	5 (42%)	3 (19%)

Перед гласной, среднее значение	**8 (57%)**	**4 (33%)**	**3,6 (23%)**
Когда [г], [ɣ]	11 (79%)	9 (75%)	13 (31%)
Тогда [г], [ɣ]	13 (93%)	11 (92%)	10 (24%)
Перед согласной, среднее значение	**12 (86%)**	**10 (86%)**	**11 (69%)**
Среднее кол-во человек	**8,4 (60%)**	**5 (42%)**	**6,5 (41%)**

Итак, уровень литературности речи информантов, имеющих высшее образование, заметно отличается от остальных двух групп, чьи результаты практически совпадают. Необходимо отметить, что допущенное нами деление на группы и, соответственно, классы весьма условно. Именно поэтому можно предположить, что реального статусного различия между группой информантов со средним образованием и группой информантов со средним специальным не существует.

Вторым заданием эксперимента стали картинки-подсказки, с помощью которых были получены образцы неосознанной речи информантов. Респондентам были предложены 13 рядов картинок, которые нужно было заменить словом. Так, необходимые словоформы *пирог-пирога, сапог-сапога, утюг-утюга и круг-круга* были окружены филлерами, среди которых встречались пары со словарной формой множественного числа (*помидор-помидоров, носок-носков, апельсин-апельсинов*), дабы отвлечь внимание информантов.

В Таблице 2 представлены результаты второй части эксперимента для группы информантов с высшим образованием. Зависимости уровня диалектности речи от места звонкого заднеязычного в слове не наблюдается. При сравнении с результатами теста на осознанную речь можно отметить, что доля диалектных произнесений для группы информантов с высшим образованием не изменилась. При этом учитываются лишь результаты первой и второй групп слов, так как слов со звонким заднеязычным перед согласным в тесте на неосознанную речь не содержалось.

Для второй группы информантов со средним специальным образованием корреляция между местом звонкого заднеязычного в слове и его произнесением заметнее. В случае, когда он стоит перед гласной, уровень литературности выше на 18%. Как уже многократно отмечалось, именно вариант произнесения звонкого заднеязычного на конце слова является главной диалектной чертой орловцев. Тест на спонтанную речь подтверждает это представление, а также доказывает, что подобные результаты при чтении могли быть следствием осознанной коррекции речи информантов, так как в первом задании подобной корреляции не наблюдалось.

Результаты группы информантов со средним образованием не выявляют зависимость произнесения от места звонкого заднеязычного в слове. А вот общий процент литературности заметно ниже, чем у других групп – чуть больше 30% литературного произнесения. При этом уровень диалектности в сравнении с результатами теста на осознанную речь не изменился.

Таблица 2. Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора образования. Процент литературного произнесения. Неосознанная речь

Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора образования. Процент литературного произнесения. Неосознанная речь			
	Высшее образование – 14 человек	**Среднее-специальное образование – 12 человек**	**Среднее образование – 16 человек**
Пирог [к], [х]	9 (64%)	5 (42%)	8 (50%)
Сапог [к], [х]	6 (43%)	4 (33%)	4 (25%)
Утюг [к], [х]	8 (57%)	6 (50%)	3 (19%)
Круг [г], [ɣ]	10 (71%)	5 (42%)	4 (25%)
На конце слова, среднее значение	**8, 25 (59%)**	**5 (42%)**	**4,75 (30%)**
Пирога [г], [ɣ]	7 (50%)	7 (58%)	6 (37%)
Сапога [г], [ɣ]	8 (57%)	6 (50%)	6 (37%)
Утюга [г], [ɣ]	7 (50%)	7 (58%)	4 (25%)
Круга [г], [ɣ]	9 (64%)	9 (75%)	5 (31%)

Перед гласной, среднее значение	**7, 75 (55%)**	**7,25 (60%)**	**5,25 (33%)**
Среднее кол-во человек	**8 (57%)**	**6,1 (51%)**	**5 (31%)**

4.2 Фактор места рождения

Вторым социолингвистическим фактором, учтенным в ходе эксперимента, стало место рождения информанта и его проживания до 10 лет. Использование диалекта, его сохранение, устойчиво именно в сельской местности и провинции. Более половины (62%) опрошенных родились в деревнях.

В Таблице 3 наглядно представлены результаты опроса в зависимости от места рождения респондента. Для людей, рожденных в городе, разница в зависимости места звонкого заднеязычного в слове незначительна, в первой и второй группе они практически одинаковы. Общий процент литературности – 63. Другая ситуация обстоит с респондентами, выросшими в деревне – 37% литературности. В этом случае есть небольшая разница показателей первой и второй группы слов, обусловленная именно местом звонкого заднеязычного. Скорее всего, разницу в 13% внесла третья группа респондентов (среднее образование – 16 человек), 75% которых выросли в деревнях и которые, как было отмечено выше, могли осознанно избегать одной из известных диалектных черт.

Таблица 3. Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора места рождения. Процент литературного произнесения. Чтение

Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора места рождения. Процент литературного произнесения. Чтение		
Всего человек - 42	**Город-16 человек**	**Деревня-26 человек**
Сапог [к], [х]	4 (25%)	4 (15%)
Плуг [к], [х]	9 (57%)	8 (30%)
Луг [к], [х]	9 (57%)	9 (35%)
Друг [к], [х]	9 (57%)	9 (35%)
Утюг [к], [х]	11 (69%)	12 (46%)

Пирог [к], [х]	11 (69%)	12 (46%)
Круг [г], [ɣ]	13 (81%)	12 (46%)
На конце слова, среднее значение	**9,4 (59%)**	**9,4 (36%)**
Круга [г], [ɣ]	8 (50%)	5(19%)
Сапога [г], [ɣ]	9 (57%)	5 (19%)
Луга [г], [ɣ]	10 (63%)	6 (23%)
Утюга [г], [ɣ]	10 (63%)	7 (27%)
Пирога [г], [ɣ]	11 (69%)	7 (27%)
Перед гласной, среднее значение	**9,6 (50%)**	**6 (23%)**
Тогда [г], [ɣ]	13 (81%)	17 (65%)
Когда [г], [ɣ]	15 (94%)	22 (85%)
Перед согласной, среднее значение	**14 (88%)**	**19,5 (75%)**
Среднее кол-во	**11 (63%)**	**9,6 (37%)**

В Таблице 4 представлены результаты эксперимента неосознанной речи информантов в зависимости от их места рождения. Данные Таблицы 4 не сильно отличаются от результатов теста на осознанную речь, представленных в Таблице 3. Средние значения одинаковые – чуть более 60% и 37% литературного произношения рожденных в городе и деревне соответственно.

Таблица 4. Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора места рождения. Процент литературного произнесения. Неосознанная речь

Зависимость уровня сохранности диалектных черт речи от фактора места рождения. Процент литературного произнесения. Неосознанная речь		
	Город – 16 человек	**Деревня – 26 человек**
Пирог [к], [х]	9 (56%)	13 (50%)
Сапог [к], [х]	7 (44%)	7 (27%)
Утюг [к], [х]	8 (50%)	9 (35%)
Круг [г], [ɣ]	10 (63%)	9 (35%)

На конце слова, среднее значение	**8,5 (53%)**	**9,5 (37%)**
Пирога [г], [ɣ]	10 (63%)	10 (38%)
Сапога [г], [ɣ]	10 (63%)	10 (38%)
Утюга [г], [ɣ]	10 (63%)	8 (31%)
Круга [г], [ɣ]	13 (81%)	10 (38%)
Перед гласной, среднее значение	**10,8 (67%)**	**9,5 (37%)**
Среднее кол-во	**9,7 (61%)**	**9,5 (37%)**

В целом, данное исследование подтверждает общепринятое представление о большей сохранности диалектных черт речи людей из сельской местности и провинции. Разница довольно ощутима – 63% и 37% литературных произнесений для рожденных в городе и в деревне соответственно.

5. Дисперсионный анализ

Для того чтобы выяснить, какой из социолингвистических факторов – уровень образования или место рождения – влияет на сохранность диалектных черт речи больше, в ходе исследования был применен метод дисперсионного анализа. Дисперсионный анализ – метод статистической оценки связи между факторными и результативными признаками. Для использования этого метода понадобилось зашифровать данные таблицы информантов особым образом в виде нулей и единиц, где единицы – соответствующий литературной норме вариант, а ноль – диалектный вариант. При этом социолингвистические данные были также зашифрованы: высшее образование – 3, среднее-специальное образование – 2, среднее образование – 1, рожденный в городе – 1, рожденный в деревне – 0. После зашифровки данных была сделана необходимая проверка, в ходе которой выяснилось, что данные исследования распределены нормально и метод дисперсионного анализа может быть к ним применен. Основным результатом этой работы является графа «Средний результат» в Таблице 5, в которой указана десятичная дробь, отражающая процент литературных произнесений информантов.

Итак, методом дисперсионного анализа было определено, что именно фактор места рождения играет наибольшую роль в определении уровня сохранности диалектных черт речи человека. Более подробную картину результата описывает Таблица 5.

Таблица 5. Результаты дисперсного анализа

Образование	Место рождения	Средний результат	Количество человек	Средняя величина
Среднее	деревня	**0,3283**	12	0,26846
	город	**0,535**	4	0,38923
	общее	0,38	16	0,30281
Среднее-специальное	деревня	**0,48**	7	0,33267
	город	**0,298**	5	0,15707
	общее	0,4042	12	0,27949
Высшее	деревня	**0,2757**	7	0,27404
	город	**0,8986**	7	0,15399
	общее	0,5871	14	0,38737
Общий результат	деревня	0,355	26	0,2877
	город	0,62	16	0,34506
	общее	0,456	42	0,33316

Таблица показывает, что если информант родился в деревне, имеет среднее образование, уровень литературности его речи – 33%. При этом, если человек, имеющий среднее образование, родился в городе, уровень сохранности диалектных черт в его речи заметно ниже – 54%.

В группе респондентов со средним-специальным образованием ситуация иная. У рожденных в деревне информантов уровень литературности выше, чем у рожденных в городе и имеющих тот же уровень образования – 48% и 30% соответственно. Это можно объяснить ориентацией людей среднего социального класса на людей более высокого класса. Как правило, подобная тенденция «подражания» речи высшего класса свойственна женщинам, а в нашем исследовании их 81%.

В третьей группе респондентов, имеющих высшее образование, информантам, рожденным в деревне, также был свойствен невысокий уровень литературности речи – 28%. Это мало отличается от результатов информантов, рожденных в деревне и получивших среднее образование (33%). Респонденты третьей группы, рожденные в городе и получившие высшее образование, имеют наибольший процент литературности речи – 90. Это доказывает, что именно совокупность факторов места рождения и образования имеет большее влияние на уровень сохранности диалектных черт речи, чем факторы в отдельности.

6. Заключение

В ходе исследования был проведен эксперимент, в котором приняли участие 42 жителя города Орла в возрасте от 55 до 78 лет, имеющие различный уровень образования и место рождения. Согласно уровню образования респонденты были поделены на три группы, которые являлись аналогией различным социальным классам – высшему, среднему и низшему.

Начальная гипотеза о том, что уровень сохранности диалектных черт речи человека коррелирует с уровнем образования не подтвердилась. Согласно результатам, приведенным в Таблице 5, информантам, рожденным в городе и имеющим среднее образование, был свойствен больший уровень литературности речи, чем респондентам, имеющим высшее образование и выросшим в деревне. Результат кажется вполне оправданным, особенно если учесть тот факт, что речь человека формируется в течение первых 10 лет жизни. Таким образом, место рождения человека играет куда большую роль.

Также подтвердилось общее предположение, согласно которому люди среднего класса сознательно меняют свою речь в сторону более нормативной, так как это является одной из черт высшего класса. Такой вывод можно сделать, проследив результаты теста сознательной и несознательной речи фактора образования. (Таблицы 1, 2, 4)

В ходе исследования не было выявлено различий в произнесении звонкого заднеязычного перед гласным или на конце слова. Во всех тестах результаты были приблизительно одинаковыми. В то же время слова с звонким заднеязычным перед другим звонким согласным стали самыми «литературными». К сожалению, сделать точный вывод, что

именно это место расположения звонкого заднеязычного в слове дает наименьший процент сохранности диалектных черт в речи, в рамках данного исследования невозможно. Эти слова оказались в тексте для чтения непреднамеренно, а их количество слишком мало для их выделения в полноценную группу. К тому же эти слова похожи по структуре и морфологическому типу (когда, тогда), поэтому не исключено, что для других слов с позицией перед звонким согласным результат будет другой.

Данное исследование дает представление о распространении южно-российских диалектных черт среди старшего поколения жителей Орла. В целом, речь орловцев все еще сохраняет диалектные особенности, которые можно наблюдать даже среди людей с высшим образованием, но главными носителями диалекта все-таки являются люди, выросшие в сельской местности.

Приложение

Текст, использованный для экспериментального исследования. Полужирным выделены слова, анализ произнесений которых входил в задачи исследования.

Помню, был у меня в детстве **друг** Ванька, жил от моего дома совсем недалеко. Я к нему часто в гости ходил – через **луг**, вдоль длинного забора, рядом с которым стоял чей-то дырявый **сапог** и старый ржавый **плуг**. Однажды, когда моего **друга** не было дома, его бабушка позвала меня на **пирог** с чаем. Как оказалось, Ванька с родителями поехали за подарками ему на День рождения. Мне так завидно стало, у меня-то День рождения был еще совсем не скоро. Я увидел, как Ванькина бабушка припрятала ему кусок **пирога** за сервант. Как только она вышла, я себе этот пирог за шиворот и спрятал, да окликнул бабушку, что **утюг** забыл дома выключить, и выбежал скорее на улицу. А у нас тогда дома **утюга-то** и не было. Побежал я домой, что есть сил, аж споткнулся о спасательный **круг** дяди Леши, который с моим папой часто выходил в море рыбачить, но побежал дальше – вдоль **луга**, забытого **сапога**, длинного забора… Мама дома сразу поняла, что я что-то натворил, а как пирог увидела – тут же отцу рассказала. Наутро я сам пошел к Ваньке просить прощения, еще боялся, что больше не будет дядя Леша давать нам круг спасательный на речку купаться, у меня-то такого **круга** не было.

Литература

1. Новикова Н.Д. Социолингвистическое исследование вариативности произношения фрикативного/взрывного [г] в городе Тула // М., 2013.

2. Лабов У. Исследование языка в его социальном аспекте // Н.С. Чемоданов (ред.). Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. С. 96–181.

3. Лабов У. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Н.С. Чемоданов (ред.). Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. С. 320–335.

4. Парикова Н.Б. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 125–135.

5. Пеньковский А.Б. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

6. Labov W. The Social Stratification of English in New York City // Washington, DC: Centre for applied linguistics, 1966.

Резюме

Главной задачей исследования было сопоставление типа реализации звонкого заднеязычного согласного в речи городских жителей Орла с социолингвистическими факторами. Одной из основных особенностей южной группы диалектов русского языка является фрикативное [ɣ] на месте нормативного взрывного [г]. Эта черта орловского диалекта и легла в основу исследования.

Социолингвистическими факторами, учтенными в ходе исследования, стали уровень образования информанта и его место жительства до 10 лет (город или деревня). Для выявления речевых особенностей информантам были предложены текст и картинки-подсказки, в которых содержались слова *друг, луг-луга, сапог-сапога, плуг, пирог-пирога, утюг-утюга, круг-круга* со звонким заднеязычным на конце слова.

В исследовании приняли участие 42 человека. Среди опрошенных 16 (38%) родились и выросли в Орле, остальные 26 (62%) – в деревнях. Также было выделено три группы в зависимости от уровня образования информантов – 14 (33%) человек, принявших участие в эксперименте, имеют высшее образование, 12 (29%) – среднее специальное, а 16 (38%) опрошенных имеют среднее (школьное) образование.

Результаты исследования показали, что важнейшим социолингвистическим фактором, обусловливающим диалектные

черты в речи, является именно место рождения человека, а уровень образования играет меньшую роль. Очень высокий уровень нормативности речи был выявлен при одновременном взаимодействии двух факторов – высшего образования и городского места жительства – в 90% случаев произнесение информантов соответствовало литературной норме.

Summary

The aim of the research was to find a correlation between types of realization of the voiced velar in the speech of Oryol citizens and their education level (school/technical secondary school/university) and place of birth (city/village). Retired people still have dialect language features that is why the middle age of the informants was 66 years (from 55 to 78).

Among the consultants 16(38%) people we born and raised in the city, 22(62%) of them were born and raised in a village. All the people were divided into three groups: 14(33%) of them had higher education (university), 12(29%) had technical secondary school education and 16(38%) of them had school education.

To reveal informants' dialect features we asked them to read a text aloud and to pass a picture test contained words *друг* ('friend'), *луг* ('field') – *луга*, *сапог* ('boot') – *сапога*, *плуг* ('plough'), *пирог* ('cake') – *пирога*, *утюг* ('iron') – *утюга*, *круг* ('circle') – *круга* with a voiced velar.

The research revealed that the most important sociolinguistic factor that influenced on informants' speech is the place of their birth. If two factors work together (higher education and city place of birth) the level of dialect speech is low – only 10%.

И.Ю. Чечуро
НИУ ВШЭ, Москва

Семантика локализации -q- в андийских языках[1]

1. Введение

Для большинства языков нахско-дагестанской языковой семьи характерны сильно развитые падежные системы. Обычно именную парадигму можно разделить на две части: функциональные (грамматические) падежи и локативные формы. Это разделение основано на морфологическом критерии: показатели функциональных падежей состоят из одной морфемы, в то время как показатели локативных форм — из двух. Первая морфема в составе локативной формы обычно называется *локализацией*, вторая — *ориентацией* [Кибрик 2002].

Категория локализации обычно характеризует некоторую область пространства относительно ориентира. Категория ориентации описывает характер движения объекта по отношению к ориентиру. К примеру, в ахвахском языке показатель *-ʟ’:i-* **(SUB)** обозначает область под ориентиром, а отсутствие показателя ориентации выражает отсутствие движения: *miʕa-ʟ’:i* ‘нос**.OBL-SUB.ESS**’, т.е. *‘под носом’*.

В этой работе мы рассматриваем один из показателей локализации в падежных системах трёх андийских языков: ахвахского, годоберинского и чамалинского. Также мы рассматриваем данные двух диалектов андийского языка: диалекта с. Риквани и диалекта с. Зило, собранные в ходе экспедиции летом 2015 года.

Целью исследования является описание локативной семантики показателя локализации *-q-* (может также реализоваться как *-qi-*, *-q:i-*, *-q:-*), которая традиционно часто описывается как ‘около’ с различными оттенками [Саидова 2006], [Магомедова, Абдулаева 2007]. В то же время, в чамалинско-русском словаре [Магомедова 1999] приводится другое описание.

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Северный Кавказ: аспекты языковой и этнической плотности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Ниже в таблице приводятся алломорфы и соответствующие им описания из словарей:

Таблица 1. Описания семантики локализации -q- в грамматических очерках

Язык		Описание
Ахвахский	*-qː-*	«У чего-либо, около чего-либо, при чем-либо», «В конкретно локальном значении падежи этой серии образует ограниченное количество слов. Широко распространены абстрактные значения локатива этой серии…» [Магомедова, Абдулаева 2007].
Годоберинский	*-qi-*	«Серия с показателем -хъи имеет значение - нахождение у чего-либо» [Саидова 2006].
Чамалинский	*-q-*	«Конкретно- локальные значения серии сводятся к выражению расположения объекта по поверхности чего-л., у чего-л.» [Магомедова 1999].

Важно отметить, что [Маллаева 2012] пишет, что разница между локализациями *-q-* и *-χ-* заключается в наличии или отсутствии контакта между объектом и ориентиром.

При этом примеры, которые авторы приводят в словарных статьях, зачастую не соответствуют описаниям. В частности, в ахвахско-русском словаре [Магомедова, Абдуллаева 2007] зафиксированы следующие употребления, явно не удовлетворяющие приведённому описанию:

(1) *кето* ***кат1ихъуне*** *хːеревуди*
keto *kat'i-qː-une* *χːerewudi*
кошка **отверстие.OBL-APUD-EL** залезла
'Кошка залезла через отверстие'.

(2) *и^{н}гохъу* *т1ит1а* *рекъ1ари* *ч1илага*
iÞgo-q:-u *t'it'a* *req'ari* *č'ilaga*
дыра.OBL-APUD-EL муха залетела
'В окно залетела муха'.

(3) ***миг1ахъу*** *гьурулъ1а*
miʔa-q:-u *huruɿa*
нос.OBL-APUD-EL говорить
'говорить через нос, гундосить'.

В рамках этой работы мы не стремимся дать одно инвариантное описание сразу для всех употреблений локализации *-q-* для всех языков. Напротив, мы приходим к выводу, что в рассматриваемых языках показатель находится в процессе эволюции от 'около' к 'по' и обладает признаками как старого значения, так и нового. Кроме того, мы приводим семантическую карту, на которой изображены все возможные пространственные значения локализации *-q-* и то, в каких языках они присутствуют.

В силу традиции, мы глоссируем *-q-* как APUD, поскольку именно этот ярлык обычно используется для локализаций со значением 'около'. Тем не менее, мы не считаем, что эта глосса достаточно полно описывает семантику морфемы.

2. Методология

В нашем исследовании мы пользовались тремя словарями: чамалинско-русским [Магомедова 1999], годоберинско-русским [Саидова 2006] и ахвахско-русским [Магомедова, Абдулаева 2007]. Объем каждого из словарей составляет около 8000 слов. Для чамалинского языка было извлечено 158 примеров, для ахвахского — 35 примеров, для годоберинского— 148 примеров, исключая повторы.

Также были использованы грамматика ахвахского языка З. М. Магомедбековой [Магомедбекова 1967], грамматика чамалинского языка П. А. Саидовой [Саидова 1973] и очерк грамматики чамалинского языка А. А. Бокарева [Бокарев 1949].

Все примеры, извлечённые из словарных статей, были классифицированы по следующим параметрам: имя в форме на *-q-* и управляющий этим именем глагол, с переводами, семантический класс глагола и имени, перевод всей фразы,

значение и комментарий. На основании этих данных мы строим классификацию употреблений, описанную далее в работе.

3. Локативные употребления

Всего мы выделяем 8 областей пространства, нахождение в которых описывается локализацией -q-:

‘нахождение около ориентира’,

‘объект удерживается в положении, потому что прикреплен к ориентиру’ (значения типа CONT),

‘нахождение во внутренней области полого ориентира’,

‘нахождение в веществе или среди множества однородных объектов’,

‘нахождение на верхней поверхности ориентира’,

‘нахождение в области действия природных явлений (на ветру, в тени, в огне, на солнце)’,

‘нахождение на краю’,

‘нахождение в области без указания на пространственные отношения’ (нейтральный локатив).

Для некоторых из них в андийских языках существуют отдельные локализации, характеризующие именно такое расположение объектов. Таким образом, возникает конкуренция локализации -q- с другими, более стандартными, способами выражения таких пространственных отношений. В этой части работы мы показываем, что в контекстах, где используется -q-, причиной его использования является желание говорящего подчеркнуть пролативный характер движения объекта или распределённость объекта по ориентиру, а не пространственные отношения между ними. В то же время, мы считаем, что в аналогичных контекстах стандартные локализации тоже могут быть использованы, однако без передачи пролативности.

3.1. Область около ориентира

Область около ориентира является базовым, с точки зрения большинства грамматических описаний, употреблением локализации -q-. В то же время, наши данные не позволяют считать его таковым в силу того, что большинство контекстов со значением ‘около’, в которых используется эта локализация достаточно специфичны и не являются нейтральными. В рамках этой группы употреблений мы зафиксировали следующие типы:

1) личный локатив (чамалинский и годоберинский),

2) комитатив (ахвахский, чамалинский, годоберинский),
3) функциональное ‘около’ (ахвахский).

3.1.1. Личный локатив

Полноценные примеры такого употребления зафиксированы только в годоберинском языке:

(4)	*илъи*	*сану*	***мадугьалхъи***	*л1а*
	iλi	*sanu*	*maduhal-qi*	*ʟ:a*
			соседи.OBL-APUD.LAT	ИДТИ.**IMP**

‘Пошли со мной к соседям’.

В чамалинском языке зафиксирована идиома, часть которой можно считать личным локативом:

(5)	***джагьан:абахъ***	*вунабекьа!*
	ʒahan:aba-q	*wunabeʟ’a*
	дьявол.OBL-APUD.LAT	пусть.идёт

‘Пусть идёт хоть к дьяволу!’

3.1.2. Комитатив[2]

Комитативом обычно называется падеж, которым маркируется участник, выполняющий действие совместно с субъектом. В андийских языках нет отдельного падежа, выполняющего эту функцию, его роль во многих случаях выполняет локализация *-q-*. Значение комитатива в чистом виде, как в примере (6), зафиксировано только в годоберинском языке. Промежуточный между локативом и комитативом тип, аналогичный (7), есть во всех исследуемых языках:

Годоберинский:

(6)	***воч1ухаимухъи***	*гулати*
	woč’uχatu-qi	*gulati*
	дед.OBL-APUD	разговаривать

‘разговаривать с дедом’

[2] Мы относим комитативное употребление ***-q-*** к локативным, так как оно является промежуточным между ‘около’ и ‘вместе’ и не всегда можно однозначно различить эти два типа.

Ахвахский:

(7) ***ла"галихъе*** *ишвалъе* *гурулъ1а*
laÞgali-qːe *iš^{w}aλe* *ɡuruɯa*
овцы.OBL-APUD.ESS чабанство делать
‘пасти стадо (букв. около / у овец чабанство делать)’

3.1.3. Функциональное ‘около’

Функциональным ‘около’ мы называем такое расположение объектов, при котором объект находится не просто около ориентира, а в некоторой области, предназначенной для взаимодействия с ним. На материале русского языка это можно проиллюстрировать предлогами около и за, ср.: *Я сижу около стола* и *Я сижу за столом*. Такая область обычно характерна для узкого круга объектов, таких как *очаг*, *родник*, *стол*, *крыльцо* и др.

В ахвахском языке функциональное ‘около’ передаётся локативом *-qː-*:

(8) ***ахъелохъе*** *к1уса*
aqelo-qːe *k’usa*
очаг.OBL-APUD садиться.**IMP**
‘Садись у очага’.

Следующий пример может быть интерпретирован и как функциональное, и как обычное ‘около’:

(9) ***коːхъе*** *гъаде* *йик1урулъ1а*
koː-qːe *ʁade* *jik’uruɯa*
ворота.OBL-APUD.ESS на.земле сидеть
‘Сидеть у ворот’.

В других языках такое употребление не зафиксировано.

3.2. Значения типа ***CONT*** *‘объект удерживается в положении, потому что прикреплен к ориентиру’*

В отдельный тип мы выделяем употребления, описывающие такие пространственные конфигурации, в которых объект каким-либо образом прикреплен к ориентиру и благодаря этому удерживается в описываемом положении. Нередко в дагестанских такие употребления входят в зону ответственности показателя локализации CONT, если таковая имеется в языке

[Ганенков 2005]. Если же локализации CONT нет, то эти значения передаются одной или несколькими локализациями с другими базовыми значениями. В рамках этого типа употреблений мы выделяем следующие подтипы:

– объект удерживается на ориентире, так как он к нему привязан (годоберинский и чамалинский),

– объект удерживается на ориентире, так как сам его «опоясывает» (чамалинский),

– объект расположен на вертикальной поверхности ориентира (ахвахский, годоберинский).

Важно отметить, что во всех примерах второго и третьего подтипов есть и пролативный компонент значения, такой как движение по ориентиру или распределённость объекта по ориентиру.

3.2.1. Привязывание объекта к ориентиру

Контекстами для этого типа являются не только собственно ситуации, где объект привязан к ориентиру (ср. «*Осёл привязан к столбу*»), но и ситуации типа «*повесить X на Y* » (ср. «*Картина висит на гвозде*», но не «*Картина висит на стене*»):

Годоберинский:

(10)	***гьумихъи***	*гьамахи*	*ч1анни*
	humi-qi	*hamaχi*	*čanni*
	столб.OBL-APUD	осёл	привязать

‘Привязать осла к столбу’.

Чамалинский:

(11)	***а^{н}кухъ***	*шани*	*гета:ла*
	aÞku-q	*šami*	*geta:la*
	гвоздь.OBL-APUD.LAT	полтуши	повесить

‘Повесить полтуши на деревянный гвоздь’.

Чамалинский:

(12)	***унахъ***	*к1а^{н}з*	*ч1ана:ла*
	una-q	*k’ãz*	*č’ana:la*
	голова.OBL-APUD	платок	повязать

‘обвязать голову платком (повязать платок по голове)’.

3.2.2. Нахождение на вертикальной поверхности ориентира

Такое значение зафиксировано в ахвахском и годоберинском языках. Употребления, аналогичные (13), где ориентир — *часть*

тела, встречаются в обоих языках; употребления, аналогичные (14) — только в годоберинском:

Ахвахский:

(13) *хеме* ***ракъол1ихъа*** *бекъ1оːрулъ1а*
χеte ***raq’ːoɩi-qːa*** *beq’oːruɩa*
ноша **спина.OBL-APUD.LAT** взвалить
‘Взвалить ношу на спину’.

Годоберинский:

(14) ***къунахъи*** *лълъени* *ххвардатада*
q’una-qi *λːeni* *χːʷardatada*
стена.OBL-APUD вода стекает
‘По стене стекает вода’.

Необходимо отметить тот факт, что в этом примере присутствует пролативный компонент значения, а именно, движение по стене. Более того, этот компонент может являться более важным, поскольку используется глагол движения, и говорящему может быть важнее передать характер, а не место движения.

3.3. Внутренняя область полого ориентира

Достаточно часто область пространства, фигурирующая в употреблениях -q- может быть описана как внутренняя область полого ориентира. Таких употреблений найдено всего 57, из которых 30 в чамалинском, 13 в ахвахском и 14 в годоберинском. Важно отметить, что среди этих употреблений наиболее часты элативные (движение из обозначенной области) и пролативные (движение по обозначенной области). Кроме того, в этих примерах локализация -q- явным образом конкурирует с локализацией IN, которая описывает именно это область пространства и есть во всех исследуемых языках. Мы предлагаем выделить два основных типа употреблений:

– попадание из одной области в другую через проход,

– конечная фаза такого движения.

Для первого типа ситуаций пролативная интерпретация является естественной:

Годоберинский:

(15) ***микъихъи*** *гьамахи* *бутали*
miq’i-qi *hamaχi* *butali*
дорога.OBL-APUD осёл погнать

‘погнать осла по дороге’

Чамалинский:

(16) ***кара^{н}тхъо*** *лъ:и^{н}* *йес:ла*
karaÞt-q-o *λ:ĩ* *jes:la*
кран.OBL-APUD-EL вода пустить
‘пустить воду по крану’

Возможны и примеры, где отсутствует движение, однако пролативный компонент присутствует:

Чамалинский:

(17) ***гьач1хъо:*** *бац1на*
hač’-q-o: *bac’na*
глазок.OBL-APUD-EL смотреть
‘смотреть через глазок’

В некоторых случаях, ориентир может не иметь внутренней области, по которой возможно движение. В этом случае локализация *-q-* выражает попадание из одной области в другую, то есть имеются только начальная и конечная точки движения:

Чамалинский:

(18) ***ин:ахъо:*** *бухухула*
in:a-q-o: *buχuχula*
дыра.OBL-APUD-EL пролезать.MULT
‘не раз пролезать через дыру’

Во втором типе употреблений обычно фигурируют резервуары, то есть, полые объекты, для которых не характерно пролативное движение (например, *кувшин* или *нос*):

Ахвахский:

(19) ***миг1ахъуне*** *чухъи* *бат1урулъ1а*
miʔa-q:-une *čuq:i* *bat’uruɩa*
нос.OBL-APUD-EL козюля ковырять
‘ковырять козюлю из носа’

(20) ***миг1ахъуне*** *гьини* *бекъ1ере*
miʔa-q:-une *hini* *beq’ere*
нос.OBL-APUD-EL кровь течёт
‘Из носа идёт кровь’.

Здесь, видимо, произошёл семантический сдвиг от чистого пролатива (из одной области пространства в другую через проход) к конечной фазе этого движения (появление в новой области пространства).

В то же время некоторые примеры, на первый взгляд, не укладываются в предложенную модель:

Чамалинский:

(21) ***ан:абахъ*** *хох* *бук1уде:да дич1*
anːaba-q *χoχ* *buk'ude:da dič'*
уши.OBL-APUD.ESS шум находится
'У меня в ушах шум'.

Ахвахский:

(22) *рикьи* ***лъ1акьерохъе*** *букъеде ис:е*
riʟ':i ***λaʟ':ero-qːe*** *buq':ede is:e*
мясо **веранда.OBL-APUD** сушить
'Мясо мы сушим на веранде'.

(23) ***идохъе*** *шишакь1е* *букъо:рулъ1а*
ido-qːe *šišaʟ'e* *buq':oruʟa*
веранда.OBL-APUD бельё сушить
'сушить бельё на веранде'

Здесь можно предположить, что важно не нахождение внутри, а распределённость объектов по ориентирам[3].

3.4. Нахождение в веществе или среди множества однородных объектов

Это употребление характерно для всех трёх языков. Всего зафиксировано 16 примеров. Во всех примерах присутствует не только компонент нахождения внутри ориентира, но и распределённость объекта (или объектов) по ней в случае эссива, либо пролативное движение в других случаях:

[3] Действительно, бельё и мясо не только находятся внутри веранды, но и распределены по ней. Мы считаем, что в приведённых примерах говорящему важнее второй компонент значения и поэтому он использует -q-. Шум же в ушах невозможно однозначно локализовать, поэтому и здесь можно сказать, что объект (т.е. шум) распределён по ориентиру (ушам).

Чамалинский:

(24) *а* ***хохабахъо:*** *бух:даб*
а ***χоχаbа-q-о:*** *buχ:dab*
булыжник.OBL-APUD-EL проникающий
‘проныра (букв. проникающий через булыжник)’

Годоберинский:

(25) ***бе:рхъи*** *анзи баа*
be:r-qi *anzi baa*
горы.OBL-APUD снег выпал
‘В горах выпал снег (букв. По горам выпал снег)’.

3.5. Нахождение на верхней поверхности ориентира

Существует и другое употребление, зафиксированное в чамалинском языке: в нём отражается конкуренция между нахождением на ориентире и пролативностью:

Чамалинский:

(26) ***амухъ*** *с:1ера^{н}т1в йехъла*
amu-q *s’:erãt’^{w} jeqla*
крыша.OBL-APUD.ESS каток обкатать
‘обкатать крышу катком (обкатать каток по крыше)’

В этом контексте говорящему важнее подчеркнуть именно распределённость действия по ориентиру, что и определяет использование локализации *-q-*.

3.6. Природные явления

Существует отдельный тип употреблений, напоминающий нахождение в веществе: нахождение *в тени*, *в огне*, *на ветру* и *под солнцем* и подобные им. Мы предлагаем выделять их в отдельный класс, поскольку они не могут быть сведены к одному из других классов. Такие пространственные отношения кодируются при помощи *-q-*:

Ахвахский:

(27) ***хъелохъе*** *лъуда билъурулъ1а*
q:elo-q:e *λuda biλuruıa*
огонь.OBL-APUD.LAT дрова положить
‘Положить дрова в огонь.’

3.7. Расположение на краю

Несмотря на близость к собственно значению ‘нахождение около ориентира’, расположение на краю чего-либо мы выделяем в отдельный тип, поскольку в различных языках Дагестана такая конфигурация передаётся не только показателями *apud*, но и показателями *ante* либо. Все употребления этого типа связаны именно со словом ‘*край’*. В чамалинском и ахвахском языках такие употребления маркируются показателем *-q-*:

Ахвахский:

(28) ***бакь1ихъа*** *лъ1ерo:рулъ1а*
baʟ’i-q:-a *ʟero:ruʟa*
край.OBL-APUD-ALLAT отодвинуть
‘отодвинуть на край’

3.8. Нейтральный локатив

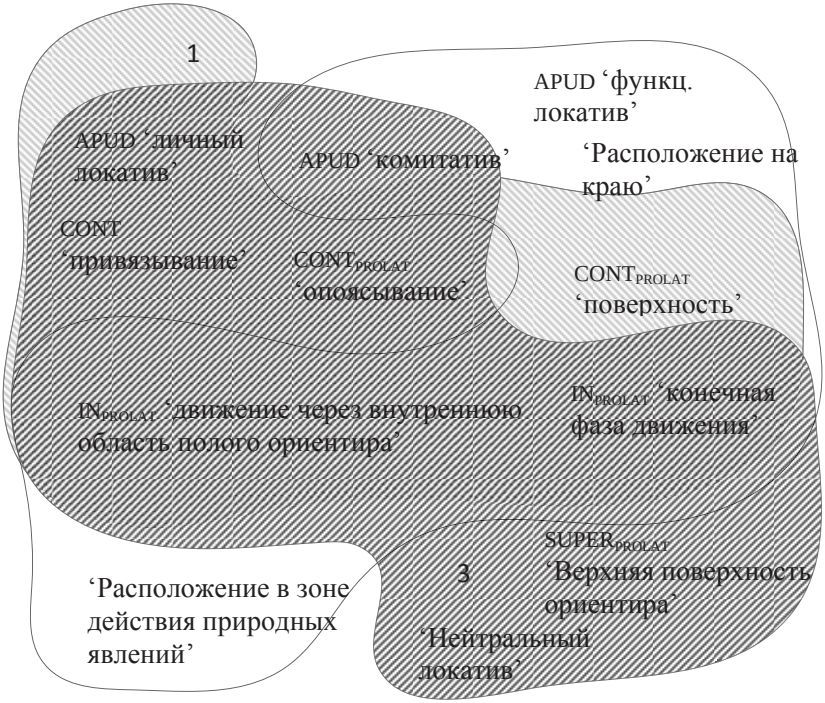
В чамалинском языке зафиксирована форма *iʟ’ane-q* ‘*где?*’, представляющая собой вопросительное слово в форме на *-q-*. Этот тип употреблений примечателен тем, что в нём отсутствует какая-либо семантика, описывающая пространственные отношения между объектом и ориентиром. То есть *-q-* в этом отношении уподобляется нейтральным локативным падежам, описывающим местоположение объекта, однако не передающим пространственных отношений между ним и ориентиром. Такие падежи не характерны для нахско-дагестанских языков, но характерны для языков других семей.

3.9. Семантическая карта локативных употреблений

В этом разделе мы приводим семантическую карту, на которой показано, какие из описанных употреблений зафиксированы в каждом из языков. На карте область 1 соответствует годоберинскому языку, область 2 — ахвахскому и область 3 — чамалинскому. Помета PROLAT соответствует тем употреблениям, для которых характерен пролативный компонент.

Как видно из приведённой карты, для всех трёх языков характерно выражение пролативных контекстов при помощи *-q-* и именно эти значения являются областью, где три фигуры накладываются друг на друга. Выражение значений типа APUD также достаточно типично, однако для разных языков характерна передача разных значений этой группы при помощи *-q-*.

Схема 1. Функции -*q*- в андийских языках.



4. Андийский язык

В ходе экспедиции в андийские с. Риквани и с. Зило Ботлихского района респ. Дагестан выявлены следующие факты:

в рикванинском говоре андийского языка локализация *-q-* используется как инструменталис,

в диалекте с. Зило зафиксирован ряд пролативных употреблений.

(29) *λːen-qi-kːu* *buʔinne* *torba*
река.OBL-APUD-EL идет труба
‘Поперёк реки проложена труба’.

(30) ***λːen-qi*** *buʔinne* *torba*
река.OBL-APUD идет труба
‘По реке (вдоль) проложена/плывёт труба’.

(31) ***q’enno-qi-kːu*** *buʔinne* *torba*
стена.OBL-APUD-EL идет труба
‘По стене проложена труба’.

(32) ***q'enno-qi-k:u*** *gelgedir* *qanžar*
стена.OBL-APUD-EL висит кинжал
'На стене висит кинжал'.

Из примеров видно, что для этого диалекта основным значением локализации *-q-* является пролатив.

5. Выводы

Таким образом, в работе рассмотрены локативные употребления локализации *-q-* в четырёх андийских языках. В результате анализа примеров показано, что традиционный анализ семантики этой локализации несостоятелен. В качестве альтернативы традиционному анализу мы предложили считать, что эта локализация находится в процессе эволюции от значение 'около' к значению пролатива, а также показали, какие именно значения локализация покрывает в каждом из языков.

Сокращения

ALLAT – аллатив, ориентация, выражающее движение в сторону ориентира без достижения цели; **APUD** – **A**пуд, локализация «около» ориентира; **CONT** – конт, локализация с семантикой 'объект удерживается в положении, потому что прикреплен к ориентиру'; **EDGE** – Edge (край), локализация, выражающее нахождение объекта на краю; **EL** – Элатив, ориентация, выражающая движение от ориентира. Часто используется для передачи тралс и пролативных значений; **ERG** – Эргатив, падеж, маркирующий субъект переходного глагола в эргативных языках; **ESS** – Эссив, ориентация, выражающая отсутствие движения; **IMP** – Императив, повелительное наклонение; **IN** – Ин, локализация, выражающая нахождение во внутренней области полого ориентира; **INTER** – Интер, локализация, выражающая нахождение в веществе или среди множества одинаковых объектов; **LAT** – Латив, ориентация, выражающая движение к ориентиру с достижением цели; **MULT** – Мультипликатив; **OBL** – Косвенная основа; **PROLAT** – Пролатив, падеж, выражающий движение по ориентиру; **SUB** – Суб, локализация, выражающая нахождение под ориентиром; **SUPER** – Супер, локализация, выражающая нахождение на ориентире.

Литература

1. Бокарев А.А. Очерк грамматики чамалинского языка. – Изд-во Академии наук СССР, 1949.

2. Ганенков Д.С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, Москва, 2005.

3. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.

4. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. Мецниереба, 1967.

5. Магомедова П.А. Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999.

6. Магомедова П.Т., Абдулаева И.А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007.

7. Маллаева З.М. Категория локализации и её репрезентация в аваро-андийских языках. Махачкала, 2012.

8. Саидова П.А. Годоберинский язык (Грамматический очерк, тексты, словарь). Махачкала, 1973.

9. Саидова П.А. Годоберинско-русский словарь. Махачкала, 2006.

Ключевые слова: *аваро-андийские языки, андийские языки, андийский язык, чамалинский язык, годоберинский язык, ахвахский язык, нахско-дагестанские языки, локализация, падеж, локативные формы, именная морфология, семантика.*

Keywords: *Avar-Andic, Andic, Chamalal, Godoberi, Akhvakh, Northeast-Caucasian, Nakh-Daghestanian, localization, case, locative forms, nominal morphology, semantics.*

СОКРАЩЕНИЯ

ИВГИ РГГУ – Институт высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета

ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований Российской академии наук

ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ИРЯ РАН – Институт русского языка Российской академии наук

ИСАА МГУ – Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ИЯз РАН – Институт языкознания Российской академии наук

МГГУ – Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова

МГЛУ – Московский государственный лингвистический университет

МГОУ – Московский государственный областной университет

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МПГУ – Московский педагогический государственный университет

НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…… 3

Аристархова О.С. (Москва)
Единство идиостиля в дневнике С.Л. Франка…… 4
Багдасарян К.А. (Москва)
Глаголы извлечения объекта в типологической перспективе.. 12
Бобрёнкова А.А., Закирова А.Н. (Москва)
К типологии лексико-семантического признака ‘loose’…… 30
Девяткина Е.М. (Москва)
Названия обуви в мордовских языках: сопоставление лингвистических и этнографических данных…… 43
Дрейзис Ю.А.(Москва)
Отношения вэньянь-байхуа-тополект в современной китайской поэзии……... 57
Кашлева К.К. (Москва)
Особенности темпорального поля «Песни о Нибелунгах»…... 69
Князева Е.М. (Москва)
Степень витальности языка куллуи в д. Наггар (район Куллу, штат Химачал-Прадеш, Индия)……... 80
Кобзева А.С. (Москва)
Разработка языкового теста на понимание и порождение предложений: данные нормы и данные пациентов с афазией.. 87
Кожемякина А.Д. (Москва)
Конструкции с «*то что*» в устной спонтанной речи…… 99
Комалова Л.Р. (Москва)
Вербализация агрессии в речевой коммуникации пользователей социальных сетей……. 115
Коношенко М.Б., Шлуинский А.Б. (Москва)
Субъектные лично-числовые показатели в языке эве……... 127
Косогорова М.А. (Москва)
Особенности заимствований из языка хауса в язык пулар-фульфульде…… 144
Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург)
Дейктические местоимения в речи взрослых, обращенной к ребенку……... 155
Крылова А.С. (Москва)
Видовременная система куллуи (западная группа пахари)….. 165

Куликов С.Ю. (Москва)
Неполная морфологическая адаптация этнорелигиозной лексики (с точки зрения автоматического морфологического анализа)…….. 179
Левин И.С. (Москва)
Частицы *dokh* и *zhe* языка идиш в сравнении с их славянскими и немецким когнатами……... 188
Макеева Н.В. (Москва)
Фонотактика языка акебу……. 199
Макуни Е.А. (Москва)
Особенности темпоральной организации художественных текстов с фикциональным комментарием…….. 212
Пискунова Е.И. (Москва)
Фейсбук или Фэйсбук? Динамика освоения твёрдых согласных перед [е] на материале заимствований разного времени……... 218
Ренковская Е.А. (Москва)
«Сказано – не сделано»: послелоги-маркеры субъекта в модально-деагентивных конструкциях в языках центральной и западной групп пахари…….. 243
Саркисов И.В. (Москва)
Принципы метрической организации в поэзии фульбе……. 253
Стойнова Н.М. (Москва)
Цитативная клитика =əm(də) в нанайском языке как маркер сентенциального актанта…….. 264
Часовских А.В. (Москва)
Вариативность в произношении звонкого заднеязычного согласного [г]/[ɣ] в речи жителей Орла…….. 281
Чечуро И.Ю. (Москва)
Семантика локализации -q- в андийских языках……... 297

Сокращения…… 312

Содержание…… 313

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Четвёртой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(24–26 сентября 2015 г.)

Подписано в печать 17.11.2016. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 19,75. Тираж 500. Заказ №6062

Отпечатано в типографии ООО ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»
150062, г.Ярославль, пр-т Доброхотова, 16-158
Тел. (4852) 58-76-39